

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Александр
Сергеевич
Грибоедов:

Чацкий
в молчалинском
чине

НЕ ПЛЕВАТЬ В ИСТОРИЮ, А ЗНАТЬ ЕЕ

КАК-ТО ТАК ИСТОРИЧЕСКИ ПОВЕЛОСЬ, ЧТО ЯНВАРЬ, ЕСЛИ выделять в нем какие-то исторические даты, это очередная годовщина смерти Ленина. В этом году – девяносто лет. Казалось бы, к такой «круглой» годовщине впору было ожидать очередного всплеска острых дискуссий на тему, не пора ли вынести тело основателя Советского государства из Мавзолея и захоронить. Однако, на удивление, какой-то остроты споров не почувствовалось. Из данной темы явно уходит еще недавно присущая ей ожесточенность. И даже те, кто с пеной у рта еще несколько лет назад призывал «искоренить» останки (в буквальном смысле этого слова) коммунизма, сегодня проявляют какое-то безразличие: да пусть уж остается, что ли.

Для многих представителей молодого поколения имя Ленина либо почти ничего не говорит, либо говорит совсем не то, что оно значило для советских людей еще лет тридцать назад. Проведите опрос с незатейливым вопросом «Кто такой Ленин?» в любой средней школе – и вы поразитесь безграмотности, дремучей притом, многих ответов. Это, конечно, результат некоторой, скажем так, разбалансировки среднего образования. Но и проявление того, что герои прошлых эпох уходят от нас, отдаляются. При этом то, что тело человека, прежде называвшегося вождем мирового пролетариата, лежит на главной площади страны, олицетворяет некоторую все же идейную кашу, в которой мы сейчас пребываем. Если, конечно, мумия может что-то олицетворять.

Любой образованный человек, безусловно, должен знать имя и дела того, кто совершил беспримерную попытку в истории построить «идеальное общество» и продвинулся – сам и руками своих идейных продолжателей – гораздо дальше всех живших до него утопистов. Однако когда сегодня пытаются втащить в нашу современную жизнь героев, традиции и артефакты ушедшей эпохи, восполнив только ими дефицит адекватных героев, должных тради-

ций и нравственных ориентиров современности, то это подчас выглядит как насмешка над реальностью. С головой, постоянно повернутой назад, очень неудобно идти и строить будущее. Героические, противоречивые и трагические персонажи прошлого, сколько бы о них ни спорили, все равно не смогут стать героями нашего времени и властителями наших душ. Другое дело, что их место в истории должно быть достойным. И негоже плевать в историю нашей страны, негоже и унижать ее и себя своим невежеством.

Ну а по поводу тела Ленина Россияне постепенно, похоже, приходят – постепенно, как то и следует, – к примиряющему всем консенсусу. Лишь четверть на сегодня считают, что он и дальше может спать вечным сном в Мавзолее. Три четверти так уже не считают. Значит, спать ему там осталось недолго. ●

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», президент Российской общества преподавателей русского языка и литературы, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Российской академии образования, председатель попечительского совета Фонда

ГОГОЛЕВСКИЙ А.В.

Руководитель Центра экспертиз федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет»

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Генеральный директор федерального государственного унитарного предприятия «Информационное телеграфное агентство России (ИТАР–ТАСС)»

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСАЧЕВ К.И.

Руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина»

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

ЛИВАНОВ Д.В.

Министр образования и науки Российской Федерации

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МЕДИНСКИЙ В.Р.
Министр культуры
Российской Федерации

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.
Президент межрегионального общественного фонда «Фонд изучения исторической перспективы»

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию, председатель правления Фонда

БОГДАНОВ С.И.
Проректор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет», председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, заместитель председателя правления Фонда

ЗАКЛЯЗЬМИНСКИЙ А.Л.
Директор
департамента науки,
высоких технологий
и образования
Аппарата
Правительства
Российской
Федерации

НИКОНОВ В.А.
Председатель комитета Государственной думы Российской Федерации по образованию

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.
Генеральный директор федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный Эрмитаж»

КАГАНОВ В.Ш.
Заместитель министра образования и науки Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.
Директор
департамента
специальной связи
МИД Российской Федерации

ЧЕРНОВ В.А.
Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ФУРСЕНКО А.А.
Помощник президента
Российской Федерации

ЯКУНИН В.И.
Президент открытого акционерного общества «Российские железнодорожные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы

РУССКИЙ МИР

- 06** «Век золотой нас вдохновляет...»
09 Музеи-усадьбы: развлекать или просвещать?

14 Четыре жизни

ИНТЕРВЬЮ

- 20** Литературный ландшафт России

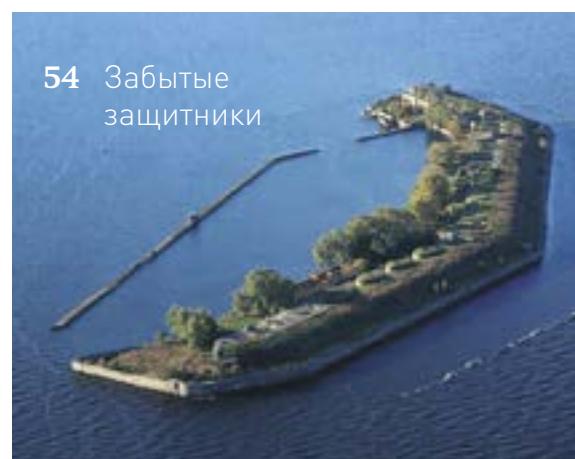
ИСТОРИЯ

- 28** Город мертвых

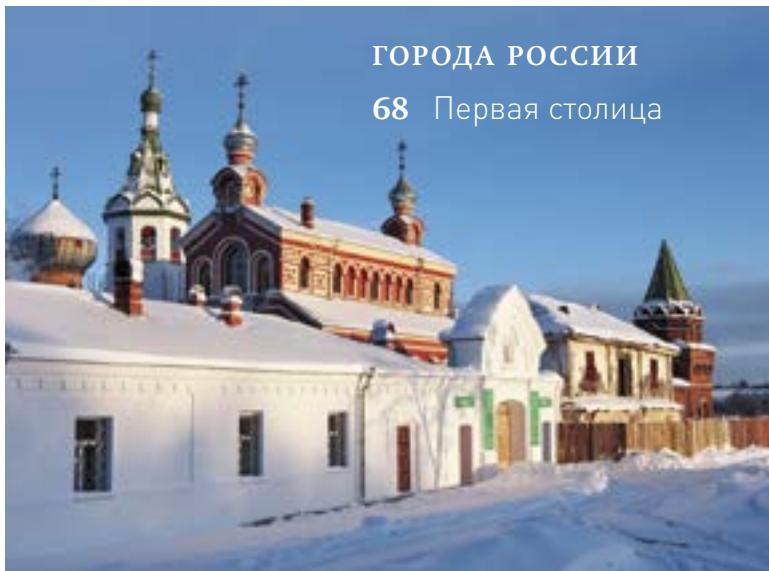
НАСЛЕДИЕ

- 38** Горе и ум
46 Не тюрьмой единой

СИТУАЦИИ

- 60** Созвездие «Ориона»

ИТАР-ТАСС

ГОРОДА РОССИИ

68 Первая столица

ТРАДИЦИИ

- 72 Уголок
русского мастера

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

- 78 Сила добра

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

- 82 Голоса
весеннего дня

ЭКСПЕДИЦИЯ

- 88 В поисках индийского «Иерусалима»

Фонд «Русский мир»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Оксана ПРИЛЕПИНА

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(499) 519-01-68

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Александр БУРЫЙ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Василий ГОЛОВАНОВ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Алексей МАКЕЕВ
Вера МЕДВЕДЕВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Михаил ТАРКОВСКИЙ
Денис ТЕРЕНТЬЕВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 8 000 экз.

Адрес редакции:
117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68
Электронный адрес:
info@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

«ВЕК ЗОЛОТОЙ НАС ВДОХНОВЛЯЕТ...»

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В ПЕРВЫЙ МЕСЯЦ НОВОГО ГОДА В РАЗНЫХ УГОЛКАХ ЛАТВИИ ЗВУЧАЛИ ПРИЗНАНИЯ В ЛЮБВИ К РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ – НА ЯЗЫКЕ ПОЭЗИИ, ТАНЦА, ПЕНИЯ, ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЧТЕНИЯ, ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА. ТЕМА ФЕСТИВАЛЯ-2014 «ТАТЬЯНИН ДЕНЬ», КОТОРЫЙ ЕЖЕГОДНО ПРОВОДИТСЯ ПО ИНИЦИАТИВЕ ЛАТВИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ В ПОДДЕРЖКУ ШКОЛ С ОБУЧЕНИЕМ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ЛАШОР): «XIX СТОЛЕТИЕ – ЗОЛОТОЙ ВЕК РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ». В НЫНЕШНЕМ, ПЯТНАДЦАТОМ ПО СЧЕТУ КОНКУРСЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ ПРИНЯЛИ УЧАСТИЕ 126 ШКОЛ И БОЛЕЕ 1200 ШКОЛЬНИКОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ, ЧТО ПОБИЛО РЕКОРДЫ ВСЕХ ПРЕДЫДУЩИХ ЛЕТ.

ОГРАНИЗАТОРЫ ФЕСТИВАЛЯ неспроста предложили всем участникам творческих конкурсов обратиться к произведениям русских классиков XIX века. Именно в это столетие, по праву названное «золотым веком», русская культура заявила о себе в полный голос. Это было время невероятного взлета русской литературы, театра, музыки, бале-

та, живописи, архитектуры. В рамках фестиваля «Татьянин день» никто не ограничивал конкурсантов в выборе произведений, но приветствовалось обращение к выдающимся людям эпохи, чьи юбилейные даты мир будет отмечать в 2014 году, – Александру Пушкину, Михаилу Лермонтову, Николаю Гоголю, Ивану Крылову, Николаю Римскому-Корсакову, Модесту Мусоргскому, Михаилу Глинке.

Как известно, день святой великомученицы Татьяны поначалу отмечался русским студенчеством, а потом и всей просвещенной Россией после основания 25 января 1755 года первого высшего учебного заведения России – Московского университета. После революции 1917 года в советской России про эту традицию подзабыли, а вот русская интеллигенция, живущая за рубежом, продолжала отмечать Татьянин день, но уже как праздник русской культуры. В довоенной Латвии это был один из самых любимых праздников студенческих корпораций. В Русских домах и культурных обществах устраивались балы и торжества, на них приглашались не только русские, но и латышские деятели культуры, многие из которых тоже имели дипломы российских вузов. В современной Латвии начиная с 25 января 2000 года по инициативе ЛАШОР Татьянин день отмечается как праздник русской культуры и образования. В рамках фестиваля каждый год проходит смотр самодеятельного творчества школьников и педагогов. Свое мастерство показывают певцы, музыканты, чтецы, танцоры. Проводятся конкурсы литературных работ, изобразительного и декоративно-прикладного искусства, театральных пьес и исследовательских работ по истории русской культуры Латвии.

Поет сводный хор русской рижской гимназии «Золитуде»

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Председатель
ЛАШОР
Игорь Пименов
готовится
поздравить
лауреатов

дить его ручкой на бумаге. Проблема еще и в том, что в современной школе очень мало уделяют внимания чистописанию. Учитель уже не «ставит» первоклашкам руку, поэтому нередко дети пишут, зажав ручку в кулаке. Хотя прописи еще сохранились в младших классах, но они уже не нацелены на формирование правильного наклона букв. А между тем, по мнению педагогов, это очень важно, поскольку мелкая моторика влияет на развитие мозга. И все же среди представленных на конкурс русской каллиграфии 86 работ оказалось немало прекрасно оформленных образцов, лучшие из которых были выставлены на всеобщее обозрение в Доме Москвы.

«Удивительным образом о нашем конкурсе узнали многие латышские школы, хотя в СМИ на латышском языке про «Татьянин день» никто не писал, – рассказал журналу «Русский мир.ru» председатель ЛАШОР Игорь Пименов. – Было много участников из смешанных латышско-русских семей, причем во всех номинациях. Активно участвовали в мероприятиях ребята из региональных школ-интернатов, а ведь там обучение проводится только на государственном языке, русский они изучают как иностранный. Хотел бы отметить замечательные выступления учащихся из Даугавпилса, Лудзы, Аглоны. Новизна нынешнего фестиваля – конкурс русской каллиграфии. Да-да, именно так – в наш век высоких технологий мы решили привлечь внимание к классической кириллице, оценивались почерки и беглость написания текста, причем не только среди учеников, но и среди педагогов. Я считаю, что уважительное отношение к письму означает такое же отношение к языку. Бич современного русского языка Латвии – англизмы и латышмы, понятно, что задача сохранения чистоты русского языка и его престижности у нас стоит гораздо острее, чем в России. Поэтому разными художественными способами мы стремимся раскрыть всю красоту и самобытность нашей культуры, передать ее следующим поколениям».

Каллиграфический конкурс, между прочим, оказался не таким уж легким, как ожидали многие участ-

ники, половина из которых не прошла во второй тур. По его условиям необходимо было правильно и красиво написать стихотворение Пушкина «Зимний вечер». Как призывались ученицы из латышских школ, для них писать по-русски очень сложно из-за трудных правил. Слышишь «ы», а писать надо «и» – вот и угадай, как правильно! Да и русские школьники не скрывали, что им проще и быстрее набрать текст на компьютере, чем выво-

дить его ручкой на бумаге. Но, конечно, традиционно все рекорды по участию побил конкурс исполнительского искусства. Организаторам фестиваля пришлось просмотреть и прослушать более 600 номеров школьной самодеятельности. Известный в Латвии специалист по русскому фольклору, музыкальный педагог Ольга Дергунова как член жюри увиденным осталась довольна: «Должна сказать, что дети, которые приходят к фольклору, особые. Как правило, они очень живые и непосредственные, им трудно усидеть на месте. Но это как раз то, что нужно, так как в русском фольклоре невозможно без открытости и бьющей через край энергии. Наши дети обожают импровизацию, для них характерно позитивное отношение к окружающим. Думаю, любовь к задушевным русским песням в какой-то степени определяет отношение ребенка к жизни. Поэтому очень важно, чтобы наши дети не забывали свою культуру. На фестивале меня порадовал прекрасный школьный ансамбль «Дравинка» из Резекне, участники которого сумели сохранить древние традиции Латгалии. Восхитительный фольклорный ансамбль есть в Лиепае, им руководит педагог-энтузиаст Екатерина Целле. У нее там все мальчишки и девочки просто потрясающие артисты! В этот раз было много интересных солисток, мы услышали прекрасное

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

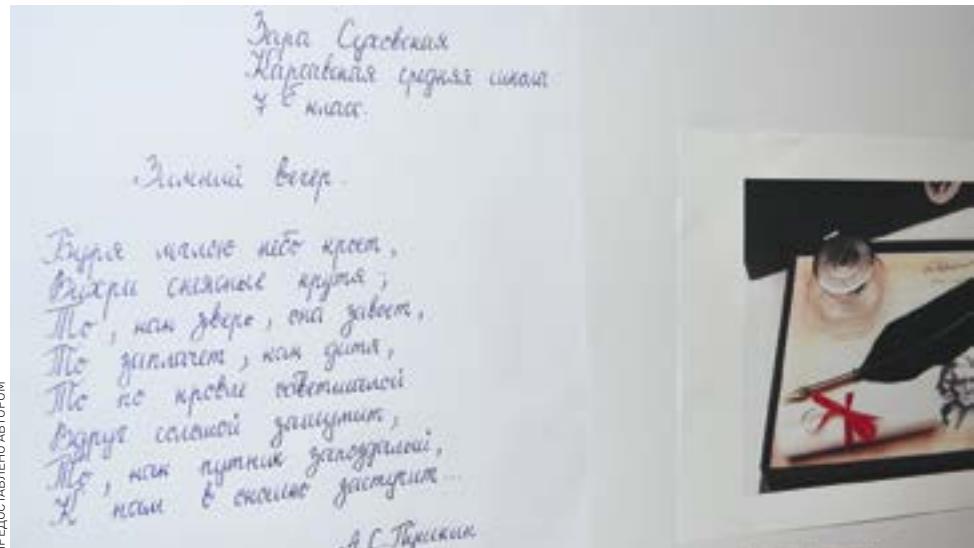
ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

звукание народных песен Пензенской и Псковской губерний в исполнении латгальских школьниц. А еще была исключительно талантливая девочка из Прейли – София Кириллова, запомните это имя, мне кажется, мы еще о ней услышим! София из семьи старообрядцев, учится во втором классе. Но когда эта светленькая, маленькая девочка, стоя на сцене как свечечка, запела духовный стих – а это очень трудный жанр для исполнения, поверьте! – у меня было ощущение совершеннейшей ангельской чистоты. Этот номер меня просто потряс!»

О русском балете
онегинской
строфой

На конкурс
по русской
калиграфии
пришло 86 работ

Президент Латвийской ассоциации преподавателей русского языка и литературы [ЛАПРЯЛ] Елена Бердникова оценивала конкурс литературных работ. Как она уверяет, в этом году было на редкость много талантливых поэтических произведений, порадовало и их жанровое разнообразие. «Самой оригинальной признана очень необычная работа рижской десятиклассницы Елены Савельевой, которая не просто выбрала такой непростой постмодернистский жанр, как центон – произведение, состоящее из цитат, расхожих фраз, афоризмов, но и облекла его в современную

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

форму в виде странички из «Твиттера». Гоголь, Пушкин, Толстой, Жуковский и другие русские классики в ее «твиттере» «обмениваются» своими взглядами на жизнь – это очень любопытно». А две подружки из двенадцатого класса рижской школы №53 Виктория Терехина и Анастасия Барда на конкурс представили пять солидных поэтических зарисовок о русском балете, выполненных стилизованной онегинской строфой. «Век золотой нас вдохновляет!» – признались поклонницы Пушкина, занявшие на фестивале призовые места.

ЗДРАВСТВУЙ, ЧАЙНИК!

Около 100 исследовательских работ было прислано школьниками на конкурс «Русские в Латвии: культура, корни, судьбы». В номинации «Моя родословная» необходимо было составить генеалогическое древо своей семьи. У кого-то рисунок занял одну страничку, а кому-то потребовалась пара метров ватмана, чтобы вспомнить своих предков... При этом ребята познали, что такое радость открытия. И поделились ею, написав отдельное приложение. Так, Ева Большакова, восьмиклассница из латышской варкавской школы, расположенной в глубинке Латгалии, в ходе составления родословной своей семьи заинтересовалась происхождением своей фамилии и добралась-таки до корней, узнала много нового и интересного. Русский язык она учит в школе как второй иностранный, и для нее было открытием, что это – родной язык ее предков. Девочка с искренностью и теплотой написала о каждом из них, за что справедливо получила первое место.

Но больше всего работ поступило в номинации «Семейная реликвия». «Наши дети начали задумываться о вещах, которые их окружают с малых лет, но которые в современном мире вроде бы и не очень востребованы. А как оказалось, за каждым предметом может таиться какая-то история или даже судьба, – рассказала организатор школьных исследовательских работ, председатель Латвийского общества русской культуры Елена Матьякубова. – Гран-при завоевала девя-

тиклассница из Латгалии Алиса Лукинская, которая, оттолкнувшись от единственного оставшегося у бабушки белого фарфорового чайничка из кузнецковского сервиса, написала целую историю некогда знаменитой Рижской фарфоровой фабрики, на месте которой сегодня возводится литовский торговый центр, о чем с горечью поведала девочка». «Героями» школьных рассказов были и другие семейные реликвии – старинные серьги, скрывавшие романтическую историю любви, бабушкина швейная машинка «Зингер», затеряя серебряная ложка, тульский самовар... Рижские школьники отличились в номинации «Русские судьбы». По словам Елены Матьякубовой, ребята с огромным интересом находили людей, которые оставили заметный след в истории Латвии. И таких глубоких работ, написанных с любовью к человеческим судьбам, было немало. Пришлось присудить даже два первых места: одно из них досталось школьнице из рижской средней школы «Ринужи» Виктории Охотниковой, написавшей о своих родственниках, построивших православный храм в Латгалии. Победительницами также стали две одноклассницы из Прейли – Санита Теша и Катрина Гаваре – за рассказ о русской художнице, которая основала в их городе замечательный музей кукол.

В театральном конкурсе приняло участие 12 школьных театров и студий. Просмотр постановок проходил в Риге в Пушкинском лицее в режиме нон-стоп – с утра до позднего вечера. В рамках нынешнего «Татьяниного дня» приветствовалось обращение к русской классике, ей и было посвящено большинство школьных пьес. А победителями стали юные актеры из Яуногрской средней школы – они представили великолепную постановку пьесы «Ночь перед Рождеством» по мотивам произведений Гоголя. В число призеров попали еще пять школьных театральных студий из Риги и других городов Латвии.

Закончился праздник русской культуры и образования аккурат в Татьянин день – 25 января – грандиозным гала-концертом в Рижском Доме конгрессов. ■

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

В круглом столе приняли участие почти 20 представителей музеев-усадеб из четырех областей России

МУЗЕИ-УСАДЬБЫ: РАЗВЛЕКАТЬ ИЛИ ПРОСВЕЩАТЬ?

АВТОР
СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

СОЮЗ СЕВЕРНЫХ УСАДЕБ РОДИЛСЯ ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ ВО ВРЕМЯ ДНЕЙ УСАДЕБНОЙ КУЛЬТУРЫ, ПРОШЕДШИХ В ЧЕРЕПОВЦЕ. ОБСУЖДАЯ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННЫХ МУЗЕЕВ-УСАДЕБ, ДИРЕКТОРА И СОТРУДНИКИ ПОДОБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ИЗ ЧЕТЫРЕХ ОБЛАСТЕЙ ПРИВОЛЖЬЯ, ЦЕНТРАЛЬНОЙ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССИИ ПОНЯЛИ, ЧТО БЕДЫ И РАДОСТИ У НИХ ОДИНАКОВЫЕ, ДА И ГОВОРЯТ ОНИ НА ОДНОМ ЯЗЫКЕ.

«АМ НУЖНО ОБЪЕДИНИТЬ УСИЛИЯ»

«Предлагаю дружить домами», – поддержали коллеги. При всей полярности высказанных в жарких спорах мнений воистину объединяющим стало обсуждение вопроса о предназначении музея-усадьбы в современном мире: должен ли он просвещать или развлекать? Сохранять или демонстрировать? Как оставаться современным, сохраняя традиции и старину?

**БОЙКО ПЛЯСАТЬ
ИЛИ ТИХО РАССКАЗЫВАТЬ?**

По подсчету Общества изучения русской усадьбы, в России существует около 7 тысяч усадеб, и примерно 10 процентов из них работают как музеи. Здесь посетителей называют гостями, а экспонаты – обстановкой. Здесь хранят не просто предметы с инвентарными номерами, а создают и сберегают атмосферу. Скрип половиц, запах старого дома и стрекот кузнечиков на приусадебной лужайке – пополненные музейные экспонаты.

Директор музея-усадьбы со стажем постепенно сам превращается в помещика. Круг его обязанностей, а посему и интересов, невероятно широк – от экспозиционной деятельности до починки забора. Оттого в его кабинете можно увидеть стоящие рядышком лакированные туфли, резиновые калоши и валенки. Встретившись (по признанию большинства участников усадебного съезда, на подобные встречи их не приглашали лет десять-пятнадцать), директора музеев-усадеб и разговоры ведут «помещичьи» – о дожде, дорогах, ценах на древесину и, конечно, о настоящем и будущем музеев-усадеб.

На круглом столе в Череповце тему сползающего в развлекательную сферу музея подняла заведующая местным Домом-музеем Верещагиных Любовь Маликова. Эта тема и осталась главной до завершения заседания.

– В последнее время мы часто слышим о том, что музей – это центр отдыха и досуга. Но зададимся вопросом – способны ли усадьбы выполнять эту роль? – сказала она. – Как известно, мемориальные усадьбы – это жилые помещения. И они не рассчитаны на большую посещаемость. Наш верещагинский дом-музей в последние годы посещало в среднем 56 человек ежедневно. Для дома такой площади, как у нас, это много. В таком случае, какова же наша основная задача? Сохранение или демонстрация? Ведь при такой посещаемости немалой угрозе подвергается экспозиция. Как это совместить – вот в чем вопрос. Получается сохранение на износ.

Заведующая экспозиционно-выставочным отделом Литературно-мемориального музея-заповедника Н.А. Некрасова «Карабиха» (Ярославская область) Татьяна Кравчук согласилась с коллегой, но ее усадебный «отдых и досуг» беспокоит и по иной причине.

– Меня очень волнует дикая мода на «интерактив», – отметила она. – Мы сегодня все, что угодно, зовем этим иностранным словом. Тут и там возникают и плодятся в музеях-усадьбах, извините за выражение, женщины в юбках с разным количеством оборок. Меня это по-

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Заведующая культурно-просветительским центром «Усадьба Брянчаниновых» Ольга Лисенкова за несколько лет превратила усадьбу в одно из самых посещаемых мест Вологодчины

вергает в душевный трепет. Особенно возмущают программы для детей – мол, мы наглядно демонстрируем, как жили крестьянские дети до революции. Посмотрев программу подобного рода, любой, кто хотя бы раз переступал порог музея этнографии, схватился бы за голову. Откуда они взяли эти традиции? И вообще, о каком народе они рассказывают? Все приблизительно, все понапышике, все времена и территории собраны здесь в одну кучу. И все ради того, чтобы поплясать. А нормальные серьезные экскурсии сокращаются или уходят во все. Человек поплясать – поплясал, но узнал ли что-нибудь о владельцах усадьбы, ощущил ли дух старины? Не думаю. Возьму для примера свой музей. Карабиха – маленькая усадьба, у нас небольшие экспозиционные площади, но от нас требуют постоянной смены выставок (не менее 21 временной выставки в год) и проведения массовых мероприятий. Какие мероприятия? Наш восточный флигель мемориальный, там представлены подлинные некрасовские вещи. Нормальный посетитель со среднестатистическим образованием получает огромный эмоциональный заряд, увидев конторку, за которой стоял Некрасов, или стол, за которым поэт писал. И все. И никаких псевдонародных плясок.

По словам Татьяны Кравчук, пока музейщики пляшут в юбках с обор-

ками, сшитых из старых свадебных платьев, музей не продвинется в постижении явлений большой культуры, для чего и был открыт.

– Коллеги, призываю вас вернуться к нашей аутентичности, – сказала гостья с Ярославщины. – Нас много, и вместе мы сможем придумать, как нам решить этот вопрос. У меня надежда на то, что всякая мода преходяща.

РАЗДЕЛЯЙ И «ВЛАСТВУЙ»

Немало было выступлений и в защиту «сарафана». Научный сотрудник филиала Переславского музея-заповедника «Усадьба Ганшиных» (Ярославская область) Ольга Тювина считает интерактивные программы «крючком», на который можно «поймать» посетителя и увеличить иной музейной информацией.

– Посетителям нашего музея пляски и народные игры не кажутся ни пошлыми, ни скучными, – сказала она. – На Яблочный Спас на наш праздник, на который музейщики обрядились в сарафаны, пришла большая часть села, в котором расположен музей. Я этим сарафаном их «схватила» и повела по экспозиции. И многие мне признались: «Сорок лет здесь живем, а в музее не были». Посетитель таков, каков он есть, и он так просто не изменится. Вот ходит человек по музею, задает умные вопросы о коротком пребывании в усадьбе Ленина,

а потом вдруг спрашивает: «А любовница у Владимира Ильича была здесь? А то я читал, что он в ссылках отличался любвеобильностью». Конечно, это коробит, но ничего не поделаешь.

Заведующая череповецким музеем «Дом И.А. Милютина» Юлия Бушнева тоже не видит в интерактиве ничего дурного. Если он уместен и талантлив.

– Как мне кажется, сегодня люди ищут качественных музейных услуг, – считает она. – В свое время в городах нашей страны возникло множество ресторанчиков. Сначала шли туда, где кухня разнообразнее и неожиданнее, но в итоге победило качество. Постановки с ряженными, о которых вы говорите, тоже должны быть качественными. Талантливые актеры и постановщики не опустят действие до пошлости.

С ней согласилась и заведующая филиалом музея Российской академии художеств «Усадьба И.Е. Репина «Пенаты» (Ленинградская область) Татьяна Бородина.

– Всякое музейное мероприятие может быть, но у каждого должна быть своя миссия, – отметила Татьяна. – Причем она обязана работать в двух направлениях – просвещать и воспитывать вкус.

В ходе дискуссии участники встречи пришли к компромиссу, соглашившись с тем, что в музейной деятельности должна быть своя иерархия. Есть элитная часть, есть академическая, а есть массовая – так называемый масс-маркет. И эти части не должны смешиваться. Серьезный посетитель не хочет смотреть на пляски в кокошниках, а менее подготовленная публика скучает, передвигаясь по залам за экскурсоводом. Изучив чаяния собственного посетителя, надо развестить этих людей по разным группам. То есть музей обязан выделять часы или дни для посещений разных аудиторий, более широким должен быть и пакет экскурсий.

– Массовый зритель отык думать и удивляться, – сказала Татьяна Кравчук. – Мы у себя в Карабихе выкопали котел, в котором при Некрасове кипятили воду для цветочной оранжереи. Уникальная вещь. Пришло полтора журналиста. А когда на территории музея обнаружи-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ли неразорвавшийся снаряд, съехались десятки съемочных групп.

Союз северных усадеб планирует помимо прочего по различным вопросам апеллировать к властям. На круглом столе от имени властей пришлось выступать начальнику управления культуры Череповца Леониду Лаврову.

– Я прекрасно понимаю вашу озабоченность происходящим, но и от самоокупаемости мы никуда деться не можем, – сказал он. – Мы должны принять мысль о том, что через год, два или три придем к тому, что государство не будет нас полностью финансировать. И мы должны будем частично зарабатывать сами. Поэтому-то пространство и те ресурсы, которые имеем, мы обязаны с умом использовать по максимуму. Быть может, подчас неожиданно и творчески. Профессиональный рыбак делает так: сначала прикармлививает рыбу, а потом ее профессионально ловит. Кроме того, не стоит забывать о «мертвых музеях», которых немало. И примеры таких музеев есть – весь из себя мемориальный, просушивается и проветривается вовремя, реставрируется, но никому не интересен. Музей должен всегда оставаться современным, и об этом нельзя забывать. По окончании заседания участники договорились обмениваться наработками, издать сборник научных докладов и встретиться через год.

Музей-усадьба И.Е. Репина «Пенаты» в поселке Репино под Санкт-Петербургом

УСАДЬБЫ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

ПРЕДСТАВИТЕЛИ УСАДЕБ РАССКАЗАЛИ КОРРЕСПОНДЕНТУ «РУССКОГО МИРА.RU» О ТОМ, КАК ВЫЖИВАЮТ И РАЗВИВАЮТСЯ СЕГОДНЯ, НА ЧТО НАДЕЮТСЯ ЗАВТРА.

РЕПИНСКИЕ «ПЕНАТЫ»

Музей-усадьба художника Ильи Репина «Пенаты» находится в 45 километрах от Санкт-Петербурга, в живописном месте на берегу Финского залива. В 1918 году эта местность была присоединена к Финляндии, и Репин, никуда не уезжая, превратился в эмигранта.

– В советские времена в окрестностях музея было множество пансионатов и профилакториев, посетители которых с удовольствием приходили в усадьбу, посещаемость была очень высокой, – рассказывает заведующая музеем-усадьбой Татьяна Бородина. – Сейчас место санаториев заняли дорогие SPA-отели, и посетителей стало гораздо меньше. В XIX веке эти места пользовались невероятной популярностью у известных художников и литераторов, и многие из них строили здесь дачи, но сохранилась и стала музеем только усадьба Репина. Художник купил маленький домик и в течение нескольких лет перестраивал его, превратив в сооружение из дерева и стекла. Дав-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ней мечтой художника было иметь верхний солнечный свет для работы. В доме 11 комнат, сохранился балкон, где художник спал на открытом воздухе зимой и летом. Репин купил очень заболоченный участок земли, осушил его, вырыл пруды и каналы и разбил очень интересный парк. В нашем музее можно увидеть уникальный репинский круглый стол – в доме царил девиз «Помоги себе сам». При слуги за столом не было, и каждый гость (домашние, естественно, тоже) накладывал себе еду самостоятельно. Для использованной посуды в столе приспособлены выдвижные ящики, а чистая стояла на столе.

В ближайших планах музейщиков – восстановление парка в том виде, в котором он существовал при Репине. «Посещаем конференции по ландшафту русской усадьбы, изучаем вопрос», – говорит заведующая.

Музей-усадьба
Н.А. Некрасова
в деревне
Карабиха
Ярославской
области

НЕКРАСОВСКАЯ ОРАНЖЕРЕЯ
Литературно-мемориальный музей-заповедник поэта Николая Некрасова «Карабиха» расположен в 15 километрах от Ярославля. Николай Алексеевич прожил в усадьбе десять летних сезонов.

– Сейчас мы восстанавливаем разрушенную почти до основания оранжерею, и этому делу отданы немалые силы музея, – рассказала заведующая экспозиционно-выставочным отделом музея-заповедника Татьяна Кравчук. – По воспоминаниям племянников Некрасова (дом принадлежал брату Николая Алексеевича), поэт практически каждое утро выходил на аллею, связывающую дом и оранжерею, и долго бродил по ней в задумчивости.

А от оранжереи остались одни стены, и те сильно попорчены временем. Там долгие годы находились столярные мастерские и склады. И к началу лета 2012 года оранжерея представляла собой забро-

шенные руины, окруженные свалками мусора. Нам это надоело. Очистить территорию от мусора стоило невероятных усилий, у нас на это ушло несколько недель. В июле 2012 года здесь открылась первая выставка. Мы пригласили молодых архитекторов, вчерашних студентов, энтузиастов, и они населили помещение экспериментальным искусством.

По словам Татьяны Кравчук, сегодня у музея нет средств на восстановление оранжереи, и она до сих пор стоит без крыши, но у руководства большие планы на это сооружение. Молодежь, которая активно интересуется современными тенденциями в архитектуре и музейном деле, предложила интересный выход из ситуации: создать оранжерею-призрак. То есть на балочно-стоечной конструкции выстроить обрис строения, чтобы посетители представляли, как оранжерея выглядела во времена Некрасова.

ЛЕНИН КОРМИТ

Усадьба Ганшиных, расположенная в 30 километрах от Переславля-Залесского, в 90-х годах чудом избежала закрытия. Усадьба спаслась благодаря Ленину, который останавливался здесь в молодости. Теперь он, а не Ганшины, главный герой показа.

– Фамилия Ганшиных мало кому знакома, но в советские времена музей пользовался популярностью благодаря тому, что Владимир Ильич Ленин в молодые годы прожил здесь четыре дня, – рассказывает научный сотрудник филиала Переславского музея-заповедника «Усадьба Ганшиных» Ольга Тювина. – Кроме того, в усадьбе на домашней типографии была напечатана одна из книг Ленина. В 90-е годы, когда имя Ленина превратилось в раздражитель, музей едва не закрыли, но бывшая заведующая музеем, Галина Ивановна Ерохина, сумела его отстоять. Сегодня Ленин снова интересует многих. И нам есть что показать. К примеру, охотничий домик, где останавливался будущий вождь мирового пролетариата. Его внутреннее убранство было в деталях восстановлено по рассказам членов семьи Ганшиных. Музей посещают россияне и иностранцы – мы попали на карту так называемого красного туризма. Приезжают группы из Китая и Вьетнама, для которых Ленин до сих пор вождь. У нас множество программ, в том числе детских. Например, принимаем в пионеры. В планах музейщиков – восстановить мельницу, хотя бы бутафорскую, на которой Ганшины сто лет назад соорудили первую в Переславском уезде электростанцию.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

УСАДЬБА «БРАТКОВО».**ВСЕ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ**

Уникальная усадьба, похожая на средневековый замок, расположена в деревушке Шекснинского района Вологодской области. Несмотря на то, что усадьба не реставрирована и принадлежит частному собственнику, в ней проводятся экскурсии и массовые праздники.

– Сейчас мы фактически занимаемся привлечением внимания общественности к усадьбе и ее будущему, а также восстанавливаем парк, – рассказывает консультант управления культуры, молодежи, спорта и туризма Шекснинского района Татьяна Лучина. – Главный вопрос, который нас волнует, – как подвигнуть соб-

ственника на реставрацию усадьбы. Он уже сделал довольно много – поставил крышу, восстановил башню, провел работы для предотвращения дальнейшего разрушения. Усадьба интересна своей архитектурой и историей. Ее построили дворяне Бердяевы, а последними владельцами перед революцией были дворяне Эндоуровы, очень известная на всю Россию фамилия.

Братково расположено очень удобно для визитов – неподалеку от трассы, связывающей Череповец и Вологду. Первым делом, чтобы о нас знали, мы построили прямо посреди поля яркий и крупный въездной знак. И число туристов сразу увеличилось – стали заезжать любопытствующие. Сейчас мы проводим в Браткове множество праздников, причем очень разнообразных – народных и исторических. Например, состоялся двухдневный фестиваль боевых искусств IX–XI веков «Северная легенда», на который съехались военные историки из разных городов. В планах – проведение фестиваля доброго искусства, в котором примут участие художники и мастера различных искусств и ремесел. В дом мы не заходим, все мероприятия проходят рядом с ним, но он настолько необычен и красив, что людям доставляет радость просто на него смотреть. ☺

Усадьба
Ганшиных
в селе Горки под
Переславлем-
Залесским
Ярославской
области

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

15 ФЕВРАЛЯ – ДЕНЬ ВОИНОВ-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ.
ЕСЛИ УЖ СОВСЕМ ОФИЦИАЛЬНО, ТО – ДЕНЬ ПАМЯТИ О РОССИЯНАХ,
ИСПОЛНЯВШИХ СЛУЖЕБНЫЙ ДОЛГ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ОТЕЧЕСТВА.
А ЕСЛИ ПО-ЧЕЛОВЕЧЕСКИ, ТО В ЭТЫЙ ДЕНЬ В РОССИИ ПОМИНАЮТ
ВСЕХ ТЕХ, КТО НАЧИНАЯ С 50-Х ГОДОВ ПРОШЛОГО ВЕКА СЛУЖИЛ РОДИНЕ
В КОРЕЕ И ВЬЕТНАМЕ, СИРИИ И ЕГИПТЕ, АНГОЛЕ И МОЗАМБИКЕ,
НА КУБЕ И В АФГАНИСТАНЕ. ТЕХ, КТО ДЕРЖАЛ СТРОЙ В ГОРЯЧИХ ТОЧКАХ
ПОСЛЕДНЕГО ДВАДЦАТИЛЕТИЯ – В ПРИДНЕСТРОВЬЕ, В ТАДЖИКИСТАНЕ,
НА БАЛКАНАХ И НА КАВКАЗЕ: РОССИЮ ЗАЩИЩАТЬ ПРИХОДИЛОСЬ
ЗА РУБЕЖАМИ СТРАНЫ И В ПРЕДЕЛАХ ЕЕ СОБСТВЕННЫХ ГРАНИЦ.

Д

ЕНЬ БЫЛ ВЫБРАН НЕСЛУЧАЙНО. ИМЕННО 15 ФЕВРАЛЯ 1989 ГОДА ЗАВЕРШИЛСЯ ВЫВОД СОВЕТСКИХ ВОЙСК С ТЕРРИТОРИИ АФГАНИСТАНА. ЗАКОНЧИЛАСЬ 9-ЛЕТНЯЯ ВОЙНА, САМАЯ ДЛИННАЯ В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА XX ВЕКА. И САМАЯ КРОВОПРОЛИТНАЯ ИЗ ВСЕХ ВОЙН, ВЫПАВШИХ НА ДОЛЮ РОССИИ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ. ВОИН-ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТ... ВСЕГДА ЛИ ЭТО ЧЕЛОВЕК В ПОГОНАХ? ВСЕГДА ЛИ ЭТО ЧЕЛОВЕК С АВТОМАТОМ В РУКАХ? А ЕСЛИ ШИРЕ: РАЗВЕ ВОЙНА СЕГОДНЯ – ЭТО УДЕЛ ТОЛЬКО ВОЕННЫХ ЛЮДЕЙ? ОБ ЭТОМ РЕДКО ГОВОРЯТ, НО СРЕДИ ПОГИБШИХ В АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ БОЛЕЕ СОТНИ ГРАЖДАНСКИХ. НЕ ТЕХ, ЧТО ПОСТРАДАЛИ ОТ СЛУЧАЙНОГО ВЗРЫВА ИЛИ ШАЛЬНОЙ ПУЛИ. А ТЕХ, КТО НАРЯДУ С ВОЕВНОСЛУЖАЩИМИ НЕС ТЯЖЕЛУЮ ВОЕННУЮ НоЩУ: ЛЕТЧИКИ, ВОДИТЕЛИ, ВРАЧИ, МЕХАНИКИ, СТРОИТЕЛИ, СВЯЗИСТЫ...

23 ЯНВАРЯ В МОСКВЕ, В ФОТОЦЕНТРЕ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ, ОТКРЫЛАСЬ ВЫСТАВКА, ПОСВЯЩЕННАЯ РУССКИМ ФОТОРЕПОРТЕРАМ, ПОГИБШИМ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДОЛГА В ГОРЯЧИХ ТОЧКАХ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ ВЕКА.

10 ФЕВРАЛЯ ЭТА ФОТОЭКСПОЗИЦИЯ РАЗВЕРНЕТСЯ В СТЕНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.

Александр
Секретарев

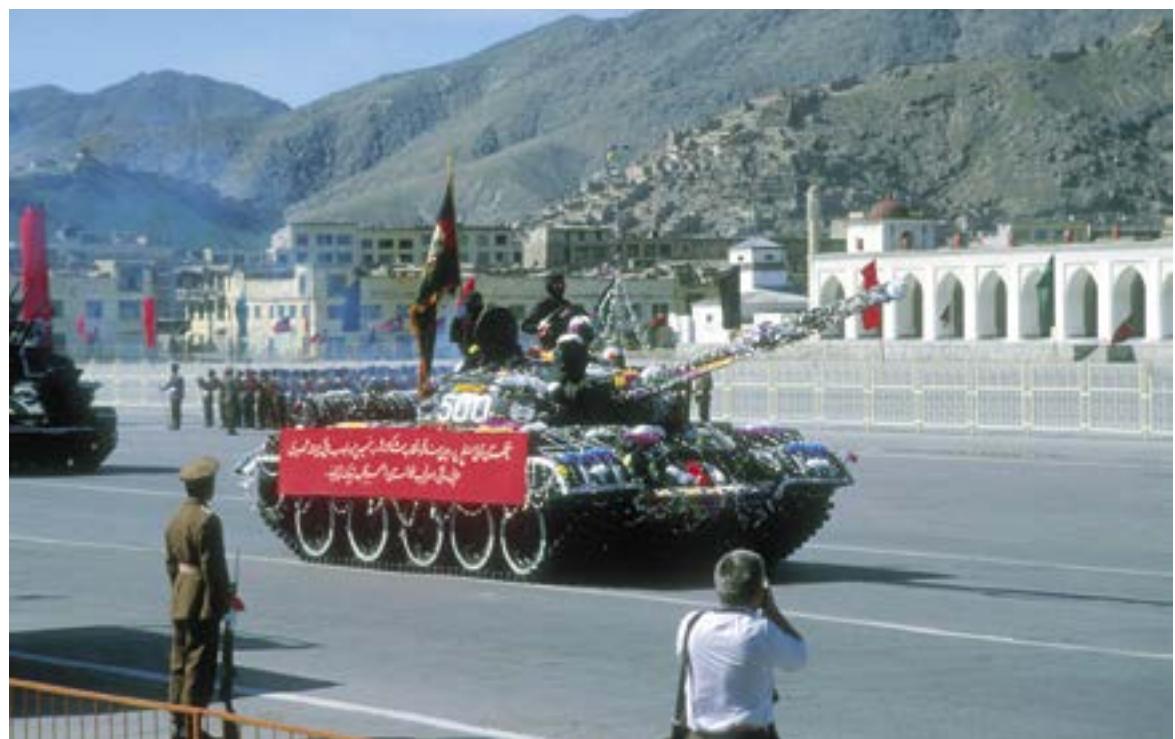
Афганистан.
Фото Александра
Секретарева

НА ПЕРЕВАЛЕ САЛАНГ

Александр Секретарев,
погиб 4 мая 1988 года в Афганистане.

В первый рабочий день после майских праздников по коридорам редакции «Московской правды» ходил человек и, заглядывая в каждый кабинет, говорил: «Секретарь погиб. В Афгане. Дети остались. Ребята, надо что-то сделать, как-то помочь...»

Кто знает, может быть, в эти дни ходили люди из кабинета в кабинет и в редакциях «Московского комсомольца», «Комсомолки», «Известий», обращаясь к коллегам с тем же вопросом. Хочется думать, что ходили всюду, где работал фотокорреспондентом Александр Секретарев. И коллеги наверняка откликались. И говорили нужные сло-

ва, стараясь соотнести в сознании перестроечную реальность Москвы с такой странной войной вдалеком Афганистане.

Александр Секретарев родился в 1958 году в подмосковном Орехово-Зуеве. В семье кадрового офицера Советской армии. Окончил Московский энергетический институт, работал по профессии. Но случай открыл в нем талант фотографа. Когда родился первый сын, Иван, снимки, сделанные нанятым фотографом, оказались неважными. И в семье решили купить фотоаппарат, который доверили Саше.

В 1981 году Секретарев впервые опубликовался в «Московском комсомольце». И началась новая жизнь – профессионального фотокорреспондента. Он любил командировки. Там – «на натуре», будь то родное Подмосковье, Урал, Прибалтика, Камчатка – находил самое интересное и самое нужное.

В апреле 1988 года попросил отправить в командировку в Афганистан. «Известия» согласились. Судьба отвела Секретареву считанные дни. Но он все-таки успел увидеть и успел нажать на «курок» фотоаппарата.

4 мая 1988 года БТР, на броне которого находился Александр, попал под обстрел гранатомета. Еще пять месяцев жизни – и Саша отметил бы 30-летие.

Александр Секретарев награжден орденом Красной Звезды (посмертно).

Афганистан.
Фото Александра Секретарева

Афганистан.
Фото Александра Секретарева

В БОЮ ЗА СУХУМИ

Андрей Соловьев,
погиб 27 сентября 1993 года в Абхазии.

В Советском Союзе на фотографа в институтах не учили. Если формально – не было такой профессии. Вот и Андрей Соловьев учился не на фотографа, а на архитектора. Правда, до диплома так и не добрался. Фотокамера увлекла в иной мир.

«Вот кончится война, обязательно надо будет книжку написать. С фотографиями». Так любил приговаривать Андрей в ответ на вопрос, когда же он перестанет рисковать и повесит наконец «боевую» фотокамеру на гвоздь.

А вопрос ему задавали не праздный. Нагорный Карабах, Армения, Азербайджан, Приднестровье, Таджикистан, Южная Осетия, Ирак во время Персидского кризиса... Вот его дорожная карта, после того как в 1987 году оказался на службе в Фотохронике ТАСС.

Раз за разом работы Соловьева отмечались престижными премиями: «Золотой глаз» 1991 года за серию снимков «Этнические конфликты», приз «Уорлд Пресс Фото» в номинации «Новости»... За работу у Белого дома во время политического кризиса 1991 года награжден медалью «Защитнику свободной России».

Соловьев в профессиональный мир фоторепортера пришел довольно поздно – в 34 года. Но как много он сделал за шесть лет! И сколько бы сделал еще, если б не пуля грузинского снайпера, оборвавшая его жизнь 27 сентября 1993 года во время боя у Дома правительства в Сухуми.

В том же году – весной и в начале сентября – он был дважды ранен в Абхазии. В руку и в голову. Но он вернулся туда в третий раз, чтобы исполнить профессиональный долг.

Андрей Соловьев

Андрей Соловьев награжден орденом «За личное мужество» (посмертно).

Нагорный
Карабах.
Фото Андрея
Соловьева

ПО ДОРОГЕ В ШАТОЙ

Владимир Яцина,
расстрелян 20 февраля 2000 года в Чечне
у селения Нижние Варанды.

Фотокорреспондент Фотохроники ИТАР-ТАСС Владимир Яцина летом 1999 года на войну не собирался. Войны уже не было, она закончилась еще в 1996-м, когда в Хасавюрте был заключен мир. Он ехал в командировку в Чечню, чтобы сделать репортажи из лагерей беженцев.

Владимира захватили в плен в Ингушетии, и следующие несколько месяцев он провел в тюрьме чеченского селения Урус-Мартан, в которой содержались заложники банды братьев Ахмадовых. Заложники из России и Азербайджана, Польши и Новой Зеландии, Казахстана и Великобритании. Осенью 2000 года в Чечне возобновились боевые действия. В январе от боевиков освободили Грозный, настала очередь Урус-Мартана. Заложников стали спешно переводить глубже в горы, в сторону села Шатой. Владимира Яцину расстреляли в Аргунском ущелье в нескольких километрах от Шатоя: он, обессилевший от болезни и полугодового пленя, уже не мог идти...

«Это был на редкость обаятельный человек, – вспоминают о Владимире коллеги, – он всегда находил с людьми общий язык, но при этом не изменял собственным представлениям о том, каким должен быть настоящий мужчина». ИТАР-ТАСС – это прежде всего репортерские задачи, но Яцина любил и умел делать портреты, фотографировать театральный мир, людей творческих и неординарных.

Выступление Ясена Засурского на факультете журналистики МГУ после гибели Владимира Яцины, почетного выпускника факультета

Яцина родился в подмосковном Лыткарине в 1948 году. До поступления на факультет журналистики МГУ служил в армии. После факультета, в 1979 году, сразу был принят в Фотохронику ТАСС. Да, двадцать лет фотопроторского стажа – это серьезно...

Владимир Яцина награжден медалью «В память 850-летия Москвы».

Девочки с гитарой.
Фото Владимира Яцины

У ГОРОДА ГРОЗНОГО

Александр Ефремов,
погиб 12 мая 2000 года в Чечне.

В этом году в Тюмени прошел уже 12-й Межрегиональный конкурс репортажной фотографии имени Александра Ефремова. С каждым годом участников все больше...

Блокпост
tüменского
ОМОНа. Чечня.
Фото Александра
Ефремова

Александр
Ефремов

Саша в тюменской журналистике был человеком легендарным. Первый лауреат журналистского фестиваля «Тюменская пресса-2000». Начинал в «Тюменском комсомольце», в последнюю командировку уехал от тюменской газеты «Наше время». Он был всеядным газетчиком в самом хорошем смысле слова. Но среди прочих тем особенно привечал тему солдатскую. Именно – солдатскую, ту самую, в «кирзовых сапогах». Этим выделялись его снимки, сделанные в первую чеченскую. Этим же отличаются кадры, которые он успел сделать за единственныесутки, что отвела ему судьба на второй чеченской. Взрыв радиоуправляемого фугаса искорежил штабной «узик» и унес жизни трех человек – двух офицеров тюменской милиции и фотокорреспондента. Но снимки полузараженной пленки из разбитого взрывом фотоаппарата удалось восстановить. И запись в разбитом диктофоне – тоже.

Подполковник милиции в отставке Виталий Лазарев, знавший Ефремова много лет и находившийся в Грозном в день его гибели, рассказывал, что несколько месяцев понадобилось ребятам из тюменского отряда, чтобы найти боевиков, что поставили фугас на дороге из Грозного в поселок Кирова. И боевиков тех не стало. Но разве от этого легче?

Помнящие Ефремова говорят, Александр находил общий язык с людьми войны мгновенно. Наверное, потому прежде всего, что был сыном медсестры, прошедшей Великую Отечественную войну и награжденной медалью «За отвагу» в 1944-м.

Александр Ефремов награжден медалью «За отвагу» в 2001 году (посмертно). ●

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ РОССИИ

БЕСЕДОВАЛ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

НАШИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОСТРАНСТВАХ РОДИНЫ, КАК БЫ СТРАННО НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД ЭТО НИ ПОКАЗАЛОСЬ, ПОЛНОСТЬЮ ОБУСЛОВЛЕНЫ КУЛЬТУРОЙ. ВООБЩЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПРОСТРАНСТВЕ ВО ВСЕ ВРЕМЕНА БЫЛИ ФЕНОМЕНОМ КУЛЬТУРЫ. В НОВОЕ ВРЕМЯ ОБРАЗЫ ПРОСТРАНСТВА СОЗДАЮТСЯ ЖИВОПИСЬЮ, ФОТОГРАФИЕЙ, КИНО, НО ПРЕЖДЕ ВСЕГО СЛОВОМ.

УЖЕ «ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ» четко очерчивает границы той русской ойкумены – варяжские и славянские земли, Оковский (Волоковский) лес, где берет начало Волга, Дон – как наиболее зримую границу со Степью. В «Слове о полку Игореве» эта последняя граница уже одевается в образы, драматически переживается – что и составляет сю-

жет «Слова». XVIII и XIX века породили толщу «путешественной литературы», произведения Палласа и Крашенинникова, Пржевальского и Семенова-Тян-Шанского, которые словом буквально картировали пространства России по мере разворачивания российской карты на восток. В художественной литературе осознанное «пространствоведение» началось со знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева и «Писем русского путешественника» Карамзина. Весь XIX век – это история «освоения» пространств империи литературой. Как проходило это «освоение»? Какие драмы подстерегали писателей на этом пути? И что происходит с образом России сейчас, когда за несколько десятилетий ее ментальная карта претерпела столько изменений?

Об этом мы беседуем с Андреем Балдinem – путешественником, основателем литературно-исследовательской группы «Путевой журнал», автором статей и книг по изучению образов времени и пространства.

АНДРЕЙ СЕМЕНОВ

— Я хочу пояснить: говоря о литературном ландшафте России, мы имеем в виду не то, где какой писатель жил или живет, а то, как сам человек это пространство воспринимает через сгустки образы, впитанные с литературой. И о том, почему литература раз за разом возвращается к этой миссии, открывая современные списки российского пространства: так было после революции, так было в 60-е годы, то же происходит сейчас. Никто вроде бы не навязывал ей такой задачи — землеописания. Или как это лучше называть? Литературного исследования?

— Давай говорить об исследовании. По образованию я архитектор, мне интересно исследовать особые свойства пространства. Мы постоянно выдумываем его. Мы очень по-разному его воспринимаем.

— Образ пространства возникает в литературе как внутреннее задание писателя? И когда? В век Екатерины? Ты пишешь в статьях, что при Петре новое пространство России было еще точечно (и Петербург — «окно в Европу» — точка), а при Екатерине разбежалось в разные стороны векторами. По ним двинулись великие экспедиции XVIII века. И академики описывали все, что встретится им на пути примечательного. Но тогда же появился Карамзин. Его-то никто не нуждал писать «Письма русского путешественника»?

— Карамзин для меня важнейший литературный архитектор. Он знает, что делает — связывает слова, строит пространство. Конечно, такого задания ему никто не давал. Но культура — самонастраивающаяся система. В конце XVIII века русской культуре понадобилось хорошо начертанное, «видимое» пространство. Карамзин сначала переводит с немецкого и видит, как немецкий язык строит фигуры пространства, ставит их на землю и поднимает текст в небо. И он едет в Европу учиться этому «архитектурному» искусству. Он пишет: русский язык должен стать зеркалом, правильно и точно отображающим время и пространство. Зрячий человек. Неслучайно он один из самых видящих наших путешественников.

Кстати, Чехов, такой же глазастый писатель-путешественник, по сути, повторяет опыт Карамзина. Только тот едет на запад, а Чехов — на восток, к Тихому океану. Они неслучайно симметричны. Между их странствиями ровно сто лет: 1790–1890. Это и есть век русской литературной классики. За эти сто лет в голове русского человека было поставлено, уложено и населено словами наше идеальное, видимое в тексте пространство.

Но Карамзин и Чехов не первые наши «оптики». С самого момента своего появления Россия движется и растет вместе со «зрячим» словом. Так что этому процессу уже не сто и не двести, а тысяча лет. И здесь появляются две важные темы. Первая: литературно-географический процесс проговаривания России не делится на древнюю историю, Средневековье и Новое время. Это один нераз-

рывный сюжет. Он, кстати, может стать основой связного понимания нашей истории, которая сейчас вся как будто рассыпается на фрагменты. Нет, она цела, потому что связным и последовательным было путешествие русского слова. Вторая тема внутренне конфликтная: бесконечный океан Евразии подвигал наших сочинителей к созданию отдельных островов текста. Иначе как будто и не получается, когда вокруг тебя море степи или море тайги. Отсюда авторская «дискретность» нашей литературной карты. Исторический сюжет один, целостный и связный, но литература оформляется «островами». Легендарными и реальными: Беловодье, Буян, Китех, Соловки, Сахалин. Или твой Колгуев: ты же поехал на север искать свой идеальный остров. И книгу назвал «Остров».

— У нее есть подзаголовок: «оправдание бессмысленных путешествий». Дело не в острове, а в этом вот оправдании...

— Конечно, но именно на острове ты смог сконцентрироваться: остров есть фокус. Так ты сложил свои пространство и время. Ты заявил свой мир, свою веру. Дело, собственно, не в слове, а в вере. Об этом писал молодой Толстой на Кавказе, когда рассуждал о том, что существует нечто самое важное — «до слова». Есть идеальное помещение, заветная земля, материк своей веры. Это делает занятие географа-соинителя пламенным и бескомпромиссным. Толстой здесь интересен тем, что его уже не устраивает только остров. Он тотален, ему нужно все, весь мир.

— Но границы? Толстой «отвергает» Петербург, как бы отказывая царю Петру в целесообразности такого вот «обустройства России». Он помещает центр страны туда же, где Наполеон увидел ее «сердце», — в Москву. И уже отсюда ощущает границы: Крым, Кавказ... «Хаджи-Мурат» и «Севастопольские рассказы». Потрясающие книги!

— Разумеется, Толстой — москоцентррист. А Кавказ и Крым — это пределы его московской вселенной. Южные, горячие, саднившие пределы. Конечно, такие «пределные» книги будут потрясать.

— Оренбург? В Оренбурге он не пишет, хотя ездит туда с удовольствием.

— В Оренбурге он задумал роман о Василии Перовском — государственном деятеле николаевской эпохи, мечтавшем присоединить к России Среднюю Азию. Кстати, его сподвижником был Владимир Даля, собиратель языка — собиратель карты из слов. Но книгу о Перовском Толстой так и не написал. Отолоски среднеазиатского замысла есть у него в «Анне Карениной», но их заметит только внимательный читатель.

И дальше можно видеть, как Толстой растит на восток свой «материк». Он пишет о старце Федоре Кузьмиче — это Омск. Пишет о Дмитрии Неклюдове на Лене, в «Воскресении», — это Восточная

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Сибирь. Но в действительности он только забрасывал на восток фрагменты привычного московского текста. И начался странный пунктир: слово как будто не ложилось на бумагу, то и дело возникали разрывы между сочинением и реальной картой. У Толстого, которому подавай целое тело мира, это вызывало ощущение разрыва ткани бытия. Арзамасский разрыв, тифлисский...

– А что Тифлис?

– Тифлис – это первый его «географический» отрыв от московской матрицы. Там Толстой впервые выходит за «предел языка». Через Кавказский хребет, в Колхиду. И – оказывается точно в вакуме, за границей привычного помещения мысли. Он проводит в «географической» смутие ноябрь и декабрь 1851 года. И вдруг его посещает видение большего пространства. В полночь 22 декабря ему является некое острое понимание большего мира. Он сознает, что он сам и есть источник и тело искомого идеального пространства. Ему открывается возможность бессмертия как бесконечного продолжения своего внутреннего времени. Так он спасается на краю московской «бумаги». И дальше неслучайно на этом краю рождается следующая русская проза. После «западной» про-

зы Карамзина и Пушкина – «южная». Крым и Севастополь помещаются на том же южном обрыве русской страны-страницы. Толстой-географ очень жестко обрезает карту снизу. Его первый севастопольский рассказ есть простой ход вниз по меридиану, с севера на юг – на предел карты. Он начинает движение на северном берегу бухты...

– Да, переезжает и движется на Четвертый бастион.

– Точно на юг, на самый край, где творится ад: пушка бухает так, что рвется пространство. За бастионом – вакуум и смерть. От этого текст Толстого становится отрезанно-пространствен. Этот болезненный и одновременно словородящий южный предел размечает еще Лермонтов. Толстой постоянно подчеркивает, что следует за ним. Лермонтов описывает край нашего бумажного мира: «Тамань», а дальше – «там». Затянутое туманом море контрабандистов, обрыв и вакуум. Не «домашнее» Черное море, а космос и провал в пустоту. Этот же вакуум Толстой наблюдает в Севастополе.

Кстати, фактически это означает отказ Толстого от планов физического завоевания Царьграда. Кон-

Карта 1.
Разворачивается
как пространство
очень важных
для России
«донских» книг.
Сплошной
линией показан
путь бегства
Л.Н. Толстого
из Ясной
Поляны,
точками –
маршрут
экспедиции
«Чевенгур-2000»,
пунктиром –
средневековый
морской путь
из Московии
в Царьград

стантинополь нужно возвращать внутренне, вовлекая его в свое сокровенное идеальное пространство.

С этого момента начинается история его пацифизма. В «Анне Карениной» Толстой уже прямо против южной войны. Нужно искать мир в себе: таково его кредо, начало которому положило первое видение в Тифлисе. В этом смысле локальность «материика» Толстого становится более понятной. Она означает внутреннюю бесконечность, бескрайность мира в слове.

– Прости, но я, кажется, только сейчас понял твою мысль о том, что наши большие книги и создают пространство...

– Это и есть кредо Толстого. До того как стать писателем, он рассуждал примерно так. Есть нечто, что раньше слов, раньше молитвы. Есть некое помещение, которое я ищу и считаю своей главной задачей найти его, потому что в этом помещении я намерен встретиться с Богом. В нем, в этом лучшем помещении, заводятся слова, собираются книги. Сначала оно,

сначала его нужно найти, понять, построить. Так Толстой относился к пространству. Это храмовое помещение, то, что раньше слов, важнее, чище слов. Только в нем возможно настоящее творчество. По сути, это «архитектурное» заявление. Все наши большие писатели, сочинявшие вместе с Толстым, идущие за ним, – «архитекторы» лучших пространств. Классическая русская литература возводит в нашей голове идеальное пространство. Сочинение, строительство текста-лучшего-пространства: вот ее задача.

Вспомни первую экспедицию «Путевого журнала», 2000 год: тогда мы поехали в воронежскую степь и увидели, как Платонов собрал там свой остров посреди степи – Чевенгур. Сто на две-сти километров. Так разошлись, так взорвались его тяжелые слова. Мы наблюдали сущее творение мира – особого, платоновского. «Островного», степного мира. После той поездки я много ездил по Дону, смотрел его литературные «острова», от истока до устья. И постепенно составилась его сводная гуманитарная карта. Книги легли справа и слева по течению реки. Выстроился даже некий литературный меридиан – Дон только часть его. Сквозной проход слов, от Питера до Царыграда, через Москву – через все этажи нашей говорящей карты. Это не просто вертикаль, это своеобразная граница сознания – древнейшая. Античный Рим чертил по Дону границу земного мира. А для нас Дон – конец одного света и начало нового. Разные его берега суть разные миры. Они спорят и производят книги как новые пространства. «Слово о полку Игореве», «Задонщина», Толстой, Тургенев, Платонов, Шолохов (см. карту 1). Эта река – разлом и спор пространств, постоянная провокация к сочинению новых книг-миров.

И смотри, как на ней виден Толстой. Он в последнем своем движении, бегстве из Ясной Поляны в Астапово, переезжает через Дон. И сразу начинает умирать. Астапово – первая станция за Доном. Карта проясняется: берег жизни, берег смерти. Карта насыщается драмой, умнеет и нам сообщает важные умные вещи. На ней наши книги-острова спорят друг с другом, накладываются друг на друга. Бегут друг от друга. Для меня, например, очевидно, что Чехов, уезжая на Сахалин, бежал с «материика» Толстого. Тот его удерживал, но Чехов упрямо рвался к своей книге. Он изначально сознал необходимость сочинения своего мира. В степи он «толкается» с Гоголем (Чехов писал в заметках: «Пустит ли меня в степь царь Гоголь?») и создает гениальную повесть «Степь». Этот опыт гео-сочинения завораживает его; он отправляется сначала в Персию, но доезжает только до Баку (см. карту 2), а потом решается на перво-проходческий эксперимент: едет на Сахалин.

– Но «Остров Сахалин» странная, позитивистская книга: как будто Чехов и впрямь географ, а не великий писатель. Невозможность «облечь словом» Дальний Восток странно тревожит меня.

Карта 2.
Поиски
А.П. Чеховым
«своего»
пространства.
Путешествие
в Персию,
прерванное
в Баку в связи
со смертью
брата...

Даже самая «дальневосточная» книга Арсеньева, «Дерсу Узала», заканчивается катастрофой: Дерсу убивают катаржные. Катастрофа – Порт-Артур (Степанов), чудовищный разгром – Цусима (Новиков-Прибой), да и у Фадеева – «Разгром». Как будто все петербургские и московские попытки освоить этот край обречены на провал.

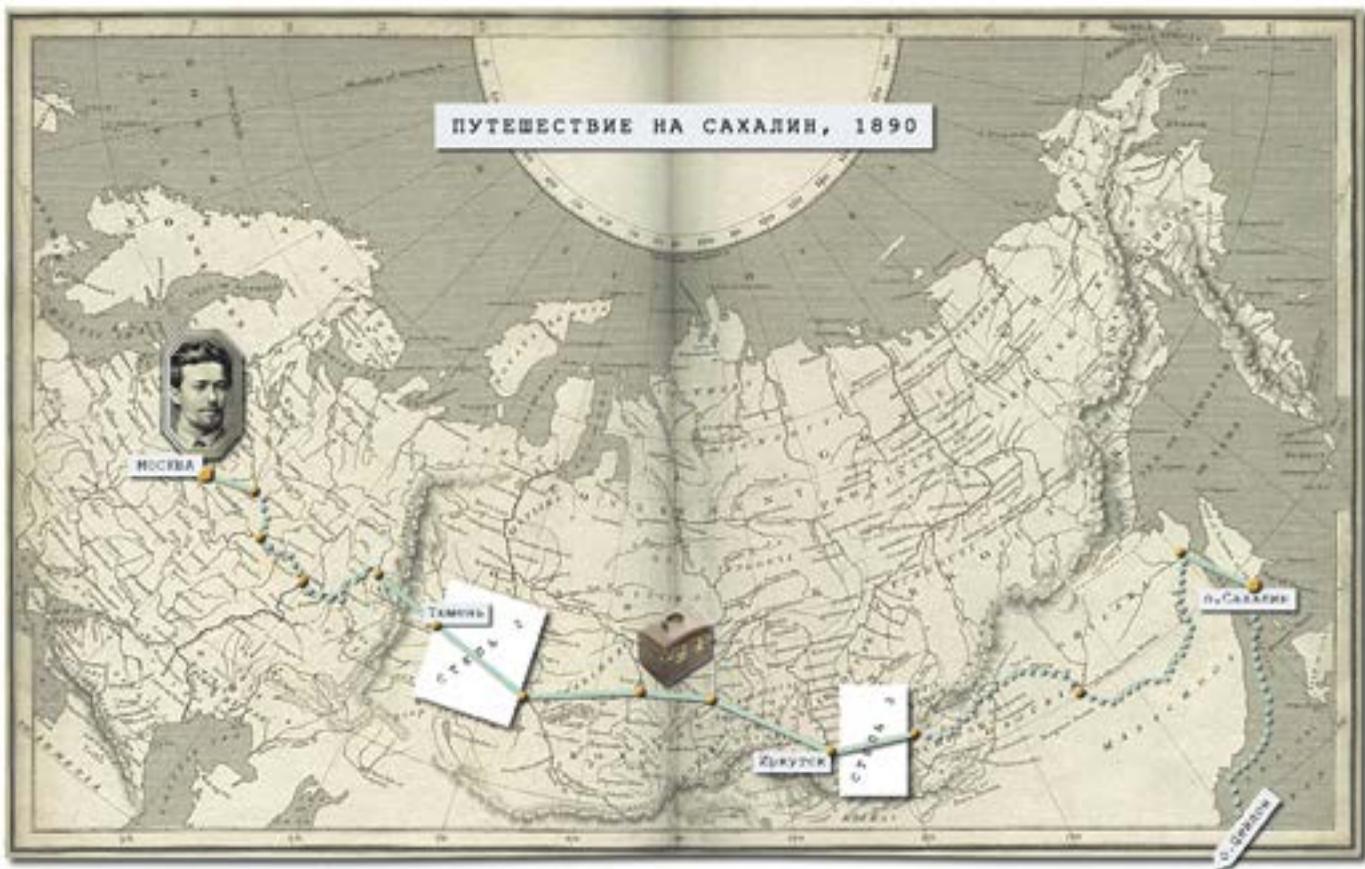
– Насчет Чехова все не так просто. Это было сложное сочинительское движение. Противоречивое, не во всем успешное, но показательное по одному своему замыслу мироустройства. Я поехал за Чеховым на Сахалин и побывал в нескольких точках «разрыва» его литературной карты. Допустим, в «степных» – в Зауральской и Забайкальской степях (см. карту 3). Степи первые поставили перед ним сложный литературный вопрос. Для них оказались нужны новые слова. А Чехов пользовался прежними, он из своей дорожной повозки как будто разбрасывал привычные слова-обозначения: это похоже на Украину, это похоже на Швейцарию. Я был и на Украине, и в Швейцарии – не похоже. Зауральская степь плоская как стол, никакого приазовского дыхания рельефа. Забайкальская, буддистская степь, окруженная сопками – как будто медведи развалились и спят, – покойная, центральная территория. Без всякого вектора «марш на восток!». Реальность постоянно соревновалась с чеховскими русско-европейскими словами. Он понимал это, порой даже шел на эту тему. Перед поездкой купил чемодан – немецкий, кубический. Но дотащил этот чемодан только до Томска – тот просто отбил ему ноги. Пространство тяжело и неуступчиво, строить его – великий труд. И вот в Томске, точно посередине российской карты, Чехов меняет европейский чемодан на большую сибирскую сумку. Безразмерную, удобную, которую можно носить на плече и подкладывать под голову во время сна. Из этого можно сделать важнейший «географ-

ический» вывод: до долготы Томска Россия измеряется чемоданами, а дальше сумками и баулами – как раз такими, безразмерными.

Да, Сахалин Чехову не вполне удался, он сам так считал – но он боролся, строил слова до конца. Написал самую свою большую книгу. Книгу островов, слиток ново-пространства. Нет, этот его опыт нельзя оценивать как неудачу. Это была важная строительная работа. Ее нужно было вовремя подхватить.

– Недавно дальневосточный издатель Александр Колесов предложил мне писать книгу-путешествие про Дальний Восток. Я не уверен, что справлюсь. Но больше всего меня поражает то, что на самом Дальнем Востоке некому исполнить эту тему. Получается, что русское слово там так и не созрело... Край будто не может сам сказать о себе – что он, где он? В каком пространстве-времени? Если эту тему первым озвучит Китай, это будет «присоединением» российских пространств к Китаю, чего все, в общем, и опасаются. Таким образом, литературный вопрос неожиданно близко оказывается к политике.

– То, что ты говоришь о дальневосточном «обрыве карты», показывает, как ни странно, внятную картину нашей литературной Солнечной системы. В центре Толстой, демиург, выдумывающий миры. По сути, заменяющий этими мирами реальное пространство. И вот этот «Толстой как мир» начинает делиться рубежами. За Волгой ему чудятся новые романы. Кстати, заметь, слова там начинают расти задолго до Толстого: Карамзин из Бузулука, Державин из-под Казани. Это поколение, по сути, допушкинское. Выходит, восточное Заволжье для наших писателей творчески комфортно. Степь хорошая – мускулистая, широко текущая. Туда легко разворачивается московская страна-страница. Но дальше

Карта 3.
...Продолжилось первопроходческим маршрутом на восток, литературным результатом которого стала никем пока не продолженная книга «Остров Сахалин»

орбиты разворачиваются все шире, все меньше слов на странице. Я сейчас говорю о характерном московском письме: чем дальше на восток, тем оно пустыннее. Байкал как будто не озеро, а плоть, уединенный «остров слова». И действительно, совсем уже удален, как будто оборван Дальний Восток. Но это говорит о том, что нужно продолжать исследование в этом направлении. Петр I в свое время двинулся в Европу и перенес столицу, фокус русского сознания, навстречу Европе, потому что Европа была главным вызовом для России. Теперь для нас главный вызов на востоке – стало быть, дело продолжается, стратегическое литературно-географическое дело. Действительно, первые большие книги о Дальнем Востоке – это книги-разрывы, непомещения сознания. Значит, должны работать философы, первопроходцы мысли. Вопрос в том, насколько это личное и насколько общее дело. Советский Союз шел на восток грузно-коллективно. Я имею в виду литературное движение: действовал чеховский маршрут, писателей возили туда регулярно и организованно. Но результаты оказались разрозненны...

– Ты сказал про вызов. Это важно.

– Дальний Восток остается цивилизационной провокацией в лучшем смысле слова. Наш текст на этом пределе продолжает бороться с океаном иного. Пока в ходу экзотика, и только. Стало быть, нужно углублять исследование, переходить от поверхностной экзотики к серьезным темам.

Если наше сочинительское сознание устранится от этой задачи, вопрос о «культурной принадлежности» Дальнего Востока действительно будет решен не в нашу пользу. Или надолго отложен. И так будет до тех пор, пока мы не вернемся к масштабному проектному опыту. По примеру того же Чехова. Пока его большая книга «Остров Сахалин» пребывает в некоем вакууме. Я думаю, она еще прочтется, когда появится внятная гуманитарная дальневосточная программа. Когда мы из Москвы перестанем смотреть на Дальний Восток как на край света. Дальнему Востоку это давно осточертело. Драматический сюжет. Большие книги о Дальнем Востоке были бы «пилюлями» от этой московской болезни. Тут важен целостный взгляд на Россию как на порядок более сложное, мозаичное и очень перспективное поле. Это не просто страна, но сумма стран – мир, искусно и вместе с тем конфликтно сложенный. Собранный из плюс- и минус-книг, написанных и не написанных.

– Минус-книга? Не слишком сложно?

– Но такова наша карта, литературная, ментальная. Безразмерно-конечная. Мы живем, действуем или бездействуем на ее фоне. Бездействие то и дело оборачивается хаосом и драмой. Допустим, сейчас: да, пришла свобода, нам открыт мир, мы смотрим – без пунктира и вычеркивания в бездну своей истории. Но пока это приводит к игре, поиску исторических или географических развлечений. Наши путешествия по миру сплошь

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

жадное поедание экзотики. И наша умная карта обессмысливается. Есть ощущение, что Россия испугалась своей «неотредактированной» истории и этого большого внешнего пространства. Но через это нужно пройти, это важный опыт литературного ориентирования. Эмиграция отчасти говорит об этом. Тот же Набоков. Большая литературная судьба, изгнание и попытки завести свой материк. «Дар» как атлас России. «Лолита» как атлас Америки. Важнейшее задание Набокова – континентообразование, в этом он следует за Толстым. Он недоволен Западом, Америкой, так недоволен, что отправляет Лолиту на Аляску, в некий гео-тупик, где она умирает родами. Это неслучайный символ. Русское слово в XX веке не нашло резонанса в большем мире. Вот и сегодня: русский сочинитель, поехав за границу, большего мира не выдумал. Он напуган избытком внешней и внутренней полноты. И Россия как будто закрывает свои умственные створки. Это опасное скатие. Необходимо анализировать эту ситуацию. Речь не просто о пространстве, но о протяжении нашей нервной мыслительной системы.

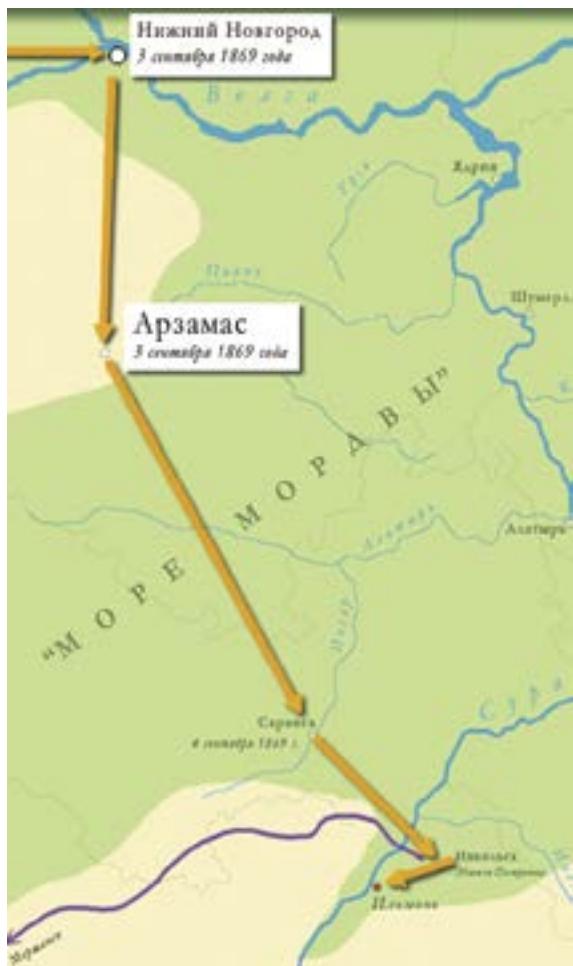
– Получается, освоенное литературой пространство делается «пригодным для жизни», оно вписано в традицию и предлагает человеку для жизни «помещение» этой традиции...

– И наоборот: до-словная, непроговоренная территория – это постоянное самоотторжение и дискомфорт. Но для литератора-исследователя это в определенном смысле лучшая позиция. Для него этот дискомфорт предтворческий. Да, на целине всегда сначала тяжко. Но это целина, витамины новых слов. Ситуации неописуемые, но оттого еще более притягательные. Значит, ты должен изменить слова, заставить звучать заново. Это видно на нашей литературной карте – оборванной, дискомфортной, но потенциально целой. Да, иногда она трещит по швам. Но это означает, что она начинена большим пространством. Вот – взяла и треснула по реке Дон. Несомненно, это дискомфорт. Толстой, искатель целого, так был раздражен этим дискомфортом, что в 1910 году между берегами Дона повис как над бездной. А перед тем, в 1869-м, зашатался в Арзамасе – словно на балконе, под которым та же трещина, та же бездна.

– А почему Толстой так испугался арзамасского «балкона»?

– Здесь обнаружился тот же сюжет внутреннего – на разрыв – роста России. Дело в том, что Арзамас – это не столько на восток от Москвы, сколько под ней. Это земля финская, языческая, мордовская. Она в самом деле как бездна под Москвой. Она живет в ином, нижнем времени.

Карта 4.
 «Арзамасский ужас»,
 пережитый Л.Н. Толстым,
 несомненно, связан с выходом его за пределы привычной мыслительной географии. Он застывает на краю угро-финского моря и чувствует бездну, мрак, смерть

И Толстой, очень московский писатель, в высшей степени чувствительный к перепадам исторических высот российской карты, испугался этой внутренней бездны.

— Которая ниже Нижнего.

— Именно. Она по оси Z, а не Ost. И Москва, которая наполовину язычница — на нижнюю, древнюю половину, — страшится этого провала. Она — царевна-лягушка. Царевна под христианским венцом, а под ногами у нее языческие мглы, в которых она лягушка. Толстой, такой же двуединый персонаж, царь и колдун одновременно, сразу это почувствовал, едва подступил к Мордове (см. карту 4). Он вышел на литературный балкон — и повис над финским «морем». Над «дном», которое молилось на свой лад. В XIX веке это была последняя не вполне крещенная территория в самом сердце России. Неслучайно там подвизался самый яркий русский миссионер Нового времени — Серафим Саровский. Толстому было 5 лет, когда умер преподобный Серафим. То есть фронт разноверия был еще раскален. Была отверста эта под-московная прорва.

Вообще, есть много смыслов в рифме «Москва — Мордва». Итальянцы XV века неслучайно называли Мокшу, главную реку той зазеркальной территории, малой Москвой-рекой. Москва чутьем

понимала, что эта заокская территория — ее сестра. Только Москва в силу многих исторических причин поднялась, приняла христианство и стала столицей. А та, заокская сестра, осталась прежней. Но Москва «царевна» никогда не забывала о своем «лягушачьем» родстве. Вот и Толстой, московит, голова под облаками, выехал на арзамасский поверх-мордовский «балкон» — и провалился. В самого себя, в свои «низ» и «под». Его продрал смертный ужас, едва он только заглянул туда.

Нужно это видеть, знать, что такое эти места в начале сентября. По ночам их заливают туманы. И когда ты стоишь на арзамасском «балконе» и ночью смотришь вниз, то иногда кажется, что к твоим ногам подошли облака, между которыми далеко внизу проблескивает черная вода. Там мир иной, для которого твоя земля только эти облака. И в этот туман Толстой спустился в ночь на 3 сентября 1869 года. Он ночевал в гостинице, внизу, у реки.

— И там его и хватануло.

— Там его посетило очередное запредельное видение. В Арзамасе его накрыло мыслью о нижней бездне, где властвует смерть. Его вера оказалась с ледяной заокской изнанкой. Все это очень по-московски: подвижно, нервно, поэтично, апокалиптично. Но тогда тем более нужно исследовать этот феномен — текст как плюс- или минус-пространство — спокойно и зряче.

— Тут нужен заключительный вопрос — как?

— Ученым, умным образом. Поднимая уровень обобщения, сводя вместе географию, историю и литературу. В пространстве между этими дисциплинами обнаружится реальная сложность России. Сейчас мы ищем ее новую формулу — это нужно делать на следующем уровне сложности исследования. Да, нам открылось во всей полноте ее большое прошлое — значит, мы должны сбратить ее новый, на порядок более цветной и по-местительный образ.

Есть большая беда в том, что мы сегодня все стремимся упростить. Это означает, что гуманитарное исследование России убывает в сложности или останавливается вовсе. За этим последует только провал. Инструмент исследования должен быть не менее сложен, чем сам объект. Россия как система сложна, не то что «трехмерна», но «полимерна». Таким же должно быть ее гуманитарное исследование — многомерным, междисциплинарным. Непременно зрячим, экспедиционно обеспеченным, вооруженным должностной степенью рефлексии, в том числе литературной. Тогда оно будет результативным, как результативны эти опыты с укладыванием истории литературы на реальную карту. Они уже принесли новые ракурсы и открытия, новые портреты лиц, которые как будто насквозь нам известны. Таким же, хочется надеяться, выйдет портрет следующей России, к новому пониманию которой мы сегодня только приступаем. ●

ГОРОД МЕРТВЫХ

АВТОРЫ

ЛАДА КЛОКОВА,
АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА
БУРОГО

ЭТОТ ГОРОД МЕРТВЫХ ПОРАЖАЕТ ВООБРАЖЕНИЕ. И КАЖЕТСЯ СОВЕРШЕННО НЕВЕРОЯТНЫМ, ЧТО, ДАЖЕ КОГДА В XVII ВЕКЕ ЗДЕСЬ НАЧАЛИСЬ РАСКОПКИ И НА СВЕТ СТАЛИ ПОЯВЛЯТЬСЯ УДИВИТЕЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО, ОН ДОЛГОЕ ВРЕМЯ ПО-ПРЕЖНЕМУ НАХОДИЛСЯ В ЗАБВЕНИИ. ИСТИННАЯ СЛАВА ПРИШЛА К ГОРОДУ ЛИШЬ ПОСЛЕ ТОГО, КАК РУССКИЙ ХУДОЖНИК, ВПЕЧАТЛИВШИСЬ СТРАШНОЙ ТРАГЕДИЕЙ, СЛУЧИВШЕЙСЯ У ПОДНОЖИЯ ВЕЗУВИЯ 2 ТЫСЯЧИ ЛЕТ НАЗАД, СОЗДАЛ ВЕЛИКУЮ КАРТИНУ – «ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ»...

УВИДЕВ ЭТО ПОЛОТНО, Александр Пушкин пишет стихотворение «Везувий зев открыл – дым хлынул клубом...» и на черновике рисует по памяти центральную группу – старика-отца с сыновьями – с картины Карла Брюллова. Евгений Баратынский в восторге восклицает: «Последний день Помпеи стал для русской кисти первым днем!», и фраза эта мгновенно становится крылатой. Николай Гоголь публикует хвалебную статью, а английский писатель Эдвард Бульвер-Литтон, потрясенный произведением русского живописца, пишет роман «Последние дни Помпеи». Десятилетие спустя француз Теофиль Готье создает знаменитую новеллу «Аррия Марцелла»...

СУДЬБА – ЗЛОДЕЙКА

И ведь не скажешь, что о трагической судьбе Помпеев раньше ничего не было известно. Одна-

ко письма очевидца катастрофы Плиния Младшего, описавшего извержение Везувия и сообщившего Тациту о гибели своего дяди, знаменитого автора «Естественной истории» Плиния Старшего, полный экспрессии стих Марциала, печальные строки поэта Стация и фантазии Диона Кассия в «Римской истории» о паривших в воздухе перед извержением вулкана гигантских фигурах долгое время интересовали лишь узкий круг литератороведов и историков... Не стоит забывать и о том, что в римские исторические хроники Помпеи вошли на полтора десятка лет раньше извержения Везувия: в 63 году Помпеи, как и многие города Кампании, пострадали от сильного землетрясения. К моменту извержения вулкана, погубившего также Геркуланум и Стабии, Помпеи все еще продолжали заново отстраиваться... Странности в судьбе Помпеев не закончились с гибелю горо-

да. Даже обнаружены Помпеи были по чистой случайности. В начале XVII века архитектор Доменико Фонтана строил водопровод от реки Сарно и откопал руины домов, надписи на которых убедили всех в ошибочном мнении, что найдена вилла знаменитого полководца и непримиримого соперника Юлия Цезаря – Гнея Помпея Великого. Спустя сто лет, опять-таки по воле случая, некий австрийский вельможа выкупил у подножия Везувия участок земли и начал раскопки. Он вовсе не собирался облагодетельствовать своими находками какой-либо музеем, а просто пожелал украсить новый дворец произведениями античного искусства. Посчитав, что реликвий для своей резиденции он нашел предостаточно, вельможа продал землю неаполитанскому правительству. Наконец, в 1748 году в Помпейах начинаются работы под руководством испанца Алькуби-

«Последний день Помпеи» Карла Брюллова сегодня можно увидеть в Русском музее в Санкт-Петербурге

ерре, который пятнадцать лет был уверен, что он раскапывает Стабии. Заблуждение было развеяно лишь в 1763 году, после того как копатели наткнулись на надпись о «городе помпейцев»...

Надо ли говорить, что долгое время раскопки Помпеев нельзя было считать археологическими. Они, скорее, напоминали грабеж и кладоискательство. Для работы сюда направляли каторжан, а руководили раскопками инженеры или саперы. Копали без плана; открыв очередной дом или храм, «археологи» грабили его – разбивали на фрагменты мозаичные полы, сбивали со стен фрески, собирали утварь, передавали найденное в музеи, а затем... снова засыпали здания землей или оставляли их на милость солнца, дождей и ветров. Прибавьте к этому откровенное воровство «черных копателей», наводнивших антикварные рынки прекрасными образчиками античного искусства.

Только с начала XIX века в Помпеях развернулась серьезная археологическая работа. Новый руководитель раскопок, Микеле Ардити, оказался весьма предусмотрительным и энергичным человеком: он внес в работу систематичность, соста-

Одеон, или Малый театр, был построен в Помпеях после 80 года до н.э. и вмещал около 2 тысяч человек

Улица
водоносов.
Именно
с помощью
таких «гербов»
в Помпеях
обозначались
названия улиц

вил детальный план Помпеев, уговорил правительство выкупить территорию раскопок и прилегающий участок земли, куда начали свозить мусор и выкопанную землю, добился стабильного финансирования. Наконец, в 1863 году раскопки возглавил опытный археолог Джузеппе Фиорелли – именно он сумел окончательно преодолеть грабительское отношение к Помпеям и убедить всех в уникальности города как исторического памятника. И это именно он догадался заливать

обнаруженные в слоях земли и пепла пустоты гипсом, что дало возможность получить точные слепки истлевших предметов и тел погибших помпейцев. А еще он расчистил город от гор мусора и очень тщово организовал посещение раскопок туристами. До этого экскурсия по Помпеям была довольно затруднительна: чтобы убедиться в этом, достаточно почитать «Прогулки русского в Помпей» Алексея Левшина, который посетил раскопки в 30-х годах XIX века и составил довольно де-

тельный и живой отчет о своем путешествии.

В прошлом веке раскопки Города мертвых прервала Первая мировая война. А во время Второй мировой археологи продолжали здесь работать, даже несмотря на то, что фашисты неоднократно бомбили Помпеи, совершенно не смущаясь уникальным статусом города: в результате были полностью разрушены строения в одном из кварталов Помпеев, сильно пострадали знаменитый Дом Фавна и Большой театр...

СЛЕПАЯ СИЛА

«Активные раскопки Помпеев фактически закончились в конце 60-х годов, – рассказывает нам экскурсовод Надежда. – Да, большая часть города раскопана, но сегодня Помпеи нуждаются в постоянном поддержании и консервации того, что уже открыто. А денег катастрофически не хватает. У нас тут поговаривают, что, если и дальше так пойдет, ЮНЕСКО может пригрозить отзывать у Помпеев статус памятника Всемирного наследия. Пока это шутка, конечно.

Мощные городские стены Помпеев раньше омывало море, отступившее после извержения Везувия

Перед тем как попасть в Помпеи, придется преодолеть ряды итальянских торговцев и «гладиаторов», предлагающих сфотографироваться с ними «на память»

Но, как говорится, в каждой шутке есть доля шутки, остальное – правда».

Мы уже миновали площадь перед входом в Город мертвых, где подверглись атакам импульсивных продавцов-итальянцев, бойко торгающихся на русском языке, и счастливо избежали нескольких фотосессий с «гладиаторами» (по крайней мере, так они представлялись. – Прим. авт.), почему-то одетыми в форму римских центурионов. Надежда смеется: «Это вам еще повезло. Скажите спасибо, что сегодня здесь нет Спартака со товарищи». И, правда, вон ведь он – убийца Везувий, на вершине которого пряталось войско взбунтовавшихся гладиаторов за полтора столетия до того, как проснулся страшный вулкан...

Длинная аллея вдоль мощной городской стены поросла кипарисами и лаврами – двумя самыми символичными деревьями Римской империи. Лавровыми венками увенчивали головы победителей и триумфаторов, кипарисы же – деревья плача и траура – римляне высаживали на кладбищах. А вот и красавицы-пинии – именно с роскошной кроной этой итальянской сосны 18-летний Плиний Младший сравнивал смертоносное облако, взмывшее над Везувием августовским днем 79 года: «Оно подымалось к верху и распространялось в обе стороны, наподобие пинии... Оно принимало по временам то черный, то белый цвет, то делалось разноцветным, смотря по количеству наполнявших его камней и пепла»...

Чем дольше бродишь по Городу мертвых, тем больше праздное любопытство обычного путешественника уступает место чувству ужаса и печали. Здесь быстро начинаешь понимать, что Помпеи – это не обычный туристический объект, а страшное по своей убедительности свидетельство безжалостной и слепой силы природной катастрофы, уничтожившей цветущий портовый город. Что осталось от блестящих Помпеев, славив-

Древние фрески
в лупанарии
в Помпейях

шихся своими ремесленниками и тканями тончайшей выделки? Камни и руины... И уж совсем невыносимо разглядывать гипсовые слепки тел погибших горожан, по многим из которых до сих пор легко понять, что происходило с ними в момент смерти.

Вот огромный четырехугольный портик Казармы гладиаторов и окружающие его каморки, в которых жили рабы, ради потехи зрителей отдававшие свои жизни на арене амфитеатра. В этих Казармах археологами были найдены не только оружие и богато украшенные шлемы, но и 18 трупов, а также скелет младенца, лежавшего в большой корзине. Почему и как он здесь оказался? Ответы на эти вопросы мы, скорее всего, никогда не узнаем...

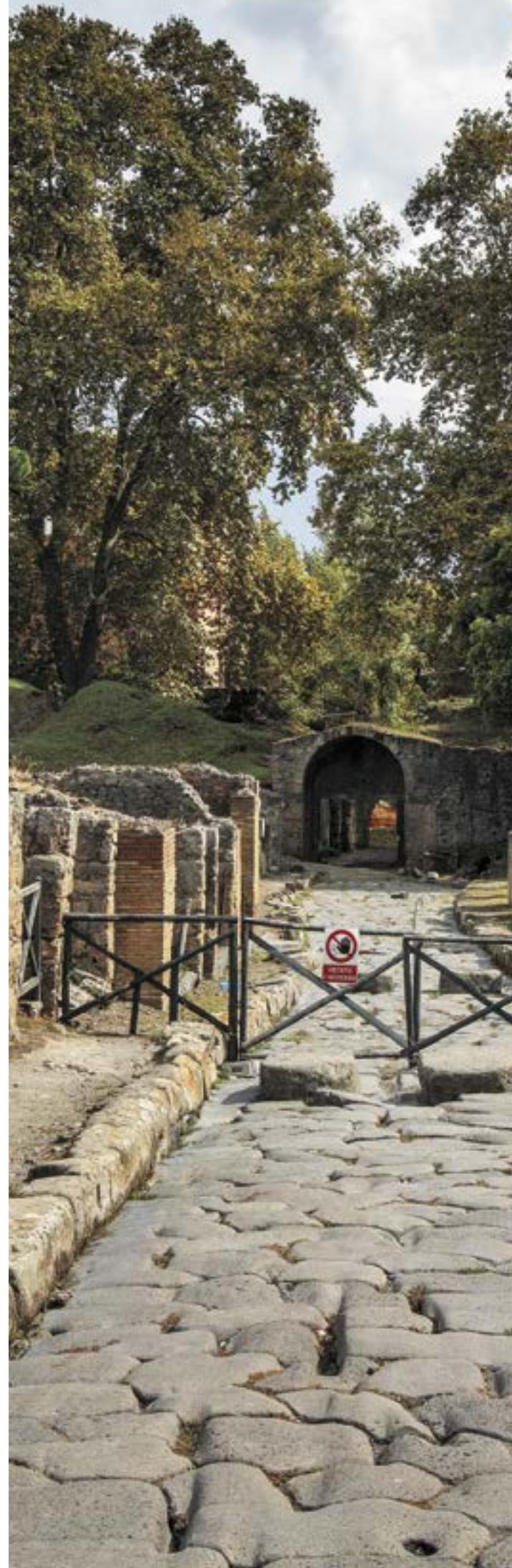
Вот храм Исиды – первый из найденных в Помпейях. На одной из его стен, как и положено, изображен приложивший к губам палец бог молчания Гарпократ, жестоко наказывавший тех, кто дерзнул разгласить тайны египетской богини. Слева от храма – маленькие кельи, в которых жили жрецы таинственного и загадочного культа Исиды, известного своими странными мистериями. И здесь археологи нашли немало скелетов, два из которых оказались особенно интересными. Один из жрецов до последнего момента, пока не задохнулся, пытался выбраться из засыпанной пеплом кельи, упорно

пробивая стену ломом. Другой погиб, убегая из храма, откуда намеревался вынести драгоценности: 8 золотых и 360 серебряных монет, дорогие чаши и ритуальные предметы...

А рядом с Форумом – Переулок скелетов, названный так потому, что здесь было найдено много погибших людей. Совсем молодая девушка в красивых вышитых сандалиях пытлась спастись вместе со своей матерью или старой служанкой, рядом с ними бежала беременная женщина с большой связкой ключей и двумя тяжелыми вазами...

Вот Овощной рынок с амбарами, где сегодня хранятся амфоры и керамика, жернова для оливок и мельницы, а также жуткие слепки с жертв извержения. Один из них – знаменитый «погонщик мулов»: сидящий мужчина скрчился, закрыл лицо руками, пытаясь защититься от пепла и испарений. Его нашли рядом со скелетом его мула под портиком Большого гимнасия...

Или так называемая вилла Диомеда, где погибла вся жившая здесь семья. Хозяин дома и один из его рабов в последний момент решили спастись бегством, но не успели даже добраться до

Гипсовый
слепок фигуры
«погонщика
мулов»,
найденного
у Большого
гимнасия

садовой калитки. А в подвале виллы оказались замурованы пеплом 18 взрослых и двое детей. Все они задохнулись... А вот Улица изобилия – одна из главных артерий города, на которой располагались лавки, гостиницы и термополии (древнеримская харчевня, в которой подавали горячую еду и напитки. – Прим. авт.). В одной из них на прилавке археологи нашли глиняный кувшин с выручкой – 683 сестерциями: по крайней мере, ясно, что в последний день перед извержением Везувия харчевня не пустовала. В пекарнях по соседству были найдены буханки только что испеченного хлеба... Археологи полагают, что в Помпеях погибло около 2 тысяч человек. А население города на момент извержения насчитывало около 20–30 тысяч. За три августовских дня 79 года Помпеи были погребены под семиметровым слоем камней и пемзы и двухметровым слоем пепла. То есть у жителей было время для того, чтобы убежать из города, но далеко не все сразу поняли опасность происходящего. Многие решили переждать «каменный дождь» в подвалах своих домов, а когда стало ясно, что дома превратились в смертельные ловушки – было уже поздно. Те, кому все же удалось выбраться на улицы, погибли под слоем горячего вулканического пепла... Некоторым из этих людей удалось все же добраться до гавани, но и здесь их ждала ловушка: суда, скорее всего, оказались засыпаны камнями и пеплом. Видимо, поэтому в портовых строениях было найдено очень много жертв... Надежда, защитившая, кстати, кандидатскую диссертацию по истории Помпеев, считает, что археологи откопали далеко не всех погибших. «Скорее всего, к морю бежало гораздо больше людей, – машет она рукой в направлении берега. – Но, видите, вон тот участок сейчас застроен частными виллами. А чтобы вести там раскопки, нужно сначала выкупить землю у владельцев. Денег на это пока нет». После того как извержение Везувия завершилось, в Помпеи вернулись выжившие горожане. Но не для того, чтобы продолжить здесь жить, а затем, чтобы собрать уцелевшее имущество. Город умер и больше никогда не возродился. Засыпанные вулканическим пеплом улицы и площади со временем превратились в плодородные виноградники, пашни и сады. Спустя несколько веков люди забыли о том, что здесь когда-то располагался богатый город. Память об этом сохранило лишь название местности – La Citta...

«ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ПОМПЕИ»

«При малейшем расположении к мечтательности, посетитель безмолвных улиц и площадей Помпеи, видящий пред собою такое полное и стройное соединение остатков другого мира, <...> невольно может забыться и почесть себя сошедшим в царство мертвых, или бдящим в полуслне, – писал Алексей Левшин в «Прогулках русского в Помпей». – <...> И мудрено ли впасть в такое забвение, видя перед собою оставы города, как кажется, еще вчера кипевшего жизнью! Правда, что в нем улицы пусты, верхние этажи разрушены; но это могло случиться на днях, и жители еще не успели возвратиться в поврежденные дома свои. Вот имена хозяев, написанные на стенах, вот вывески промышленников, вот объявления об ожидаемых зрелищах! Вот лавка, в которой на мраморной доске видно свежее пятно от стоявшего на ней стакана с какой-нибудь жидкостью; вот мельница, где начали и еще не кончили молоть муку; вот булочная и печь, где, может быть, еще доспевает хлеб! А мостовая? Она так исправна и чисто подметена: в ней все камни на своем месте, тротуары в со-

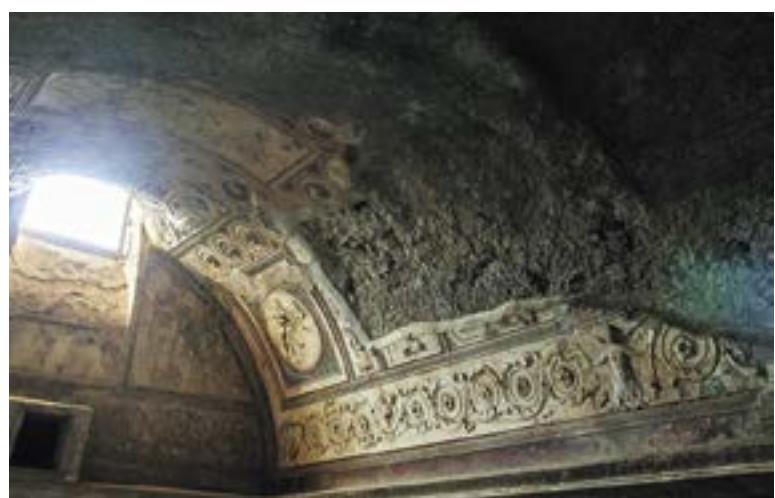
Именно с этой точки в 1828 году Карл Брюллов писал многочисленные этюды для своей будущей картины «Последний день Помпей»

вершенном порядке, стоки для воды нигде не засорены, и следы, прорезанные колесами на камнях, доныне не стладились. Не может быть, чтобы все это было сделано за семнадцать или восемнадцать веков до нас! Нет ли тут обмана чувств?»

Возможно, те же эмоции охватили Александра Брюллова – старшего брата будущего знаменитого художника Карла Брюллова, – когда он осенью 1824 года впервые оказался в Помпейях. Александр Павлович был так впечатлен, что остался в Городе мертвых на два года, занявшись реставрацией помпейских бань. Кроме того, талантливый архитектор и художник

(это, кстати, его кисти принадлежит известный всем портрет Натальи Гончаровой. – Прим. авт.) без устали зарисовывал помпейские здания, и его гравюры были изданы в 1826 году в Париже. Можно не сомневаться по поводу того, кто именно уговорил Карла Брюллова посетить Помпей в 1828 году и тем самым подсказал идею гениальной картины, законченной художником в 1833-м...
Заказчик нашелся быстро: планами о создании нового полотна Карл Брюллов поделился с жившим во Флоренции Анатолием Демидовым – наследником демидовских миллионов. Демидов не на шутку развлечно-

Украшенный лепниной и росписью потолок терм, реставрацией которых занимался Александр Брюллов

Немые
свидетели
трагедии,
разыгравшейся
в Помпеях
2 тысячи лет
назад...

вался, обещал денег и дал слово купить картину, как только она будет написана: почему-то он сразу был уверен в том, что она станет величайшим полотном, и мечтал, как преподнесет ее в дар России.

Работал Брюллов до изнеможения. Очевидцы (художник не возражал против присут-

ствия в мастерской своих друзей и знакомых, просил читать ему книги и вел беседы во время работы. – Прим. авт.) свидетельствуют: «Брюллов, писавши «Помпею», доходил до того изнеможения сил, что нередко его выносили из мастерской...» Сам Брюллов позже рассказывал, что все изображенные на кар-

тине вещи он срисовывал с найденных в Помпеях образцов. Но не только «вещи» вдохновляли художника. Вот у крайнего правого края картины молодой человек подхватил бесчувственную девушку, скорее всего, невесту. Согласно мемуарам, большинство первых зрителей картины ассоциирова-

Городские
стены Помпеев

Базилика, в которой с начала нашей эры располагался городской суд. На стенах этого сооружения сохранилось немало граффити. Одно из самых забавных гласит: «О, стена, удивляюсь, как ты до сих пор не рухнула под тяжестью такого количества надписей!»

ли эти две фигуры со стихом из «Божественной комедии» Данте: «Так горек он, что смерть едва ль не слаше...» Рядом с этой парой – так называемая «группа Плиния»: юноша, поднимающий с земли свою мать, которая умоляет сына оставить ее и спасти собственную жизнь. Это в буквальном смысле изображение эпизода из письма Плиния Младшего, описавшего именно эту ситуацию: «...море было покрыто опустившимся густым облаком, и остров Капрея с мысом Мизенским скрылись от глаз наших. «Спасайся! – воскликнула моя мать, – спасайся, ты еще молод и имеешь на то довольно сил; а я, удрученная старостью и тучностью, умру спокойно, когда буду уверена, что не допустила тебя погибнуть со мной!» Я отвечал, что не могу спасаться без нее; взял ее под руку и повел далее. Она последовала за мной, не переставая повторять, что задерживает меня. В это время пепел уже начинал падать на нас...»

Удивительно и другое: некоторые группы на картине Брюллова как бы предугадали сюжеты, раскрывшиеся перед археологами уже после того, как Фиорелли, спустя тридцать лет по-

Храм Исиды.
Культ этой
египетской
богини был
весьма
распространен
в Средиземном
морье

сле появления «Последнего дня Помпеи», придумал способ заливки пустот гипсом. Была найдена, например, семья: мужчина своим телом и плащом прикрывает жену и ребенка. И разве не то же мы видим на картине (группа слева от погибшей женщины)? Вот на заднем плане можно увидеть и языческого жреца, убегающего с ритуальными драгоценными предметами – помните скелет из храма Исиды? Или, к приме-

ру, скупец, подбирающий рассыпавшиеся по ступеням монеты (левый край картины)? Надо ли говорить, что в «коллекции» гипсовых слепков есть и такой персонаж, до последнего момента не расстававшийся с сундуком, полным сестерциев? Запечатлев Брюллов на картине и самого себя: автопортрет художника с ящиком, полным кистей и красок, на голове можно рассмотреть справа, в самой глубине полотна...

Многие улицы в Помпеях сохранились настолько хорошо, что возникает ощущение, будто жизнь здесь и не прекращалась...

Готовая картина произвела эффект разорвавшейся бомбы. В мастерскую Брюллова приходили толпы зрителей, в числе которых были и знаменитости. Например, Вальтер Скотт просидел перед «Последним днем Помпеи» больше часа, а потом, горячо пожав руки Брюллову, заявил: «Я ожидал увидеть исторический роман. Но вы создали много больше. Это – эпопея...» Сначала картину выставили в Риме, затем в Милане. Успех

был оглушительный: Брюллова именовали новым Микеланджело, Тицианом и Рафаэлем. Почти все итальянские академии искусств наперебой объявляли его своим профессором. В какой бы город Италии ни приехал Брюллов, его выходили встречать толпы восторженных поклонников, несли на руках по улицам, устраивали овации и распевали в его честь песни. Санкт-Петербургский журнал «Библиотека для чте-

Казарма гладиаторов, в которой было найдено немало жертв извержения Везувия

ния» опубликовал письмо читательницы, ставшей в Милане свидетельницей триумфа Карла Брюллова: «Фанатизм, произведенный в любителях, в знаменитейших здешних художниках, даже в простом народе, превосходит всякое понятие. В театре импровизировали ему стихи; оглушенный рукоплесканиями, он принужден был спрятаться в углу ложи. Народ толпится, чтобы только его увидеть. Стены домов все исписаны его именем, которое уже бессмертно...» Затем «Последний день Помпеи» покорила Париж, а в 1834 году, наконец, была выставлена в Петербурге. Вместе с картиной на родину приехал и сам художник. Здесь его ожидал триумф, не меньший, чем в Италии...

ПОСЛЕДНИЙ ВЗГЛЯД

«Именно с этого места Карл Брюллов делал многочисленные наброски для своей великой картины. Если присмотреться, можно легко заметить сходство», – объясняет нам Надежда.

Мы внимательно вглядываемся в открывшийся перед нами вид: городская улица, которая, кажется, мало чем отличается от всех остальных в Помпеях. Вдали темнеет масса Везувия. Из-за угла одного из разрушенных зданий медленно выходит полосатая кошка и важно дефилирует мимо, не обращая на нас никакого внимания...

Да, сходство заметно, однако реальный вид, который мы рассматриваем, кажется таким спокойным и бесстрастным по сравнению с «Последним днем Помпеи», что сравнивать их действительно трудно. «Декорацию сию я взял с натуры, не отступая никакого и не прибавляя», – писал сам Карл Брюллов, после того как картина была закончена. Кажется, он немного лукавил: талант и воображение художника превзошли то, что сегодня открывается взгляду обычного человека в мертвом городе Помпеи...

ГОРЕ И УМ

А.С. Грибоедов.
Портрет работы
художника-
любителя
Горюнова.
1820-е годы

ДВОРЯНСКОЕ ДЕТСТВО

Жизнь его в самом деле началась с загадки: исследователи, кажется, до сих пор не сошлись во взглядах на год его рождения: назывались 1790, 1792, 1793, 1794 и 1795 годы; чаще всего – первая и последняя цифры. В пользу той и другой есть веские аргументы и свидетельства. Но последнего слова до сих пор не сказано...

Предки его, поляки Гржибовские, прибыли в Россию, по преданию, вместе с Лжедмитрием и совершенно обрусили. Отец и мать будущего драматурга оба были Грибоедовы, но состояли в таком отдаленном родстве, что некоторые исследователи называют их однофамильцами. Отец, Сергей Иванович, был драгун, отставной секунд-майор, отчаянный игрок с репутацией шулера и пустыми карманами. Мать, Настасья Федоровна, принесла мужу 400 душ приданого, вскоре пущенного по ветру; по смерти Сергея Ивановича душ насчитали 144, да еще 57 тысяч рублей долга. Семья была богата не столько деньгами, сколько крепкими родственными отношениями: Настасья Федоровна, ее три сестры и брат, Алексей Федорович (его называют в числе прототипов Фамусова), дружили между со-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЬЕВЫМ

АВТОР
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

В КОРОТКУЮ ЖИЗНЬ ГРИБОЕДОВА ВМЕСТИЛОСЬ СТОЛЬКО СОБЫТИЙ, ЧТО ХВАТИЛО БЫ НА ДВЕ-ТРИ ЖИЗНИ. А ЗАГАДОК СТОЛЬКО, ЧТО СПРАВИТЬСЯ С НИМИ И ЗА ДВА ПРОШЕДШИХ ВЕКА НЕ УДАЛОСЬ.

Даже единственная его большая книга – водевили и наброски не в счет – до сих пор дает простор для размышлений и толкований. До сих пор, едва в классе зайдет разговор о вечном – да умен ли Чацкий, – и понеслось, и уже иной раз звонка не слышно. Личность автора и обстоятельства его жизни и смерти вызывают вопросов еще больше: когда он родился? Почему погиб? Кто в этом виноват? Каким человеком был? У одних

мемуаристов он необыкновенно милый, воспитанный, доброжелательный, у других – сухой, озлобленный, желчный. У одних исследователей – связной декабристов с генералом Ермоловым, у других – государственный человек, карьерист, служака, предатель идеалов и дела декабризма. Где одни видят светлый и ясный ум и любящую душу – другие замечают яд цинизма и опустошение. Какой он, настоящий Грибоедов? Вряд ли мы когда-то узнаем. Каждый увидит свое.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЬЕВЫМ

Настасья Федоровна
Грибоедова (1768–1839),
мать писателя

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

бой, их дети дружили и учились вместе. Летом Саша Грибоедов и его сестра Маша часто гостили в старинной усадьбе дяди – Хмелите. Там был домашний театр; к сцене Саша навсегда прикипел душой с самого детства.

Дома у Грибоедовых говорили по-французски; у детей был гувернер-немец и гувернантка-француженка; их учили языкам, в том числе латыни, литературе, основам наук и музыке, причем и у Маши, и у Саши обнаружился поразительный музыкальный талант. Оба, когда выросли, считались превосходными исполнителями, а Александр – и замечательным импровизатором. Учили детей и танцам – у знаменитого танцмейстера Иогеля, который, кстати, снимал в доме Грибоедовых квартиру.

Дома всем заправляла мать, женщина сильная, с тяжелым характером. Чем старше становился сын, тем тяжелее он уживался с матерью, тем реже старался бывать дома.

В 1803 году Сашу отдали учиться в Благородный пансион при Московском университете; здесь раньше учился Жуковский, позже Лермонтов. Саша учился хорошо и особенные успехи проявлял в музыке, но, всегда слабый здоровьем, начал так долго и тяжело болеть, что мать уже через несколько месяцев забрала его из пансиона, и еще несколько лет мальчик занимался со своим гувернером и учителями, среди которых было несколько университетских преподавателей.

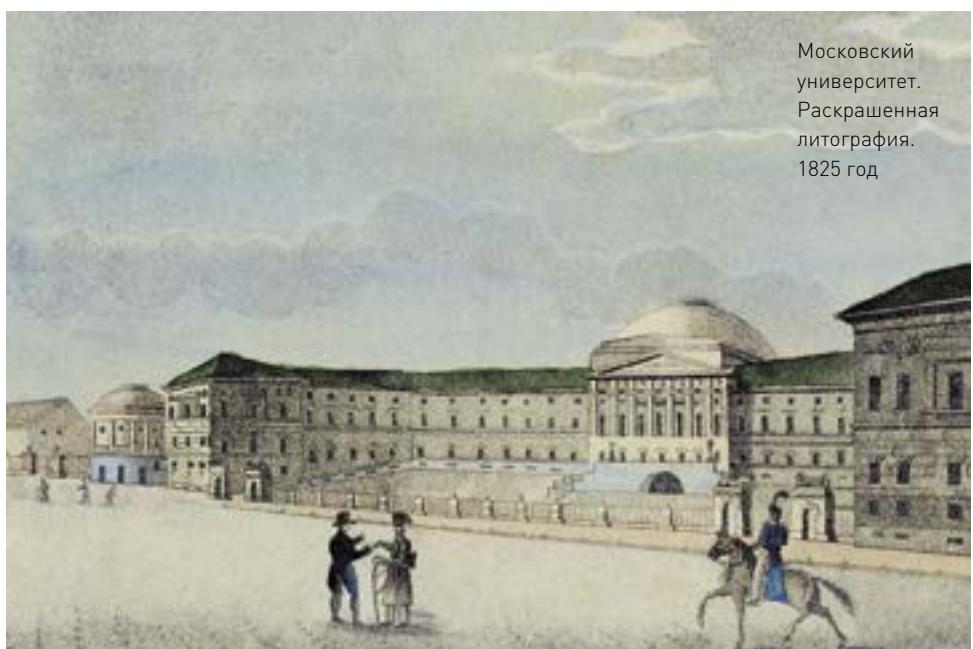
Дом Грибоедовых в Москве (Новинский бульвар, угол Большого Девятинского переулка). После пожара 1812 года был восстановлен Н.Ф. Грибоедовой в 1814–1816 годах

СТУДЕНТ

В 1806 году он начал посещать занятия на словесном отделении Московского университета; если считать его годом рождения 1795-й, ему должно было быть всего 11 лет. Впрочем, одновременно с Грибоедовым занятия в университете стали посещать соседи по имению – братья Лыкошины, 13 и 11 лет. Грибоедова профессора знали по домашним занятиям и зачислили без испытаний. На занятия эти студенты (своекоштные – то есть учившиеся за собственный счет) являлись в сопровождении гувернеров. Через два года Грибоедов окончил курс кандидатом словесности. Идти служить в департамент, если ему в самом

здании
Московского
университетского
Благородного
пансиона.
Гравюра второй
половины
XIX века

деле было 13 лет, было рановато, так что в следующие два года он вольнослушателем посещал частные лекции профессора Иоганна-Феофила Буле и лекции на этико-политическом отделении университета: изучать право будущему чиновнику было полезнее, чем словесность. Компанию Грибоедову, и на лекциях, и в развлечениях, составляли юные

Московский
университет.
Раскрашенная
литография.
1825 год

студенты – князь Щербатов и братья Чаадаевы; дружеским дуракавалянием этой компании порожден первый драматургический опыт Грибоедова – комедия «Дмитрий Дрянской», пародия на озеровского «Дмитрия Донского». Впрочем, друзья скоро оставили университет, а Грибоедов продолжал учиться и готовиться к экзаменам на степень доктора.

Доктором наук он так и не стал: началась война 1812 года, и Александр, не спросив матери, записался в Московский гусарский полк графа Салтыкова. Полк был добровольческий, состоял в основном из безусых юнцов, которые гордились красивой формой и самостоятельной взрослой жизнью. Единственным «подвигом» полка после отступления из Москвы оказался безобразный кутеж, учиненный в городе Покрове – с грабежами и разгромом винных лавок. Скандаленный полк отправили во Владимир; там Грибоедов простудился и слег, тем и кончилось его участие в Отечественной войне. Он тяжело болел всю зиму, пока шли военные действия, и только в июне отправился догонять полк, который теперь слился с Иркутским гусарским полком и отправили к западной границе в составе Третьей резервной армии.

В РЕЗЕРВЕ

Грибоедов проехал через сожженную Москву – некогда шумную, цветущую, родную; убедился, что сгорел и семейный дом на Новинском бульваре. Двигаясь на запад по Смоленской дороге, заехал в Хмелиту и с радостью нашел усадьбу невредимой. Через Смоленск и Минск он приехал в Кобрин, небольшой городок, где стоял его полк, и поступил в распоряжение генерала Кологривова, затем был переведен в Брест. В штабе Грибоедов познакомился с родственниками генерала – братьями Бегичевыми, Дмитрием и Степаном, в которых нашел умных собеседников, товарищей по юношеским проказам и друзей на всю

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ж.-М. Риддер.
Вид Собакиной
башни и здания
Приказа после
пожара и взрыва
1812 года.
1814 год

жизнь. Проказы, кстати, были баснословные: то друзья въехали на бал на лошадях, поднявшись верхом на второй этаж по бальной лестнице, то Грибоедов во время службы в костеле сигнал с места органиста, какое-то время играл духовную музыку, а потом грязнул «Камаринскую». Впрочем, Бегичевы были серьезные молодые люди, и время с Грибоедовым проводили не только в буйных шалостях, но и в умных разговорах. Генерал Кологривов по рекомендации Бегичевых принял Грибоедова и нашел, что это весьма полезный подчиненный: и полулегендарное польское происхождение, и вполне реальная способность говорить по-польски помогли ему найти общий язык с местным дворянством при решении тяжелых вопросов снабжения полков.

Еще в Бресте, томясь от скучи, Грибоедов по совету Степана Бегичева взялся за перевод французской комедии «Молодые супруги». Он сильно сократил оригинал, пьеса оказалась одноактной и довольно динамичной – она и сейчас читается довольно легко и сохраняет свою сценичность; прелест ее, однако, едва не угубили при постановке.

ПЕТЕРБУРГ

В конце 1814 года Грибоедов получил отпуск и отправился в Петербург, где с головой окунулся в светскую жизнь повесы и театра. Он свел знакомство с князем Шаховским, автором многочисленных комедий и покровителем молодых актрис. Решил писать для театра и, когда отпуск закончился, дописал «Супругов» и отоспал Шаховскому. Тот пришел в восторг и сулил пьесе прекрасное сценическое будущее.

Летом 1815 года война закончилась. Еще раньше, в 1814-м, умер Грибоедов-старший. Наследственные дела оказались очень просты: Александр отказался от своей доли в пользу сестры и остался совершенно нищим. На жизнь предстояло зарабатывать своим трудом. Постановка «Молодых супругов», имевшая некоторый успех, принесла ему первую славу, но не деньги. Надо было думать о продолжении карьеры, и в 1816 году он вышел в отставку с военной службы.

Он обживался в Петербурге, где кипели литературные баталии: кружок «Арзамас» воевал с державинской «Беседой»; после «Липецких вод» Шаховского (где во второстепенном персонаже, стихотворце Фиалкине, все узнали Жуковского) стрелы эпиграмм тучами носились в воздухе. Грибоедов сохранил нейтралитет – и хотя по возрасту, образованию, воспитанию был ближе к арзамасцам, да и общаться предпочитал по-французски, но во взглядах примыкал, скорее, к архаистам. В том, что касалось языка и литературы, он предпочитал оригинальное подражательному. Галлицизмы караимзинского круга его раздражали, подражательность сентиментальных баллад выводила из себя.

С Пушкиным, самым молодым из арзамасцев, он встретился довольно скоро: и вчерашний лицеист Пушкин, и отставной гусар Грибоедов одновременно начали службу в Коллегии иностранных дел. Служба была не-

обременительна, времени для безумств, пьянства, волокитства и круженья в вихре света оставалось с избытком. Тогда же Грибоедов свел знакомство с Кюхельбекером, переросшее в крепкую дружбу, и с Катениным, в соавторстве с которым написал комедию «Студент», где издевался над поэтами-сентименталистами, высмеивая их подражательность, книжность, оторванность от жизни.

ДУЭЛЬ

Круженье в вихре света закончилось трагедией. Грибоедов рассорился с сильно пьющим Катениным и переехал жить к Завадовскому, тоже записному повесе. Дальше у истории есть несколько версий; одна из них гласит, что Завадовский был влюблена в балерину Авдотью Истомину, которая состояла в связи с общим знакомым молодых людей Василием Шереметевым. Ревнивый Шереметев изводил ее, и после очередной ссоры любовников Грибоедов увез Истомину в дом к Завадовскому, где та и оставалась двое суток. Биограф Грибоедова Екатерина Цымбаева рассказывает другую версию: Степан Бегичев передал Грибоедову просьбу от отца Шереметева помочь ему об разуметь сына. Грибоедов встретился с Истоминой, просил о разговоре, чтобы узнать, что сообщить родственникам. Истомина опасалась бешеного нрава Шереметева, поэтому Грибоедов повез ее поговорить к себе домой, а больше ничего и не было. Строго говоря, причиной для дуэли послужил тот факт, что Грибоедов отвез Истомину в дом к Завадовскому. Шереметев вызвал Завадовского на дуэль, его секундантом Якубович должен был стреляться с Грибоедовым. Мотором истории был Якубович, настоящий сорвиголова, человек невероятной энергии, храбости и безрассудства; идея «четверной» дуэли принадлежала именно ему. На поединке Завадовский попал Шереметеву в живот, и дуэль секундантов была отложена. Шереметев умер на следующий день.

Авдотья
Ильинична
Истомина
(1799–1848).
Портрет работы
неизвестного
художника.
1815–1820 годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЁВЫМ

Василий Васильевич Шереметев (1794–1817), офицер кавалергардского полка. Портрет работы неизвестного художника. 1810-е годы

Его родители просили царя не называть дуэлянтов. Завадовский уехал в Англию, Якубовича сослали на Кавказ, а Грибоедов остался в Петербурге – единственным виновником гибели Шереметева. В столице он после дуэли не задержался: был назначен секретарем русской миссии в Персию. Одни исследователи считают, что это была ссылка, другие – что

Александр
Иванович
Якубович
(1792–1845).
Портрет работы
П. Каратыгина.
Вторая половина
1820-х годов

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЁВЫМ

этому назначению послужила слава полиглotta, закрепившаяся за Грибоедовым. В августе 1818 года он отбыл в Персию – «противувольно», он не хотел туда ехать. С дороги писал Степану Бегичеву: «Представь себе, что я сделался преужасно слезлив, ничто веселое и в ум не входит, похоже ли это на меня? Нынче мои именины: благоверный князь, по имени которого я назван, здесь прославился; ты помнишь, что он на возвратном пути из Азии скончался; может, и со именного ему секретаря посольства та же участь ожидает, только вряд ли я попаду в святые!» Долгая и тяжелая дорога привела его на Кавказ. В Моздоке он познакомился с генералом Ермоловым; затем отбыл в Тифлис, где его уже поджидал Якубович, требовавший немедленно стреляться. Избежать дуэли было невозможно; условия были свирепые – на шести шагах. Якубович прострелил Грибоедову руку и, как рассказывают, заметил: «По крайней мере, играть перестанешь». Грибоедов не стал подходить к барьере, но целил Якубовичу в голову; пуля пролетела мимо. Рана в самом деле не давала играть, мизинец больше не сгибался, и Грибоедову пришлось осваивать игру девятью пальцами. Невозможность играть была для него тяже-

лым ударом – ведь едва ли не самую ценную вещь в его багаже составляло фортепиано.

Зиму Грибоедов провел в Тифлисе, где подружился с семьями генерала Ахвердова и князя Чавчавадзе, известного поэта и переводчика. Жена Ахвердова Прасковья Николаевна, женщина умная и образованная, воспитывала своих детей и пасынков, а вместе с ними и дочерей князя Чавчавадзе – Нину и Катю. Грибоедову было тепло и уютно в этом доме, здесь к нему относились с участием. По воспоминаниям современников, Грибоедов был замечательно хорош с друзьями – приветлив, добр, внимателен; с чужими людьми мог быть резок, холоден и изврительен. Один из его друзей вспоминал, как Александр Сергеевич обидел бездарного, но добродушного поэта Федорова, дерзнувшего сравнить рукопись «Горя от ума» со своей пьесой. «Я пошлостей не пишу», – отрезал Грибоедов, не принял никаких попыток Федорова загладить неловкость – так что тот покинул дом едва не в слезах, а Грибоедов приступил к чтению комедии...

КОМЕДИЯ

В Персии Грибоедов тосковал. По Петербургу, по театру, по России. Фортепиано не звучало в тесном доме, его пришлось вынести на плоскую крышу, и по вечерам, когда спадала жара, русский дипломат там играл. Персы стекались к его дому послушать музыку. Он учил персидский, чтобы общаться с местным населением и понимать происходящее. Изучая опыт внешней политики и торговли англичан, он начал вынашивать план Русско-персидской торговой компании, даже начал воплощать его в жизнь, но – увы...

Часть служебных обязанностей Грибоедова состояла в том, чтобы в согласии с Гюлистанским мирным договором вывести в Россию застрявших в Персии дезертиров и военнопленных. В течение месяца он вел отряд в 158 солдат из Тавриза в Тифлис – и привел эту недисциплинированную, склонную к безо-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Нина
Александровна
Грибоедова,
урожденная
княжна
Чавчавадзе
(1812–1857)

бразиям команду практически в полном составе. Никакой награды за это не получил. Ермолов весьма ценил общество Грибоедова, но на карьерном росте это никак не сказалось.

Тоска становилась все гуще и тяжелее. Он плохо переносил местный климат и жару, доводившую до обморочного состояния; ему казалось, что он тупеет, забывает даже то, что раньше знал, зубрежка языка не спасала. 16 ноября 1822 года он впал в такое отчаяние, что сел писать прошение об отставке. Затем заснул – и увидел во сне Шаховского, который взял с него слово, что тот через год напишет «сам знает что», и Катенина, сказавшего «лень губит всякий талант». Он записал на обороте прошения об отставке обеща-

ние: «Во сне дано, наяву исполнится». И начал работу.

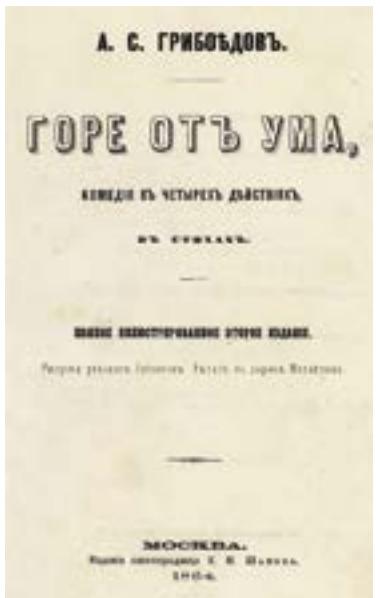
Весной 1823 года, получив долгожданный отпуск, приехал в Москву и привез наброски комедии. Читал Степану Бегичеву, тот критиковал и давал советы, но видно было уже, что получается, и получается хорошо. Чтобы комедия состоялась, Грибоедову нужен был только спокойный досуг, которого он был лишен в Персии. «Не ожидай от меня стихов, – писал он позже Булгарину. – Горцы, персияне, турки, дела управления, огромная переписка нынешнего моего начальника поглощают все мое внимание. Не надолго, разумеется, кончится кампания, и я откланяюсь. В обыкновенные времена никуда не гожусь: и не моя вина; люди мелки, дела их глупы, душа черствеет, рассудок затмевается, и нравственность гибнет без пользы ближнему. Я рожден для другого поприща».

Лето 1823 года дало ему возможность утвердиться на поприще, для которого он был рожден. Он гостили в имении Бегичева и работал для себя. К осени стало понятно, что его представления о Москве устарели, что для пьесы нужны новые впечатления – и он уехал в Москву. После Персии с ее гаремами, евнухами, жестокой дикостью – и дым отечества был сладок и приятен. Но Москва с ее слухами и сплетнями, засильем тетушек и бабушек, манерностью, с ее восточным раболепием, которого сразу не различишь за европейскими нарядами и французской речью, – Москва раздражала. И гневные филиппики юноши Чацкого, столь неуместные в фамусовской гостиной, так мало обоснованные его короткой биографией – совсем иначе звучат, если вместо скучного опыта Чацкого подставить грибоедовский опыт неоцененной службы, тоски, восточной тирании... «Живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались», – радостно сообщал Грибоедов Бегичеву – и тут же требовал, чтобы тот никому рукопись не показывал и

А. С. Грибоедов.
Вальс ми-минор.
Факсимile
из «Лирического
альбома
на 1832 год»
И. Ласковского
и Н. Норова

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Титульный
лист второго,
1864 года,
издания комедии
А.С. Грибоедова
«Горе от ума»

сжег ее, если не понравится. Это совсем первый опыт русской поэтической комедии, небывалой пока, с небывальным сюжетом, героем, стихом – даже онегинскую строфи имитировать легче, чем разностопный, искристый стих «Горя от ума». Начитанные люди видели: Чацкий стоит на плечах мольеровского Альцеста. Исследователи не раз замечали сходство между мнимыми безумцами Чацким и Гамлетом, «миллионом терзаний» одного и «сердечными муками и тысячью лишений, присущих телу» другого. Даже система персонажей «Горя» зеркалит «Гамлете»: тут тебе и старик с дочерью на выданье, и другой жених, и два неизличимых господина, Розенкранц и Гильденстerner – г-н Н. и г-н Д., и Скалозуб-Фортинбрас... вот только Репетилов – пародийный двойник вместо верного Горацио... И при всей своей плотной укорененности в европейской культуре – это совершенно свое, родное, точно подмеченное и блестяще сфор-

Страница
из второго,
1864 года,
издания комедии
А.С. Грибоедова
«Горе от ума»

Афиша
первой полной
постановки
комедии
«Горе от ума»
в Александрин-
ском театре
в Санкт-
Петербурге
26 января
1831 года

мулированное, отлитое в чистом золоте на века.

Чтение комедии вызывало у слушателей неизменный восторг – и неизменные беспрекословные замечания: комедию пытались судить с точки зрения классицистских канонов. Слава о новой пьесе разнеслась по Москве, потом по Петербургу; с нее сделали 45 тысяч копий, передавали из рук в руки, помнили наизусть – но о публикации нечего было и думать, о театральной постановке тоже. Грибоедов просил Булгарина провести комедию сквозь цензуру.

Дружба с Булгариным – еще одна загадка грибоедовской биографии. Поверить в их искреннюю дружбу настолько трудно, что объяснения подыскивают самые разнообразные. По одной версии, Грибоедов беззастенчиво пользовался Булгариным и обманывал его, соблазнив еще и жену его Леночку. По другой, напротив, Булгарин беззастенчиво пользовался Грибоедовым, прикарманил большую часть его денег, полученныхых в награду за Туркманчайский мир, и пытался присвоить «Горе от ума», заявляя, что авторская надпись «Горе мое поручаю Булгарину» – дарственная.

Добиться у цензуры разрешения на печатание части отрывков Булгарину в самом деле удалось. Но постановка, задуманная в Петербургском театральном училище, была запрещена.

БРУТЫ И ПЕРИКЛЕСЫ

Успешный дипломат без денег и карьеры (денег вечно не хватало, орден, пожалованный персидским шахом, пришлось заложить; в молчалинском чине коллежского асессора он пребывал несколько лет), поэт без читателей, комедиограф без зрителей – странная, нелепая судьба. «Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес»... хоть и не про него это сказано.

«Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес»... хоть и не про него это сказано. Таких брутов и периклесов в стране, победившей Наполеона, было не так уж мало, и их тянуло друг к другу. Вполне закономерно, что его притянуло к кругу де-

Первое свидание графа Паскевича-Эриванского с наследником персидского престола Аббас-Мирзой в Дейкаргане в 1828 году [среди свиты А.С. Грибоедова]. Конец 20-х – начало 30-х годов. Литография К. Беггрова по оригиналу В. Мошкова

кабристов. Согласиться войти в тайное общество он не мог; известна его резкая фраза: что прапорщиков хотят переменить весь государственный быт в России. Отказаться от обсуждения более разумного и справедливого будущего страны – тоже не мог. Вступать в тайное общество не стал, но в Киев на встречу с членами Южного общества поехал. Как он объяснял себе свое участие, до какой черты готов был помогать? Советом? Обсуждением? Исполнением поручений? Предупреждением: Ермолов не поддержит без гарантии успеха, Россия не поймет цареубийства? То ли его берегли, как Пушкина, то ли не доверяли ему, вечно впутанному в какие-то дуэли и интрижки с балеринами (последняя – с Телешовой, которую он фактически увел у генерала Милорадовича). Вопросов больше, чем ответов. Сам Грибоедов в 1825 году пребывал в тоске, путешествовал по Крыму, не хотел возвращаться на Кавказ и просил у Степана Бегичева совета, как ему «избавиться от сумасшествия или пистолета».

Его принадлежности к узкому дружескому кругу, в который входили декабристы, и хранившиеся у него бумаги с избытком хватало для катоги. Общеизвестно, что, когда за Грибоедовым приехали, Ермолов задержал фельдъегера и дал подчиненному полчаса – уничтожить бумаги. Несмотря на то, что несколько декабристов указали на его принадлежность к обществу со слов Рылеева, сам Рылеев все отрицал. Грибоедов тоже. Он даже написал императору раздраженное письмо: мол, матушка волнуется, я сижу, меня не отпускают, благоволите или отпустить, или отправить в Тайный комитет, чтобы я обличил своих обвинителей в

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

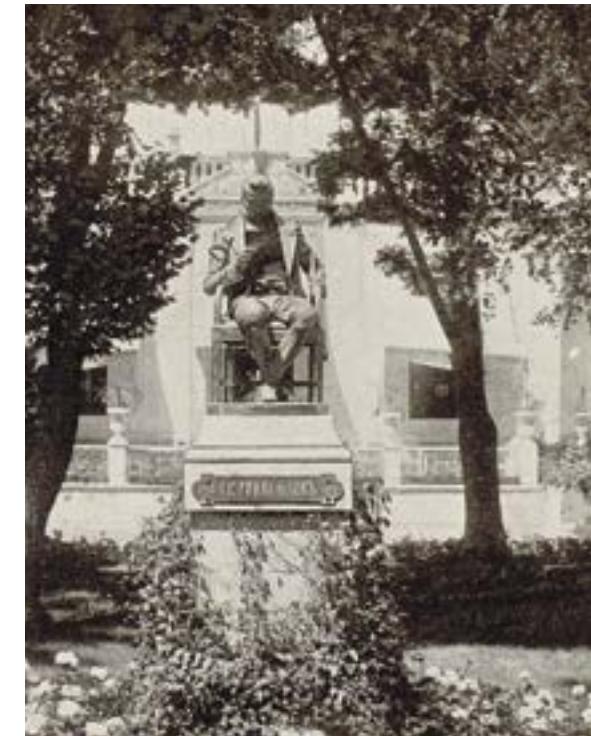
клевете. Письмо императору не передали: так царям не пишут. Грибоедова освободили и вернули на Кавказ, где шла русско-персидская война.

На Кавказе тем временем сместили Ермолова и отправили в отставку всех его подчиненных. Кроме Грибоедова. Вместо Ермолова главнокомандующим Кавказским корпусом и главно-

Памятник
А.С. Грибоедову
в Российской
императорской
миссии
в Тегеране.
Фотография
начала XX века

управляющим Грузии стал генерал Паскевич, муж грибоедовской кузины, много сделавший для Александра в ходе следствия. Денис Давыдов, родственник Ермолова, писал: «В Грибоедове, которого мы до того времени любили как острого, благородного и талантливого товарища, совершилась неизмеримая перемена. Заглушив в своем сердце чувство признательности к своему благодетелю Ермолову, он, казалось, дал в Петербурге обет содействовать правительству к отысканию средств для обвинения сего достойного мужа, навлекшего на себя ненависть нового государя... в то же самое время Грибоедов, терзаемый, по-видимому, бесом честолюбия, изощрял ум и способности свои для того, чтобы более и более заслужить расположение Паскевича, который был ему двоюродным братом по жене».

Грибоедову тяжело было в этом конфликте лояльностей: и Ермолову, и Паскевичу он был многим обязан, и был ли безупречный выход из этой дилеммы – неизвестно. Но служба под началом Паскевича, не блеставшего талантами, открывала перед ним широкие перспективы, а верность Ермолову – закрывала и те небольшие, что были.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

В самом деле, у Грибоедова появились новые возможности и новые проекты. Теперь он отвечал за дипломатические отношения с Турцией и Персией, занимаясь усовершенствованиями в Тифлисе, открыл там газету «Тифлисские ведомости», работал над проектом мирного договора между Россией и Персией... Эта бурная деятельность увенчалась крупной дипломатической победой Грибоедова: 10 февраля 1828 года был подписан Туркманчайский мирный договор с Персией, по которому Россия получала право на выплату огромной контрибуции и возвращение христианских пленников.

Он приехал в Петербург победителем. Получил орден, чин статского советника и 4 тысячи червонцев. Он не хотел возвращаться. Даже англичане предупреждали его, чтобы был осторожен: тяжелых условий мира ему не простили. В Петербурге была жизнь, по которой он скучал: насыщенная, умная, живая; он тяготился Востоком и нуждался в тишине и покое: на бумагу просилась трагедия «Грузинская ночь»; сохранившиеся отрывки — обещание шекспировского размаха, предчувствие Лермонтова.

Грибоедову не давала покоя судьба ссыльных декабристов. Он добился аудиенции у императора, просил об их прощении. Результатом стало возвращение

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.С. Грибоедов.
Гравюра
Н. Уткина.
1829 год

в Персию — почетное, полномочным посланником в ранге министра. Он предчувствовал, что не вернется. Лето 1828 года — последние сборы. Прощание с Петербургом. С Пушкиным, Жуковским, Вяземским, Крыловым. Он еще успел заехать к сестре, которая недавно родила ребенка, и крестить его; тихое семейное счастье, грудной племянник заставили, наверное, думать о собственной бездомной жизни. Может, поэтому он так неожиданно для себя уже в июле, едва при-

ехав в Тифлис, сделал предложение подросшей и прелестной Нине Чавчавадзе и так спешно на ней женился. Может быть, чувствовал, как жизнь его стремится к роковой точке — и пытался успеть повернуть ее, остановить, поймать свои мгновения — не триумфа, не славы, а простого человеческого счастья.

По дороге он заболел малярией; его так трясло, что он едва не отменил венчание и еле выстоял его. Нина нежно ухаживала за ним. Семейного счастья им выпало всего ничего: в июле сделал предложение, в августе женился, в октябре молодожены приехали в Тавриз. В декабре Грибоедов оставил беременную Нину в Тавризе на попечение семьи английского доктора — и уехал в Тегеран, где через два месяца был убит разъяренной толпой, которая напала на русское посольство и растерзала всех, кто в нем находился. Рассказывают, что Грибоедов отверг предложение спасаться бегством и хладнокровно сопротивлялся до последнего. Труп опознали по искалеченному мизинцу.

Историки спорят до сих пор, что стало причиной убийства — непреклонная жесткость ли самого Грибоедова, сделавшего ставку на демонстрацию силы, развязность ли его окружения и бесцеремонность, с которой из гаремов забирали армянок-христианок, или, может быть, английские интриги. Смерть его — такая же загадка, как и рождение. Встреча Пушкина с телом Грибоедова на дороге в Арзрум — невстреча, как доказано учеными, — выдумка, чистый символ.

Жизнь, такая яркая, такая мощная, так много обещавшая, пронеслась метеором, вспыхнула и исчезла. Остался деревянный гроб на арбе, и вдова над гробом, и ребенок, который прожил один час.

Осталась великая комедия и два вальса, полных небесной печали, и, наверное, это все оправдание того самого несостоявшегося счастья — будем век жить и никогда не умрем, — но как же мучительно это все, как нелепо. ♦

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

НЕ ТЮРЬМОЙ ЕДИНОЙ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ХХ ВЕК ПОРОДИЛ СТРАННОЕ, А ПОРОЙ И ПУГАЮЩЕЕ ЗНАНИЕ. ЧТО ТАКОЕ ЛЕФОРТОВО, СПРАШИВАЕТСЯ? ТЮРЬМА – ОТВЕЧАЮТ ОБЫЧНО. КТО ИЗ СЛИШКОМ ОБРАЗОВАННЫХ, ПОЯСНЯТ: СЛЕДСТВЕННЫЙ ИЗОЛЯТОР КГБ. И ЕХАТЬ В ЛЕФОРТОВО ПОСЛЕ ЭТОГО МНОГИМ ПОЧЕМУ-ТО НЕ СЛИШКОМ ХОЧЕТСЯ.

НАСТАЛ ДЕНЬ, КОГДА в музыкальной школе, что находилась некогда в Москве, на углу Лефортовского Вала и Энергетической улицы, случилась революция. В гитарном классе начался набор желающих учиться игре на шестиструнном инструменте. Рожденные «Битлз» и «Роллинг стоунз» звуки проникали-таки в СССР, несмотря на железную природу занавеса. А «ливерпульские жуки» и «роллинги» извлекали эти звуки только из шестиструнных гитар. Семиструнная классика сразу вышла из моды. На «прослушку» в ги-

тарный класс записывались пачками, а когда дело доходило до вопроса, сколько струн у гитары, многие безапелляционно отвечали: шесть. В итоге в комнатах, где занимались «шестиструнники», грохотала какофония, а в маленьком зале для «классиков» одинокий 7-летний мальчик вымучивал из семирублевой «ленинградки» томные менуэты и протяжные русские народные. После этих менуэтов домой я только что не бежал. И бежал бы, да мешал мешок черной ткани, оберегавший драгоценную семиструнку. Но уж чего я точно не делал, так это не оглядывался.

Боялся, что выскочит из дверей школы грозный педагог по специальности Геннадий Алексеевич и крикнет строго: «Быков, работай над растяжкой. Пальцев должно хватать на пять ладов!... Не оглядывался, потому и не замечал, как нависают над невысоким зданием школы белесые корпуса какого-то безжизненного заведения за высоким кирпичным забором.

В самом конце XIX века Лефортовская тюрьма, она же – СИЗО №2, называлась совсем безлико – «Военная тюрьма». Первых постояльцев из нижних чинов Московского гарнизона она приняла в 1881 году. В основном это была публика, попавшая на нары из-за мелких правонарушений. В общем, нечто сродни гауптвахте. Едва грязнула советская эпоха, тюремный комплекс приглянулся ВЧК. С того времени и доселе местные сидельцы – народ по большей части непростой. Блюхер, Василий Сталин, Берия, Солженицын, академик Сахаров, актриса Зоя Федорова. Позже – фигуры помель-

Лефортовский парк. Большой Нижний пруд. На другом берегу Яузы – комплекс знаменитой Бауманки, на месте которой стоял когда-то дворец Франца Лефорта

че, но тоже известные: немецкий воздушный авантюрист Руст, Лимонов, Анпилов, Новодворская, Радуев...

Впрочем, знаменитости знаменитостями, но начинать знакомство с удивительным столичным районом Лефортово стоит с другого. Тем более что и вольными тут множество серьезного люда перебывало. А кое-кто учился, жил, помирал. Начиная с XVII века.

Что интересно, откуда ни подъезжай к этим местам, сразу наешься на памятник. Если не архитектурный, так исторический. Прямо как в Петербурге. Москва, она чем туриста затрудняет? Единственное историческое пространство отсутствует. А разрывы заполнены бог знает чем. Вот и приходится любопытствующему двигаться перебежками. Но Лефортово, повторюсь, дело иное. Не все, конечно. В восточной части смотреть не на что. Жилая застройка второй половины XX века, торговые центры, промзоны, железная дорога. А вот по западному краю, примыкающему к Яузе, можно и пешком. Не соскучишься.

И танки наши быстры.
Т-34 во дворе средней школы №415

А У НАС ВО ДВОРЕ

Ее не сразу и заметишь. Как и положено в боевой обстановке. Обычный школьный двор, сжатый с двух сторон массивными крыльями многоэтажной «сталинки». Сразу за металлическими пиками забора – тридцатьчетверка образца 1943 года. Невысокий постамент под углом, задирающий пушечный ствол чуть кверху, черные траки, броня цвета хаки. Я помню этот танк, навсегда застывший у дверей обыкновенной столичной школы, с детства. Но мы, жившие несколькими кварталами дальше, сюда, на Танковый проезд, играть в войнушку не бегали. Что-то удерживало. Не висли на стволе местные мальчишки, не пытались забраться на башню с победными воплями, как оно честенько случается на выставке боевых машин прошлого на Поклонной горе и около музея Российской армии. Он, этот танк, всегда выглядел одиноко. Не в том смысле, что брошенным. Недоступным.

...– А вы его зачем фотографируете?

Мужчина в годах и с лицом командира задал вопрос так, что не ответить нельзя. Объясняем, что для журнала, публикация готовится и прочее.

– А я директор школы. Мы за этим танком не первый десяток лет ухаживаем. Дети у нас из соседних домов в основном. А дома это непростые. На каждом памятные доски: «Здесь тогда-то и тогда-то жил Герой Советского Союза такой-то и такой-то»... Эти доски тоже за школой закреплены. В том смысле, что мы и над ними шефствуем. Памятные доски я тоже помню с детства. А вот почему с танком в этом самом детстве не бегали играть, стало ясно только теперь, после короткой беседы с директором. Почти полвека назад мальчишья интуиция подсказывала – тут играть нельзя, тут не дадут. И это правильно, кстати. И школа эта правильная, №415.

Лефортово – это не только район воинской славы. Это – военный городок во всех смыслах. Так повелось со времен Петра Великого, так и остается по сей день. Чтобы попасть на Танковый со стороны Таганки, надо проехать по Волочаевской (Золоторожской) улице. По правую руку сотнями метров тянутся корпуса старых Астраханских казарм. До 1914-го здесь квартировал 12-й Астраханский гренадерский Его Императорского Величества Александра III полк. Тот самый, которым командовал Суворов и где командиром роты служил Кутузов. Ныне тут – Военный университет Министерства обороны. Традиция, однако...

Чтобы попасть в сердце Лефортова, надо с Танкового свернуть налево, в 1-й Краснокурсантский проезд. Раньше название особого беспокойства не вызывало. В самом деле, были же тут когда-то и красные курсанты. Но теперь как-то не по себе. Как и повсюду, где история отечества переплетается в названиях с шизофреническим подтекстом.

КРАСНЫЕ КАЗАРМЫ

По левую руку – стройные казармы красного цвета. Именно этот цвет дал еще в XVIII веке нынешнее название. Да и название старинной улицы, рассекающей Лефортово пополам, – Красноказарменная. Но дело не в этом. Многие ведь до сих пор думают, что имя «Красная площадь» – это большевики придумали. В этих Красных казармах, построенных в 1776 году архитектором Яковлевым, за два века размещались разные воинские части и военно-учебные заведения: Московский гарнизонный полк, 3-й Московский кадетский Александра II корпус, Алексеевское военное училище, Комендантский полк. Этот полк стоит в Красных казармах и сейчас. Вот только полное его название с апреля прошлого года – 154-й отдельный комендантский Преображенский полк. Как отмечено в президентском указе, имя «Преображенский» присвоено полку «в целях возрождения славных воинских исторических традиций». И это понятно. Проблема в том, что одной из славных воинских традиций преображенцев было участие в Белом движении во время Гражданской войны. И были они красных курсантов, равно как и всех прочих красных, с завидным постоян-

Главный КПП
154-го отдельного
комендантского
Преображенского
полка. Новые
преображенцы
на посту

Казачий парк.
Памятник
донскому
атаману Матвею
Ивановичу
Платову

ством. В частности, последний командир лейб-гвардии Преображенского полка, георгиевский кавалер Александр Кутепов. К слову, ежели посмотреть из окон здания напротив, через Красноказарменную улицу, то там можно видеть корпуса Головинских казарм, в которых дислоцировался 1-й Московский кадетский императора Николая I корпус. Его оканчивали создатели белой Добровольческой армии генералы Алексеев и Марков...

Солдат-преображенец, стоящий на КПП, с интересом наблюдает, как мы с фотографом Александром Бурым гарцуем вокруг конного памятника атаману Матвею Платову, тоже, между прочим, монархисту до мозга костей. Бурый, понятное дело, снимает, а ваш покорный слуга с искренним интересом ищет, к чему бы прицепиться. Памятники-новоделы, посвященные военным персонажам царского периода, изобилуют всяческими ошибками. Вот и привык глаз к внимательно-

му анализу. На сей раз вроде обошлось. Да и художественное решение вполне устраивает, даром что у скакуна морда коротковатая получилась. А вот почему доблестный донец в конце 2013 года слез с жеребца именно в Лефортове, да еще в сквере, получившем тогда же название «Казачий парк», – не слишком ясно. Хотя – где только Матвей Иванович с коня не слезал: и в Петербурге, и в Париже, и в Лондоне, и в Москве!

Фотографировать военные объекты нельзя. И едва объектив находится на главный вход в Красные (Преображенские) казармы, как любопытный рядовой начинает махать руками. Подхожу ближе, прошу вызвать дежурного офицера. У нас ведь тоже служба. Выскакивает сержант, старший караула, и докладывает, что дежурного офицера в данный момент поблизости нет. Ответ ожидаемый и удивления не вызывает. Ну какому дежурному офицеру в какой армии мира захочется решать совершенно небязательные задачи?

- Вы преображенцы? – беру быка за рога.
- Преображенцы, – как-то вяло соглашаются солдаты, явно ожидая подвоха. Меняю направление атаки:
- Ну и как оно служится преображенцами?

Солдаты мнутся. Делюсь кое-какими знаниями об истории коренного полка Русской императорской армии. В частности, говорю, что только преображенцы и семеновцы имели белые канты по швам формы. Оказывается, не знают. Но, в свою очередь, коротенько сообщают:

- Лекции были. И шевроны новые появились.

Дальше терзать служивых не стоит. Устав караульной службы вступать в лишние разговоры не велит.

А казармы хороши! Вот бы буклет или фотокалендарь сделать! Для популяризации воинской службы. С другой стороны, в открытом доступе есть полковой сайт. И там фотографии имеются, хоть – снаружи, хоть – внутри. Армия – она такая...

Бюст Петра Великого в восстановленной ротонде, разрушенной ураганом в 1904 году

ОТ ЛЕФОРТА И ГОЛОВИНА

Армия появилась на Язу в конце XVII века. Чуть выше по течению главного притока Москвы-реки возникли слободы преображенцев и семеновцев. Еще в 1692 году появилась и Лефортовская слобода, прямо напротив дворца их полкового командира. Начали строить 500 домов для солдат, разбили плац, нарезали улицы под прямым углом. Надо заметить, Петр уважал Лефортовский полк не менее, чем собственноручно созданную Петровскую бригаду. Ведь эта часть выросла из 2-го Московского выборного солдатского полка, который наряду с 1-м Выборным стал основой будущей Русской регулярной армии еще при первом Романо-

ве, царе Михаиле Федоровиче, в 1642 году. Полком ЛефORTA он стал в 1689-м. А закончил полк свою историю в марте 1918-го под названием 8-й Московский гренадерский великолепного герцога Мекленбург-Шверинского.

Здесь же, на берегу Лефортовской слободы, замышлялись не только казармы и гарнизоны, но и резиденции русской знати и самой императорской фамилии. Объяснение простое: друг, сподвижник и наставник Петра I швейцарец Франц Лефорт поселился в Немецкой слободе, что возникла еще при Иване Грозном после Ливонской войны на правом берегу скромной речки. Там, где сейчас доминирует комплекс зданий Бауманского технического

Гrot Растрелли на Крестовом пруду Лефортовского парка

университета, более известного как Бауманское училище. Дом Лефорта стоял как раз на берегу Яузы. А уже в 1698 году на его месте на средства самого царя был построен каменный дворец, ставший его неофициальной резиденцией. Вскоре Лефорт умер. Но Петр Алексеевич к этому месту не охладел. Наоборот, развернул серьезное строительство, только теперь уже на другом берегу реки. Кстати, любопытно – как эти факты корреспондируются с расхожим штампом о том, что царь Москву сильно не любил, потому и стремился увести всю придворную жизнь в новую столицу, на Неву?

Судите сами. В 1701 году другой его сподвижник, первый кавалер ордена Андрея Первозванного Федор Головин, выкупает по приказу царя земли вдоль берега Яузы, аккурат напротив Лефортовского дворца, и строит там резиденцию. В 1703 году вокруг Головинского дворца разбивается огромный парк по образу парижского Версаля. В 1706–1707 годах опять-таки по прямому распоряжению Петра в Лефортовской слободе возводится здание «Военной гошпитали». Делами заправляет личный медик царя голландец

Бидлоу (Бидлоо). В 1721-м, когда под Петербургом уже возник Петергоф, государь поручает тому же Бидлоу усовершенствовать Головинский парк, снабдив его фонтанами, прудами, мостиками и прочими чудесами.

Стойкий интерес к этим местам проявляли и следующие правители России вплоть до Павла I. Малолетний царь Петр II попросту поселился в Лефортовском дворце. А на противоположном, левом берегу в Головинском дворце обреталось семейство князей Долгоруких. Тут же, в Лефортове, Петр II обручился с княжной Долгорукой, тут же и скончался скоропостижно.

Анна Иоанновна провела здесь бурные дни после коронации в Московском Кремле. Она же распорядилась возвести два дворца: летний и зимний. Под общим названием «Анненгоф». И тот, и другой строил сам Растрэлли в 1730–1731 годах. Характерно, что оба Анненгофа носили официальное название «Дворцы увеселений». Одним из главных увеселений помимо привычных застолий, танцев и фейерверков стал «театр». Давали, в частности, «Гисторию о Калеандре, цесаревиче греческом».

...От былого паркового великолепия мало что сохранилось. Пруды ныне обмелели, и купаться в них запрещено. Вот они – характерные таблички с перечеркнутым ныряльщиком. Зимой из действующих в будни объектов соцкультбыта радует блинная, что в двух шагах от ротонды с бюстом Петра. Блины, между прочим, не магазинные. Пекут на ваших глазах. Но тепло только самой мастерице внутри у плиты. Едоков подирает ветерок под ненавязчивым тентом. И то хорошо. Каких-то пять лет назад и этого не было. Еще не лес, но уже и не парк. Нынче стоят декоративные лавочки, благодаря табличкам можно узнать, что вот перед тобой Гrot Растрэлли, а вот – Плотина Венеры.

В конце парка с советских времен сохранились стадиончик и спортцентр, принадлежавшие когда-то СК Московского военного округа. Но их вид явно не соответствует требованиям Международного олимпийского комитета.

Сгинул и Головинский дворец, и оба Анненгофа. На месте зимнего проходит Красноказарменная улица, а вот по поводу деревянного летнего можно

Колоннада Екатерининского дворца. Из этих дверей выходили в офицеры московские кадеты

не расстраиваться. Там, где стоял дворец Анны Иоанновны, в конце XVIII века был построен великолепный дворец Екатерины Великой. Возводили его Ринальди (проект), Бланк и Кваренги. Дворец стоит до сих пор, являясь одним из крупнейших московских сооружений такого типа. Особенно хороша темно-серая могучая колоннада между красноватых стен. И это несмотря на то, что в 1812-м его пытались спалить французы, а в 1917-м расстреливали из орудий большевики.

Правда, сказать, что Екатерининский дворец свеж и бодр – нельзя. Годы берут свое, здание десятилетиями по распоряжению Павла I служило весьма энергичным хозяевам – Московскому гарнизонному полку, 2-му Московскому кадетскому Екатерины Великой корпусу, в советское время – Бронетанковой академии. А нынешние не менее беспокойные хозяева – Общевойсковая академия МО – вряд ли в силах организовать восстановительные процедуры архитектурного спа.

Главный вход в главный военный госпиталь России. Та самая «Военная гошпиталь»

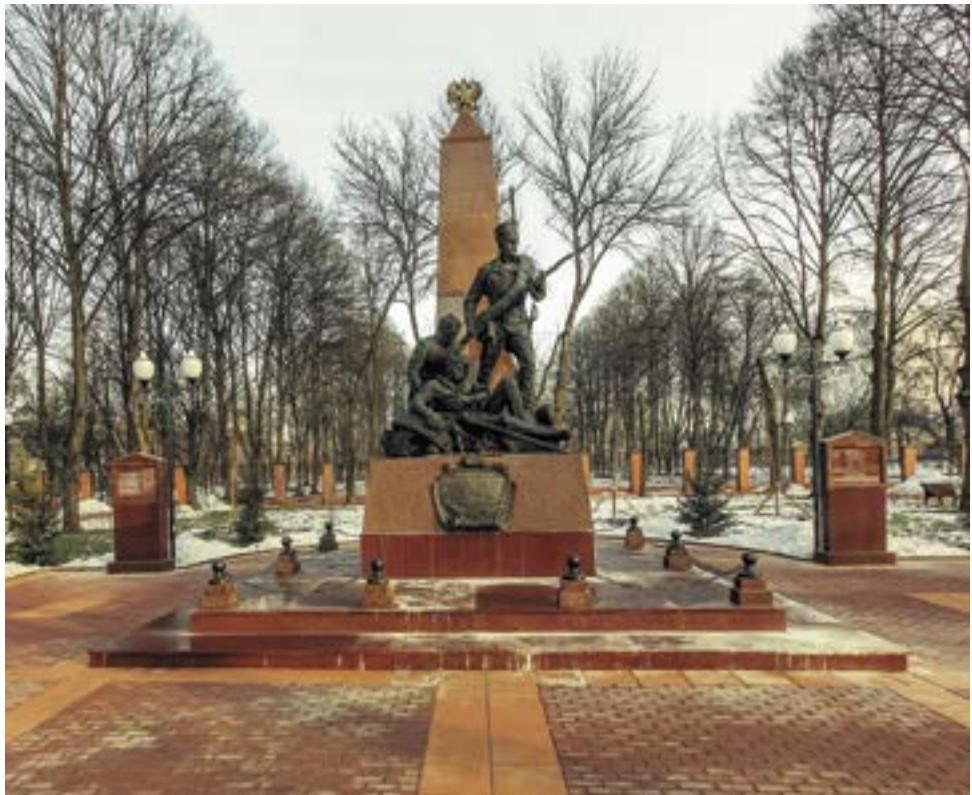
Лечебные корпуса Главного военного клинического госпиталя имени Н.Н. Бурденко

«ВОЕННАЯ ГОШПИТАЛЬ»

На портике главного здания так и вылеплено белым гипсом по желтой штукатурке: «Военная гошпиталь». Лепили, конечно, не при создателе солдатской больницы, Петре I, но тоже давненько – при его потомке Павле I, когда тот утвердил в 1797 году планы новых каменных корпусов. С той поры внешний вид фасадов уже не менялся. Если не считать советской символики и вывешенных над входом метровых копий советских же орденов.

Со стороны Солдатской (Петропавловской) улицы корпуса выглядят равнодушными. Огней в огромных окнах особо не видать. Главный вход не работает, и видно, что массивные дверные ручки давно не прошибали. Редкий прохожий простоят каблуками в сторону Госпитального моста через Яузу. Или дама с коляской проследует к задним воротцам Головинского парка. Иное дело – рабочий вход со стороны Госпитального Вала. Тут всегда много людей. Кто-то рвется на территорию, кто-то ждет назначенного часа, кто-то ищет глазами потерявшийся трамвай. Петровская «Гошпиталь» так и осталась солдатским

госпиталем. Ныне это – Главный военный клинический госпиталь имени Н.Н. Бурденко. История Госпиталя Бурденко – это тема для отдельного материала. В нем нашлось бы место для описания пожаров и чумной эпидемии, для фамилий великих медиков, работавших здесь, в том числе Склифосовского и Пирогова, для рассказа о раненых всех больших войн, что вели империя и Союз в последние три века. Ведь первых больных «Гошпиталь» принял еще в 1707 году.

Сюда, на Госпитальный Вал, до сих пор привозят раненых и больных солдат и офицеров. Именно сюда в 1995-м доставили командующего Объединенной группировкой войск в Чечне генерал-полковника Анатолия Романова, чей автомобиль подорвался на фугасе в тоннеле под грозненской площадью Минутка. Врачи госпиталя спасли генералу жизнь и 13 лет ухаживали за находящимся в коме Анатолием Александровичем.

Напротив рабочего входа – Госпитальный сквер. Вернее, он так назывался до прошлогод-

ней осени. С сентября 2013-го здесь теперь Мемориально-парковый комплекс «Героям Отечественной войны 1812 года». Звучит, конечно, избыточно. Поэтому как сквер, он и есть сквер. Добавилась красивая кованая решетка и памятник русским солдатам. Но суть, разумеется, не в названии. Здорово, что появился. И что добавились. И что именно здесь – у петровской «Военной гошпитали», где лечились, вылечивались или умирали герои 1812 года.

Те, что умирали, легли навечно в землю недалече: на Введенском кладбище Лефортова. А отпевали их – в солдатском храме Петра и Павла, что наискосок от госпиталя, на той же Солдатской улице.

ХРАМ И ПОГОСТ

Если строго по логике, то сначала в церковь, а уж потом на Введенское. Но вышло иначе.

Это кладбище возникло в 1771 году. Как раз тогда, когда ворвалась в Первопрестольную ее величество Чума. Второе его название – Немецкое. Оно и понятно, хоронили здесь в XVIII–XIX веках лютеран и католи-

Бронзовые герои
Отечественной
войны 1812 года
в новом
Мемориально-
парковом
комплексе

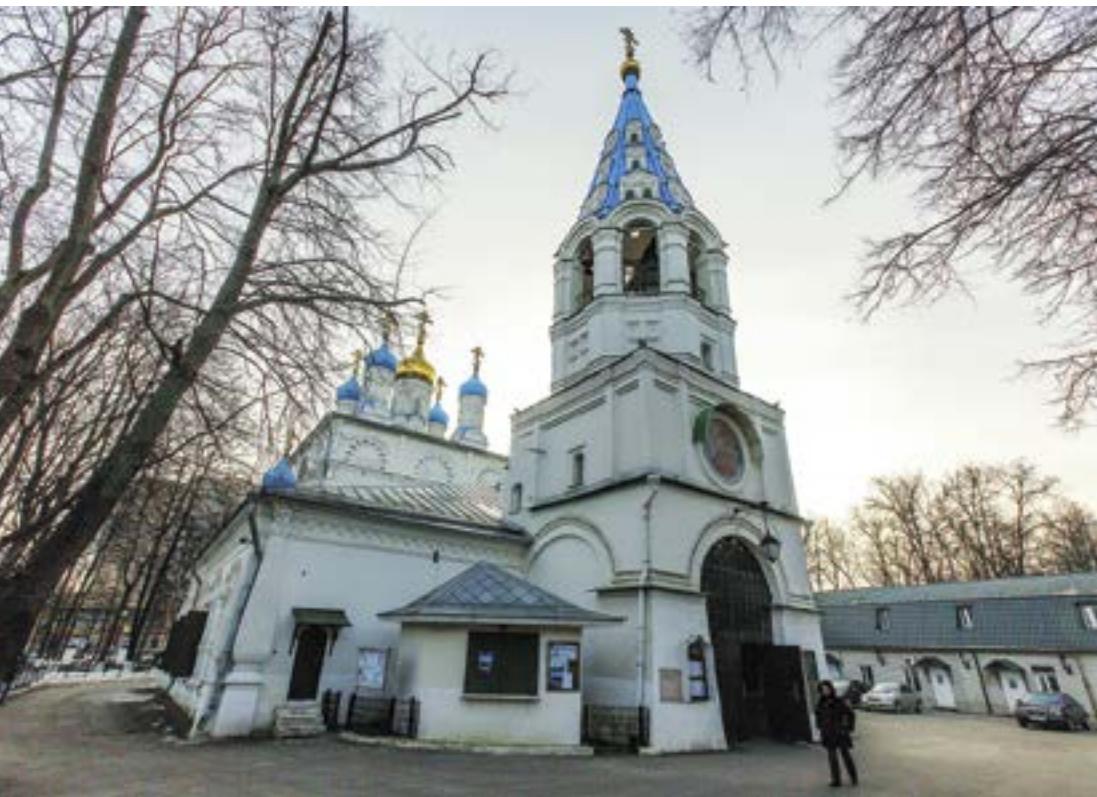
ков, проживавших в Немецкой слободе. Православные могилы – преимущественно воинские, госпитальные. В XX веке правила изменили. Что в безбожный век вполне объяснимо. Москвичи привыкли, что лучшие люди города и страны находят упокоение на Новодевичьем и Ваганьковском. А было время – и в Кремлевской стене. По этой причине немногие знают, что Введенское кладбище сохранило память о многих выдающихся соотечественниках. И не только – о соотечественниках. Здесь наряду с нашими подданными покоятся летчики эскадрильи «Нормандия – Неман» и французские солдаты, умершие от ран во время Отечественной войны 1812 года. Это вообще единственное кладбище в Москве, где есть земля, принадлежащая французскому государству. Лежит в земле Немецкого кладбища еще один француз, к военному делу отношения не имевший, но вошедший в историю нашей страны и невольно поминаемый миллионами русских в новогоднюю ночь, – повар Люсиен Оливье, державший когда-то в столице знаменитый ресторан «Эрмитаж» и создавший еще более знаменитый рецепт салата, носящего его имя.

Ну а что наши? Наверное, понятнее списком, без комментариев.

Художники Виктор и Аполлинарий Васнецовы, писатель Михаил Пришвин, историк искусства Ираклий Андронников, книгоиздатель Иван Сытин, авиакосмический конструктор Павел Цыбин, журналист Алексей Аджубей, оперная певица Мария Максакова, балерина Ольга Лепешинская, актрисы Татьяна Пельцер, Лидия Смирнова, Рина Зеленая, кинорежиссер Юрий Озеров и его брат, спортивный комментатор Николай Озеров, актеры Анатолий Кторов, Михаил Казаков, Геннадий Бортников...

А еще – 54 Героя Советского Союза.

А еще – сподвижник Петра I генерал Патрик Гордон, чей прах

был перезахоронен тут в XIX веке. Бытует и такая полубыль-полулегенда. Сам Франц Лефорт лежит на Введенском. Вот только могилу его найти никак не выходит. Ибо исчезла она то ли в огне пожара 1812 года, то ли еще ранее, когда кладбище по приказу императрицы Елизаветы Петровны, мягко говоря, упразднили, дабы не мешало следовать царскому кортежу из Немецкой слободы. Кто ж теперь разберет?..

Серединка дня, и в храме Петра и Павла тихо. Место намоленное, здесь паства в достатке,

но в это время только матушки в приделах – приводят утварь в порядок после утренней службы. Интересуемся у одной, где настоятель, дабы испросить разрешения фотографировать древний иконостас.

– Что ж припозднились-то, – в ответ спрашивает она, – мы 400-летие уже отметили. А вы только писать собрались... В этой церкви не приветствуется, ежели возраст храма исчисляют от 1711 года, когда царь Петр повелел заменить деревянные стены на каменные, дабы именно здесь окормляли ране-

Храм Святых апостолов Петра и Павла на Солдатской улице

Убранству Петропавловской церкви более трехсот лет

ных солдат из «Гошпитали». Отсылают к грамотам, доказывающим, что первый деревянный храм на этом месте освятили 5 мая 1613 года, и сделали это в присутствии царя Михаила Федоровича Романова. Правда, соглашаются, что тогда храм носил имя Николая Чудотворца, а Петропавловским стал в 1698 году, когда завершилась перестройка, затеянная Францем Лефортом. И первыми военными прихожанами были солдаты именно его, Лефортовского полка.

Батюшка – в трапезной. Разрешение дает охотно. Церковь у нас хоть и строга, но, чай, не армия.

* * *

И во времена Лефорта, и вплоть до XX века Энергетической улицы, на которую фасом выходит Лефортовская тюрьма, не было в помине. Все улицы обрывались сразу за Екатерининским дворцом, упираясь в Анненгофскую рощу. Когда в музыкальной школе появился класс шестиструнной гитары, Энергетическая уже была. Она лениво сползла вниз, к Бронетанковой академии, в которую превратился дворец. Машины по ней ездили редко. Ближе к концу марта, когда начинал таять придорожный снег, от музыкальной школы образовался довольно сильный ручей талой воды, бегущий по Энергетической вдоль бордюра. Мы пускали по ручью спички-кораблики, мчась за ними во всю прыть несколько сот метров и наблюдая, как они юрко минуют водовороты и торчащие кое-где осколки льда. Энергетическая впадала в Краснокурсантский, рядом с главным входом во дворец. А ручей впадал в огромную лужу, на дне которой водосток неправлялся с паводком. Спички кружили, кружили и все-таки исчезали в пучине.

Зато сколь многое сохранилось. Да, и тюрьма тоже. Но ведь и храм, и танк, и казармы, и парк, и госпиталь. И военная академия, оказавшаяся императорским дворцом. ■

ЗАБЫТЫЕ ЗАЩИТНИКИ

автор

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА

17 НЕПРИСТУПНЫХ КРЕПОСТЕЙ,
17 ИСКУССТВЕННЫХ ОСТРОВОВ,
ВОЗВЕДЕННЫХ В ФИНСКОМ ЗАЛИВЕ
ВОПРЕКИ ВРАГАМ И ПРИРОДЕ. ЧАСОВЫЕ,
ВЕКАМИ СТОЯВШИЕ НА СТРАЖЕ ПЕТЕРБУРГА
И НЕ ПУСКАВШИЕ В ГОРОД НЕЗВАНЫХ ГОСТЕЙ.
ФОРТЫ КРОНШТАДТА ЯВЛЯЮТСЯ НАСЛЕДИЕМ
ЮНЕСКО. ОНИ ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ ВСЕ ЕЩЕ
ВЕЛИЧЕСТВЕННОЕ, НО И ОЧЕНЬ ГРУСТНОЕ
ЗРЕЛИЩЕ: ЗАБРОШЕННЫЕ, ЗАГАЖЕННЫЕ,
РАЗРУШАЮЩИЕСЯ.

О КРОНШТАДТСКИХ фортах помнят только жители Кронштадта – даже многие петербуржцы смутно представляют себе, что это такое и где находится. Проезжая по дамбе с северной стороны, автомобилисты могут мимоходом обратить внимание на островки с полуразрушенными строениями – северные номерные форты, другие удивля-

ются, увидев с южной стороны дамбы закопченную и угрюю крепость, напоминающую французский форт Боярд. Молодежь наслышана о фортах исключительно благодаря элитной дискотеке Fortdance, проводившейся раз в год. Хотя достаточно сесть на экскурсионный кораблик от пристани Кронштадта, чтобы узнати героическую историю морских крепостей.

КЛЮЧ ОТ ВОРОТ ПЕТЕРБУРГА

В октябре 1703 года Петр I лично ходил на боте в море – исследовать отмель у южного берега острова Котлин.

– Природе было угодно, чтобы здесь проходил глубоководный фарватер, – рассказывает научный сотрудник Музея истории Кронштадта Евгений Кобчиков. – Этот путь был частью торгового пути «из варяг в греки». Именно в этом месте из-за отмели фарватер сужается до 500 метров, что при Петре I вполне соотносилось с дальностью стрельбы артиллерии. Именно поэтому здесь возникает первый форт, «Кроншлот» – в переводе с немецкого «коронный замок». Есть даже такая присказка: «Кронштадт – замок на воротах Петербурга, а ключ к тому замку – форт «Кроншлот».

Форт был построен вовремя – уже в 1704 и в 1705 годах шведские эскадры пытались захватить остров Котлин и вели артиллерийские обстрелы, но «ключик» от замка им пришелся не по зубам. «Кроншлот» стал первым из 17 фортов, построенным

Северный форт
«Тотлебен»
с высоты
птичьего полета

МАКСИМ СЛАВЕЦКИЙ

ных вокруг Кронштадта за последние два столетия – военная наука шагала вперед так быстро, что недавно построенная крепость через несколько лет уже нуждалась в модернизации и перестройке. Так появились форты «Цитадель», «Рисбэнк», затем, уже в начале XIX века, форт «Константин» и другие.

– Такого количества фортов, созданных на насыпных искусственных островах, нет нигде в мире, – говорит Евгений Кобчиков. – При возведении фортов применяли старинную русскую технологию: в основание острова клали ряжи. Ряжи – это срубы из бревен, диаметром 30–40 сантиметров. Их рубили зимой на льду, потом сталкивали в полынью и загружали валунами, чтобы они прочно встали на дно.

Сосновые бревна, из которых рубили ряжи, без доступа воздуха не подвержены гниению, а смола становилась прочной как камень. Сами форты строили из бревен и камней, но сильные осенние наводнения очень вредили защитным сооружениям. Так, после наводнения 1824 года, описанного в «Медном всадни-

ке», Кронштадт со всеми фортами буквально смыло в море. С тех пор форты перестроили в камне, учитывая осенние наводнения и весенние ледоходы.

В XIX веке форты по-прежнему стояли на страже Петербурга. Если в XVIII веке приходилось отбивать атаки шведов, то в новом столетии морской крепости Кронштадта угрожали противники по Восточной войне (1853–1856) – англичане и французы.

– Лишь однажды оборона кронштадтских фортов была прорвана, – объясняет Евгений Кобчиков. – Это случилось уже в XX веке, когда английские торпедные катера в 1919 году совершили диверсионную операцию. Они ночью тихонько прошли по северному фарватеру мимо северных фортов и атаковали наши корабли. Больше такого не повторялось, и в Великую Отечественную войну форты Кронштадта продолжали свою службу, сдерживая двойной налогоиск врага – десанты и налеты фашистов с оккупированного ими южного берега Финского залива и финнов – с северного берега.

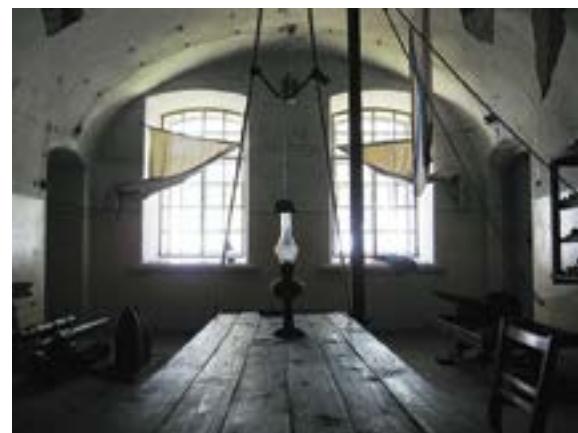
**Форт
«Александр I» –
двойник
форта Боярд
в Нормандии.
Здесь
разрабатывали
вакцину против
чумы**

**Жилые
помещения
«Тотлебена» –
казематы стали
вторым домом
для Владимира
Ткаченко**

РУССКИЙ БОЯРД

Своего рода визитной карточкой Кронштадтской крепости является форт «Александр I» – настоящий средневековый замок на воде, с узкими окошками-бойницами. У него есть несколько неофициальных названий, одно из которых «Русский Боярд». Хотя по справедливости следовало бы Боярд назвать «Французским Александром», потому что российский форт был построен на несколько лет раньше, да и по размеру был значительно больше.

– Толщина стен у основания Боярда – 2 метра, а у «Алексан-

ВЛАДИМИР ТКАЧЕНКО

дра» – 4, – говорит Евгений Кобчиков. – У Боярда было 71 орудие, а у «Александра» – больше сотни. Если Боярд строили более пятидесяти лет, то наш форт благодаря русской свайно-ряженой технологии построили за девять лет: остров заложили в 1836 году, а передача готового к обороны форта Военному министерству состоялась 27 июля 1845 года. Построен «Александр» был на совесть из специально отобранного кирпича, цокольные известняковые стены были облицованы гранитом. Строительство курировал сам император Николай I, он даже лично приезжал на форт с проверкой.

Впрочем, мощная крепость не сделала ни одного выстрела, а уже в 60-х годах, с появлением нарезного оружия, оказалась устаревшей. В 1896 году «Александра I» исключили из списка оборонительных сооружений, сделав складом военного имущества.

ЧУМНОЙ ФОРТ

Но неслучайно «Александр I» среди кронштадтцев зовется «Чумным». Двадцать лет – с 1898 по 1918 год – за прочными стенами в полнейшей изоляции форта производились эксперименты с вакциной против чумы.

– В XIX веке в России произошло 15 вспышек чумы, унесшей несколько миллионов жизней, – рассказывает доцент кафедры Военно-полевой терапии, врач и краевед Александр Першин. – Поэтому в 1897 году высочайшим указом была создана «Особая комиссия для предупреждения занесения чумной заразы и борьбы с нею в случае ее появления в России», или «Комочум». Сначала Особая комиссия располагалась на Крестовском острове, туда на лодках возили подопытных животных, в том числе и лошадей. Но Крестовский остров – излюбленное место прогулок, находится в черте Петербурга, поэтому лабораторию решено было перевезти на форт «Александр I».

Форт перестроили под нужды врачей – завалили бойни-

Коллеги у кровати выздоравливающего доктора Падлевского

ИЗ АРХИВА НИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ

цы камнями, сделали внутренние перегородки, построили уникальный лифт для подъема животных наверх в лабораторию. Внизу был создан крематорий – все отходы сжигались.

– Форт был идеальным местом для такой лаборатории, – говорит Александр Першин. – Во-первых, это бывший военный объект, и он хорошо охраняется. Во-вторых, залив – естественная преграда для любопытных и для инфекции. В-третьих, там много места для серьезной работы. Хотя штат Особой комиссии был невелик – три врача, 30 человек обслуживающего персонала, включая двух поваров и двух прачек.

Работы у врачей было много – они не только экспериментировали со штаммами возбудителей особо опасных инфекций (чумы, холеры, оспы), но и производили противочумную вакцину в промышленных масштабах, являясь ее поставщиками для всей Европы. На форт бесперебойно доставлялись подопытные животные – крысы, суслики, лошади,

даже верблюды. Чтобы чума не вырвалась из-под контроля, были заведены строгие меры безопасности: работать со штаммами возбудителей инфекций позволялось только в противочумных костюмах, закрывающих человека с головы до ног.

– К сожалению, врачи слишком долго находились рядом с чумой, они перестали чувствовать опасность, – рассказывает Александр Першин. – Потеряли бдительность. 28 декабря 1903 года заведующий лабораторией Владислав Турчинович-Выжникович работал с чумной массой, подвергая ее особой, им придуманной обработке. Что конкретно произошло в лаборатории – неизвестно, потом на полу нашли разбитую керамическую ступку. Сам Турчинович никому ничего не сообщил и уехал в Петербург (уже будучи зараженным). Еще 2 января он активно готовился к Пироговскому съезду, общался с людьми, а 3 января, вернувшись на форт, слег. Высокая температура, рвота, озноб – сам больной первым и догадался, с какой болезнью он имеет дело. 7 января Владислав Турчинович умер, прах его сожгли в крематории форта. Фельдшер Степан Поплавский, ухаживавший за больным коллегой, тоже заразился, но его удалось вылечить с помощью противочумной вакцины.

Чудо, что заведующий Особой комиссией не заразил никого во время своего пребывания в Петербурге, ведь тогда бы разразилась страшная эпидемия.

Так выглядели противочумные костюмы

ИЗ АРХИВА НИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ

Турчинович – не единственная жертва Чумного форта. 12 февраля 1907 года доктор Шрайбер работал с чумной флорой, нарушил правила безопасности и заразился. Повторив ошибку своего погибшего начальника, Шрайбер никому ничего не сказал и на следующий день отправился в Кронштадт. И во второй раз высшие силы были милостивы – никто не заразился. 14 февраля болезнь проявилась, а 17 февраля доктор Шрайбер умер. Через три дня заболел ухаживавший за ним доктор Падлевский, но его удалось спасти.

После революции Особая лаборатория была расформирована, «Александр I» вернулся в военное ведомство.

Самый первый форт – «Кроншлот». Сейчас тут станция размагничивания кораблей, на которой давно ничего не размагничивают

Боевая улица
«Тотлебена»

ОСКОЛКИ КИРПИЧЕЙ ПАДАЛИ С НЕБА

XX век нельзя назвать счастливым для кронштадтских фортов. В 1923 году за одну ночь мощным взрывом был полностью уничтожен гигантский форт «Павел I» – он был в два раза больше, чем «Александр I». В крепости хранилось 420 морских мин, охраны на форту не было. Вечером к «Павлу» причалил баркас с линкора «Парижская коммуна» с матросами, желающими отдохнуть и искупаться. О том, что случилось дальше, историки спорят по сей день. По всей видимости, кто-то из матросов бросил зажженную японскую грелку (которыми солдаты согревались в окопах) в горловину мины. Повалил черный дым,

мина взорвалась и вызвала цепную реакцию. По свидетельствам очевидцев, взрыв был такой силы, что во всем Кронштадте вылетели стекла, а в Петергофе и Ораниенбауме с неба падали осколки кирпичей. Некоторые исследователи полагают, что гибель «Павла I» – не просто преступная халатность, но и намеренный саботаж. Как бы то ни было, от некогда мощного форта остались лишь руины и полуразрушенная лестничная башня. «Павел I» стал лишь первой жертвой. Выстояв в Великую Отечественную войну, не дав врагам подойти к Ленинграду, уже к концу 50-х годов форты Кронштадта, эти верные каменные часовые города, оказались не нужны. Выпущенный в 1958 году приказ Хрущева о ликвидации Кронштадтской крепости подвел итог развитию фортификационных сооружений в Финском заливе. Военные ушли практически со всех фортов, бросив их на произвол судьбы. – Форты отдали на откуп «диким» туристам и грабителям, – с болью говорит Владимир Ткаченко, петербургский художник и автор книг по истории фортификации. – Надругательствам не было конца. В подвальные помещения форта 4-го Северного «Зверев» корабли, идущие на ремонт, сливали мазут. Потом дураки-мальчишки мазут умудрились поджечь, форт горел четыре дня. Там была такая температура, что кирпич оплавился, превратившись в стекло.

ВЛАДИМИР ТКАЧЕНКО

ВЛАДИМИР ТКАЧЕНКО

А ведь это было здание невероятной красоты, в стиле русского петербургского классицизма. Ароочный вход был отделан гранитом, украшен двуглавым орлом. На Южном форте «Милютин» тоже жгли мазут. Везде поработал «Вторчермет», собирающий металлом, тоннами вывозились чугунные перила, двери, уникальные конструкции пускались под пресс. А потом все форты загадили и превратили в помойки. Владимир Ткаченко не скupится на крепкие слова, рассказывая про тех, кто участвовал в разграблении фортов. Он имеет на это право: художник 25 лет является хранителем Северного форта «Тотлебен». Форт, второй по величине среди всех кронштадтских фортов (крупнее – только его сосед «Обручев»), был передан Военному ведомству в 1913 году. Он отвечал всем военным требованиям того времени и надежно защищал северный фарватер от возможных врагов. Гарнизон на «Тотлебене» жил в комфортных условиях: была система опреснения и очистки воды, ливневая канализация, пекарня, аптека, даже церковь и синематограф.

– В молодости мы с другом ради интереса брали напрокат лодку и плавали по фортам, фотографировали их, обмеряли, делали

Пристань форта «Тотлебен», туманно. Пристань разрушается и требует ремонта

чертежи, – рассказывает Владимир Ткаченко. – Тогда мы еще не понимали, чем ценна наша работа: мы фиксировали все повреждения.

Когда в 1988 году на форту «Тотлебен» была создана база «Спецтранса», который по договору с городскими властями обязался привести форт в порядок и отреставрировать его, Владимир Ткаченко устроился туда начальником участка. Вряд ли он тогда предполагал, что станет единственным защитником «Тотлебена» на ближайшие 25 лет.

– Первые три месяца мы с сотрудниками «Спецтранса» просто расчищали эти авгиевы конюшни, чтобы сделать жилым хоть одно помещение, – вспоминает художник. – Ведь форт с 1966 года был брошен на растерзание «дикому» туристи, поэтому казематы были завалены мусором, стены расписаны бранными словами. Мы вставляли окна, двери, починили печку. Влажность там была стопроцентная. Я потом уже расспрашивал старожилов, они говорят, что военные, уходя с форта, оставили там все: дизель-генераторы, койки, умывальники, раковины... Причем все старинное, с царского времени, бронзоведное. Разворовали за первые три года. Потом при-

шли искатели металлом из «Вторчермета» и стали резать броневые двери, поручни лестниц, оградительные решетки по фасаду... А все это отливали специально для «Тотлебена» на петербургском заводе Сан-Галли, которого уже не существует.

ХРАНИТЕЛЬ «ТОТЛЕБЕНА»

Планам восстановления форта «Тотлебен» помешал развал Советского Союза: несущим вахту на «Тотлебене» перестали платить зарплату, завозить дрова и обеспечивать транспортом. Ни о какой реставрации речи уже не шло.

– Естественно, люди разбежались кто куда, и в 1993 году на форту остался я один, – говорит Владимир Ткаченко. – Сейчас я понимаю, что это был чистой воды авантюризм, ведь у меня не было ни лодки, ни средств к существованию. Особенно тяжело было в ноябре и в марте, во время ледостава и ледохода, когда форт оказывался в блокаде. Единственные, кто мне помогали, – это друзья из рыболовецкого совхоза. Привозили на баркасах осенью дрова, мешок кускового сахара, мешок чая и вяленой рыбы. Сухари сушил на печке. Как-то две недели просидел вообще без хлеба. Воду питьевую тоже приходилось экономить.

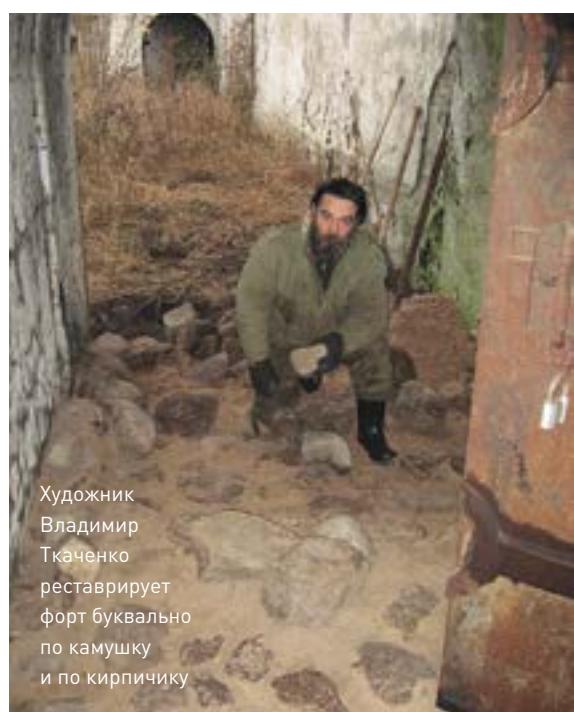
МАКСИМ СЛАВЕЦКИЙ

Почему Владимир Ткаченко не бросил это безумное предприятие и остался на «Тотлебене», он объясняет просто:
— Во-первых, я по наивности надеялся, что этот жуткий период безвременя скоро кончится и просто надо продержаться какое-то время, сохранить сделанную на форту работу. Вы любили когда-нибудь? А вы могли бы любимого человека бросить в беде и убежать деньги зарабатывать? Вот и с фортом так: я просто полюбил его и понимал, что других защитников, кроме меня, у него сейчас нет. Мне каждый летний сезон приходилось отстаивать его с карабином в руках от мародеров и пьяных компаний. По мне даже дробью стреляли. Потом я стал действовать цивилизованными методами: приходил к высадившейся на форт компании, вежливо объяснял им, что «Тотлебен» является памятником архитектуры и наследием ЮНЕСКО. Если мои доводы впечатления на пьяниц не производили, то я молча уходил, записывая номер катера, который потом передавал в милицию. Но иногда люди попадались понимающие: как-то раз два бизнесмена даже мусор собирали на острове.

Макет
Кронштадтской
крепости
и островных
фортов времен
XIX века.
Находится
в Музее истории
Кронштадта

ФОРТЫ УХОДЯТ ПОД ВОДУ

В конце 90-х годов на подмогу одинокому хранителю «Тотлебена» пришло МЧС — они сделали на форту небольшую опорную базу. Пару раз бизнесмены — российские и иностранные — пытались взять форт в аренду, чтобы создать там туристический комплекс, но натыкались на бюрократию и заоблачные цены. Хотя есть среди кронштадтских фортов «счаст-

ВЛАДИМИР ТКАЧЕНКО

Художник
Владимир
Ткаченко
реставрирует
форт буквально
по камушку
и по кирпичику

ливцы», которым повезло обрести хозяев: например, форт «Константин» находится в аренде у одного из петербургских транспортных предприятий, они восстанавливают его и хотят создать здесь музей.

— Форт «Александр I» теперь взяло на себя Управление делами президента, — рассказывает Владимир Ткаченко. — У них в планах отреставрировать форт и сделать его местом приема гостей, неким филиалом Константиновского дворца. Правда, пока денег на это не выделено. Но его хотя бы охраняют и непускают посторонних.

У «Тотлебена» тоже может вскоре появиться хозяин — пока Владимир Ткаченко, боясь слазить, не говорит подробностей. Но художник считает, что руками частных лиц форты Кронштадта не спасти — слишком большие и долгосрочные нужны инвестиции.

— Мародеры — это лишь комарные укусы по сравнению с теми повреждениями, которые наносят фортам стихия, осенние штормы, подвижки льда, — говорит он. — Все пристани в аварийном состоянии, волноломы повреждены, стены подмывают. Мы примерно прикинули: чтобы «Тотлебен» не «разъезжался» дальше, нужно порядка 4 миллиардов рублей. И это только начало! А умножьте эти затраты еще на 17 требующих ремонта островов... По моему глубокому убеждению, реставрировать нужно все форты в комплексе, чтобы сохранить Кронштадтскую крепость целиком, а не отдельные ее осколки. Такое под силу только государству. Но нашему государству сейчас нет дела до восстановления памятников истории — да и о каких фортах можно говорить, когда у нас нищенские пенсии, медицина в плачевном состоянии? Остается только надеяться, что через какое-то время ситуация изменится. Хотя форты могут и не дождаться этих изменений — с каждым годом разрушения становятся все непоправимее, а сумма на их реставрацию все растет... ●

СОЗВЕЗДИЕ «ОРИОНА»

АВТОР

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАНОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

СЛИШКОМ МНОГОЕ НАДО РАССКАЗАТЬ, ЧТОБЫ ГЛАВНОЕ СТАЛО ПОНЯТНЫМ. НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ БЕЗ ПРЕДЫСТОРИИ. ИБО ЧЕЛОВЕК МНОГОГРАНЕН, И О ВОСПИТАНИИ ПОЛНОЦЕННОГО ЧЕЛОВЕКА НЕ СКАЖЕШЬ В ДВУХ СЛОВАХ. ТЕМ БОЛЕЕ ЕСЛИ РЕЧЬ ИДЕТ О ДЕТЕЯХ НОВОГО ВРЕМЕНИ – НАШИХ С ВАМИ ДЕТЕЯХ.

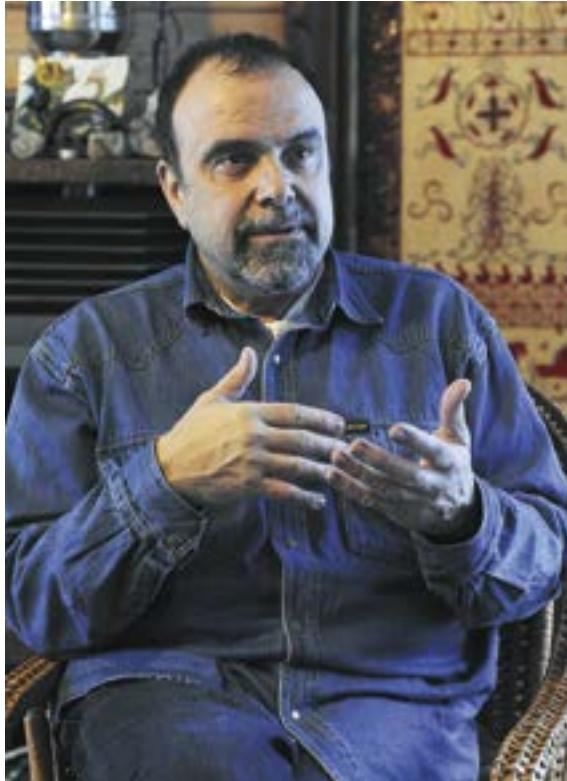
СВЯТОСЛАВ ЕЩЕ НЕ родился, когда его отец, Дмитрий Морозов, основал «Китеж». Сейчас начало 90-х, когда на краю леса у деревни Чумазово Калужской области в строительном вагончике поселилось восемь человек, кажется почти былинным временем. Телогрейки, спанье вповалку, овсянка изо дня в день – и Мечта. Почти безумная в эпоху становления «дикого капитализма» – построить «идеальный город» для детей-сирот и их приемных ро-

дителей. Тогда еще ничего не было: ни правительственной программы поддержки приемных семей, ни соответствующих статей госбюджета, ни опыта никакого, ни-чего. Только дух носился над расчищенной под «город будущего» лесной поляной: идея о том, что брошенных детей – наше обреченное будущее – надо спасать. Теперь Дмитрий Морозов – признанный педагог, его книга «Техника безопасности для родителей детей нового времени» давно стала классикой и библио-

графической редкостью. Сам он – кавалер ордена Почета. И о «Китеже» – как о месте, где с детьми буквально происходят чудеса, – сегодня знают, кажется, все: от лиц в правительстве РФ и губернатора Калужской области до студентов педагогических вузов и родителей, которые бросаются сюда с последней надеждой, когда кажется, что контакт с собственным ребенком утрачен навсегда...

Когда я приехал в «Китеж» семь лет назад, система только-только обрела завершенную форму и заработала без сбоев: появилось достаточное количество людей – не только приемных родителей, но и молодых педагогов, психологов, готовых все свое время, все свои таланты, всю свою душу отдать детям. Это было удивительное сообщество единомышленников. Никогда – ни прежде, ни потом – я не встречал сразу столько светлых и по-настоящему талантливых людей. Их было мало. Может,

только один из тысячи выпускников педагогических вузов страны приезжал сюда и пробовал работать. Из ста приехавших оставался один. Но так – буквально по крупицам, как золотой песок, – собрался коллектив с уникальными возможностями. Ибо «Китех» – это не просто два десятка домов, школа и столовая – это прежде всего насыщенная среда общения, «развивающая среда», призванная подготовить ребенка – не важно, домашнего или детдомовского, важно, что давным-давно «закрывшегося», выстроившего семью этажей иллюзий и десять рубежей обороны против агрессивного и опасного мира взрослых, – к встрече с реальностью. Ибо искусственные условия детдомов на реальность не похожи. Потому-то большинство детдомовских детей и «гибнет» при встрече с реальным миром. Их никто не научил простейшим вещам – что в реальности больше не будет нянечки и обязательного трехразового питания и чтобы жить, нужно работать, а для работы нужно упорство, а чтобы получить, нужно сначала отдать, и если ты хочешь быть любимым – надо учиться любить... Тогда, семь лет назад, система постепенно становилась все более автономным от своего создателя коллективным опытом – все больше молодежи вносило вклад в ее развитие – и уверенно воспроизводила положительный результат: дети «Китеха» стали поступать в институты! Появилась потребность в новом развитии. Помню, мы с Дмитрием заехали в только что заложенный поселок «Орион» – тогда в нем был построен всего один главный дом, который еще пах сырым цементом. Мы стояли под куполом высокого зала, и Дмитрий говорил о том, что мечтал бы создать в «Орионе», расположенному ближе к Москве, своего рода «стартовую площадку» для прыжка особо одаренных детей в «большой мир». Он видел здесь лицей, центр по проведению ролевых игр и тренингов для родителей, мастерские...

НАЧАЛО НОВОГО МИРА: МАША

Дмитрий не любит жесткого планирования. Органическое развитие ему ближе. Поэтому он и не сожалеет о том, что мечты его исполнились не так, как он тогда их намечтал. В реальности произошло совсем другое: в «Китехе» из детей выросли первые взрослые, 18-летние. Там были и дети самих китежан, и бывшие детдомовцы – в «Китехе» они живут и воспитываются вместе. И надо было выпустить их в мир. Это было почти

Дмитрий
Морозов,
основатель
«Китеха»
и «Ориона»

«Орион»
пустеет на время
занятий

легендарное теперь поколение «первых наставников». Помимо приемных родителей у каждого ученика в «Китехе» есть еще старший друг-наставник. И от наставников во многом зависит жизнь сообщества. Поэтому на последок Дмитрий предложил им помечтать: чего они хотят? Какой мир хотят построить? Отдал им на время управление «Китехом». И в результате они решили попробовать создать свой мир в «Орионе». Из девятерых восемь человек потом все-таки уехали в «большой мир». А Маша осталась. И стала-таки строить свой. Было ей тогда 20 лет.

В истории каждого поселения, даже дачного поселка, есть свои героические страницы. Есть они и в «Орионе»: готовили на костре, таскали воду из колодца, валили лес, освоили все строительные специальности, о газе даже и не думали. Антон был смоленским предпринимателем, который решил создать «собственное» экопоселение. Захотел взглянуть на «Китех» и на «Орион». Попал на самый трудный период его становления. И понял, что «вкладываться» (его слово) надо сюда, «в людей»: тут гуще смыслы, тут выше цель. Трудности сблизили его с Машей, так появилась первая орионовская семья. Сейчас «Орион» – это комфортабельный поселок из десятка многокомнатных домов с фермой, столярной мастерской и цен-

тральным зданием, где находятся столовая, школа, актовый зал и библиотека.

Маша с Антоном живут во «Флагмане» – большом двухэтажном доме за школой. У них 11 детей: своя дочка, шестеро из детдомов и четверо «программных» – так называют ребят, попавших в неблагоприятную ситуацию дома и в школе и приехавших в «Орион» в рамках программы «возвращение домой». Почти у всех «программных» детей один и тот же диагноз, вернее, комплекс симптомов: «сороковой ученик в классе», «отсутствие интереса к учебе», «компьютерная зависимость», «полное отсутствие контакта с родителями».

Когда мы говорим о симптоме «сорокового ученика», мы не имеем в виду недавнее укрупнение школ, мы говорим о социальной роли. «Сороковой ученик» он и в классе с меньшим числом детей – последний, его «не спрашивают», его мнение неинтересно, поэтому и интереса к учебе у него давно нет. В школе он – аутсайдер, роль его в классе смешна и ничтожна.

Тем сильнее может быть желание самоутвердиться в мире компьютерного общения и игр. Запомнился рассказ о парне, которого привезли в «Орион» родители: тот начал играть в онлайн-игру, какую-то бродилку-стрелялку, вошел в виртуальную команду этой игры, и постепенно все его смыслы, все его общение, все возможные активности стали ограничиваться кругом этой игры. Школа отпала, секция отпала, друзья отпали. Под конец он проводил за компьютером 8 часов в день, до скончания знал все прохождения, знал европейские рейтинги участников игры, собирался ехать в Киев на конференцию друзей игры. И мечтал победить на международных соревнованиях и заработать «кучу денег». Когда родители попытались ограничить его увлечение, он начал их серьезно шантажировать: что он больше вообще

ничего не будет делать, он нормальный, у него все получается, а «ничего не понимающие» родители просто жестоко разрушают с таким трудом созданный им мир...

Трагедия ли это? Да, настоящая трагедия, не виртуальная. Родители «потеряли» сына, а попытавшись вернуть его, невольно стали разрушать тот пьедестал героя игры, который он долго для себя выстраивал.

Это – развернутая картина. Обычно письма родителей, столкнув-

Макс (в центре)
ведет обществово-
ведение

Трехлетняя
Сашенька –
самая младшая
в «Орионе»

шихся с отчуждением собственных детей, стереотипны: «Когда я прихожу с работы, ребенок меня не замечает, со мной не общается, перемещается по квартире от компьютера к холодильнику. Что мне делать?» В системе «Китеж» – «Орион» на этот вопрос принято отвечать так: «Обеспечить ситуацию, при которой ему придется вас заметить. То есть запереть холодильник или унести еду к соседям. И когда он, два-три раза подойдя к холодильнику, обнаружит, что еды там нет, у него появятся очень важные для развития вопросы: где взять еду или для чего нужны родители?»

Но обычно вопрос так просто не решается: у современных родителей часто нет времени (да и умения) заниматься детьми. Симптомы, которые двадцать лет назад однозначно описывались как «сиротские» (обделенность родительским вниманием, враждебное восприятие мира, в котором ребенок просто выживает, никому не веря и никого не любя), сегодня сплошь и рядом встречаются даже в очень обеспеченных семьях. И получается, деньги есть, а семья несчастлива, есть энергия и юношеский « завод», но учиться ребенок не хочет и – вот беда – не благодарен родителям. Что противопоставить этому?

Реальность. Как показывает опыт, реальность интереснее и многограннее любой виртуальной игры, и дети это в конце концов понимают. Начинают ценить реальные достижения, реальные отношения, то место, которое они реально занимают среди сверстников. Непросто добиться этого, непросто показать жизнь в «обыкновенной реальности» как захватывающий и драматический процесс непрерывного становления человека.

Репетиция спектакля «Убить дракона»

Чуткие зрители

ШАГИ К РЕАЛЬНОСТИ: МАКС

Максим Аникеев, директор Китежской школы, приехал в «Орион» с группой старшеклассников, подготовивших к Новому году спектакль по пьесе Евгения Шварца «Дракон». Когда-то, окончив Тульский пединститут, он написал интересную кандидатскую диссертацию о младших школьниках (от 7 до 10 лет). В этом возрасте информация о мире воспринимается детьми на эмоциональном уровне и «на доверии»; и если родители или ба-

ушки-дедушки таким доверием обладают, они могут легко вкладывать в сознание детей/внуков понятия о добре и зле и вообще обо всем круге понятий, связанных с нравственным идеалом, – тогда такая информация легко и естественно ложится в фундамент личности. А если этого не происходит – доверием ребенка обязательно воспользуется кто-то другой: это может быть и виртуальный супергерой, и антигерой с улицы.

Мне очень понравился Макс; он не без иронии рассказал о своем юношеском желании стать светилом педагогики и о решении работать в «Китеже», и о том, что дало ему столкновение с миром реального детства, и о желании теперь, через двадцать лет, вплотить-таки в жизнь мечту своей молодости: создать в «Китеже» образовательный центр с кафедрой педагогики и педагогической лабораторией, где могли бы обучаться и работать с детьми студенты педвузов. От Макса исходила доброжелательная открытость, ясная уверенность в собственных силах, понимание, «что-и-зачем-я-делаю». В прошлом году в ежегодном конкурсе директоров школ Макс занял второе место по России. С таким «звездным» директором школы мне не приходилось еще сталкиваться. Захотелось непременно попасть на его урок.

По расписанию на третьем уроке у Макса было обществоведение для шестиклассников.

В большом зале на третьем этаже школы в кружок были составлены стулья, на которых сидели шесть или семь учеников. На полу лежали маты. Ни доски, ни учительского стола как такового не было. Урок протекал в форме свободной беседы. Темой его были малые социальные группы. Макс поспрашивал ребят, что они подразумевают под малой социальной группой, из всех ответов выбрал «трудовой коллектив», спросил, что определяет взаимодействие людей в коллективе (правильный ответ: отношения и правила), остановился на социальных ролях начальника и под-

чиненного и закончил тем, что довольно скоро каждому придется в такой коллектив вступить. То есть устроиться на работу.

Похоже, ребята не зря занимались обществоведением: по крайней мере, у них сразу возникли вопросы.

— А как это — устроиться на работу? — спросил самый бойкий из них. — Ты идешь по улице, видишь здание, заходишь и типа говоришь: «я буду с вами», да?

Следующая часть урока была посвящена тому, как выбирать работу, как составлять резюме о себе, как искать вакансии в Интернете, как проходить собеседование. Похоже было на то, что старший товарищ делится опытом с младшими. При этом Макс не прикладывал никаких специальных усилий к поддержанию дисциплины, просто он говорил действительно важные вещи:

— Перед тем как устроиться на работу, лучше посмотреть место, где ты собираешься работать, поговорить с начальником, присмотреться к тому, как люди общаются друг с другом. Доброжелательная ли обстановка. И только после этого внимательно прочитать трудовой договор... Вопрос карьерного роста очень волновал ребят: все дети видят себя преуспевающими, им важно, чтобы «начальники» не мешали.

— Я смотрел фильм, в котором девушка нанимается на работу, и ей мешает ее начальник. Но она в хороших отношениях с главой фирмы и тот помогает ей занять место вредного начальника...

Дети зашумели, сопереживая героине фильма. Макс помедлил. Я вспомнил одну его фразу: «Я работаю со своими реакциями, потому что я приемный родитель и понимаю, что около 70 процентов моих эмоциональных реакций — они спонтанны, ситуативны и очень часто опасны для ребенка, ибо протекают помимо моего сознания». Кажется, был как раз тот момент, когда он думал, как отреагировать на вопрос. Подыскивал верный тон.

— А как вообще, по-вашему, следует вести себя, когда воз-

Семейство Маши и Антона в сборе

никает конфликт с начальником? — спросил он наконец.

Выслушав ответы детей, он предложил свой:

— Принципиально всегда надо стоять за правду. Но если вы только что устроились на работу и начинаете критиковать начальника, вас, скорее всего, уволят. И даже если у вас прекрасные отношения с большим боссом, а с непосредственным шефом отношения испорчены, он постарается от вас избавиться. Кто скажет: почему?

— Потому что вы ему мешаете?

— Правильно. У вас нет еще достаточного трудового опыта, достаточного веса в коллективе. Вместо того чтобы сразу идти на конфликт, я бы на вашем месте поработал года два-три, чтобы такой опыт появился. Тогда и вес ваш в коллективе изменится. Тогда-то и уместно будет поговорить о том, что вас не устраивает...

— Но разве так честно? Разве это не двоедущие?

— Скорее, это имеет отношение к твоей программе минимум и программе максимум...

Я был поражен. Живо вспомнил свои уроки обществоведения: мы рассуждали об общественных классах, о Конституции, о структуре Верховного Совета СССР... Все это были абстракции! Никто никогда не объяснял мне, как устроиться на работу! И уж тем более — как выстраивать отношения с начальниками! Я бы, конечно, хотел, чтобы в свое время кто-то хотя бы раз поговорил со мною так, как Макс. Тогда моя жизнь, быть может, сложилась иначе. Я был отчаянным идеалистом. И знать не желал о реальности, каждую систему стараясь переделать «под себя». Но каждый раз убеждался, что система сильнее... Правда, в конце концов я все же стал тем, кем хотел. Но сколько шишек, сколько шрамов, сколько горестных утрат!

Саша и всеобщий любимец — Крафтик

ЗАЗЕМЛЕНИЕ: СЕРГЕЙ

В ежедневное расписание занятий в «Орионе» обязательно входит один час работы. В зимнее время это обычно несложная работа на ферме. «Откосить» от нее невозможно. Помню, как один из Машиных приемных детей пустился на хитрость: «А можно я за этот час все-все уберу в своей комнате?» – «Чтобы убраться, у тебя есть еще семь минут. А потом иди вместе со всеми. Не выдумывай».

Работа – это то, чем в любом случае придется заниматься в жиз-

ни. Эта истина должна войти в сознание ребенка как аксиома. Она не обсуждается. И лучший способ понять это – работать.

Сложить поленницу дров, перекидать на чердак привезенное сено. Обычно дети легко включаются в работу, превращая ее в соревнование или игру. Всю основную работу на ферме выполняют взрослые. Например, Сергей. Ему 32, у него в «Орионе» приемный сын, он заведует фермой, а заодно преподает в школе математику и информатику. Удивительное сочетание, прав-

Орионовская ферма

да? В обычной школе он мог бы преподавать математику, но где бы нашел ферму? А здесь он одновременно – и проводник в компьютерный мир, и магистр самой реальной, пахучей, осозаемой материи. Солома, навоз, шерсть животных, свежее молоко. Сергей дал мне бутылочку с коровьим молоком: покормить двухнедельного теленка. Никогда прежде не доводилось это делать. Незабываемое ощущение! Но ведь «реальность» включает в себя и это. Чтобы полюбить жизнь, воспринять ее со страстной толстовской любовью к нежности клейких весенних листочек, к бездонности синего неба и безмолвному величию старых дубов на закате, нужно, чтобы это чувство живой жизни вошло в тебя, впечаталось запахом сена, картиной морозного дня и лошади, запряженной в сани, нежностью к несмышленому кареглазому теленочку... Ферма в «Орионе» – это генератор эмоционально окрашенных, живых и тонких образов реальности.

Сергей рассказал любопытную вещь: если ребенок сильно разволнуется, начнет переживать и т.д., его частенько приводят прямиком на ферму. Потому что известно, дети необыкновенно чувствительны к животным. Слово «эмпатия» означает одновременно и «вчувствование», и «доверие». И вот, среди животных на ферме дети как-то быстро успокаиваются. А для некоторых детей с фермы и начинается главный процесс раскрытия личности. Был в «Орионе» мальчик Володя – он поначалу вообще все время проводил на ферме. С удовольствием работал, помещения, животных чистил. Здесь он впервые ощущил себя нужным. Более того – успешным. Сделал первый, самый главный шаг. А в «Орионе» так все устроено, что после первого шага тебя обязательно подведут ко второму, третьему и так далее.

РЕАЛЬНОСТЬ ПОДВИГА: САША

Нет детей, которые попадают в «Китеж» и «Орион» случайно. Но также нет здесь «случайных» взрослых. Саша после окончания Тимирязевской сельскохозяйственной академии искала свое призвание со всей страстью и бескомпромиссностью юной идеалистки: работала в совхозе, в школе, в детском конном театре и центре практической психологии, где познакомилась с Дмитрием Морозовым. Приехала в «Орион» и сразу поняла, что ничего чище и светлее она в своей жизни не видела. Сейчас ей 26, она – единственная в обществе, у кого нет приемных детей. Но сообществу она необходима не только как преподаватель алгебры, русского и английского, но и как талантливый организатор ролевых игр.

Наряду с тренингами и обучающими программами для родителей ролевые игры – фирменная марка «Ориона». Ролевая игра – это колоссальное мероприятие, которое продолжается несколько дней, а подготавливается несколько месяцев: прописываются сценарии, из-

Дмитрий:
урок истории
для старше-
классников

Слава с сыном
Тимофеем

готовляется атрибутика игры, приготавливаются спецэффекты, необходимые, когда речь заходит о волшебных трансформациях мира...

Вы, может быть, спросите: где логика? Как можно игрой вылечить от «игровой зависимости» или от незнания жизни? Но вспомните свое детство: все мы постигали мир, играя. Наши игры не уводили от жизни, они имитировали ее. Немудрено, что дети, «провалившиеся» в

компьютер, в поле ролевой игры адаптированы хуже всего: они не знают элементарных правил человеческого сообщества. Их поведение «списано» с виртуальных персонажей, которые своей суперпушкой просто «вырубают» всех. Но в реальной игре победа не достигается нажатием кнопки. Самая большая обида «компьютерных» может быть сформулирована так: «я пошел в бой, а меня ударили». Это настоящее открытие! В реальной игре даже орки не готовы подставиться и убиться только для того, чтобы потешить самолюбие недоросля. Как и в жизни, они сопротивляются! Чтобы их победить, нужно взаимодействовать с членами своей команды, которые тоже не готовы с первого взгляда считать тебя супергероем. Кто ты на самом деле, покажет игра.

Удивительна сила естественной жизни! Не было случая, чтобы кто-нибудь отказался играть в ролевую игру. Каждому хочется хоть одним глазком заглянуть за ширму реальности и узнать о себе: кто я такой на самом деле? Настоящая игра оказывается в сто раз интереснее и важнее компьютерной!

И результаты порой поражают не только участников игры и приезжающих на игру родителей, но и самих организаторов. Саша принимала участие в раз-

работке ролевых игр как для малышей, так и для старших школьников, где помимо силы, ловкости и сообразительности игроки должны задействовать весь свой духовный ресурс, потому что в конце концов именно от их правильного решения в ситуации морального выбора зависит победа.

Одна из самых красивых игр – «Романтика рыцарства». С одной стороны там воинство короля Артура и доброго волшебника Мерлина, с другой – команда претендующего на королевский трон мрачного самозванца Мордреда и злой колдуны Мэб. В финале игры Мордред при помощи злых чар одолевает Артура в решающей битве. Но Мерлин останавливает время. Останавливает только затем, чтобы дети из воинства Артура могли уйти. Как только время тронется вновь, меч Мордреда обрушится на голову Артура, а вслед за тем будет уничтожено все его воинство. Мерлин говорит детям, что это их единственный шанс спастись. Дети знают, что он добрый, что он желает им добра. И что же? На глазах у изумленных родителей все до единого отвечают, что они не покинут сво-

его короля, потому что иначе грош цена преданности и благородству, которым их учил сам Мерлин. И они остаются на поле боя. Остаются погибать.

Как правило, родители не могут пережить этот момент игры без слез. Некоторые до этого и не подозревали, к какому самоизвержению способны их дети! Ведь сценарий не жесткий. Свобода выбора оставлена участникам игры.

Ну а дальше – сюжет все-таки сказочный – Мерлин «включает» время, но оказывается, что решение детей пересилило злые чары Мэб и Мордред не в силах нанести Артуру смертельный удар. В растерянности он кричит Мэб: «Почему же ты не предупредила меня, что существует более сильная магия – магия дружбы, добра и благородства?!» Мордред настолько раздавлен поражением, что вручает свой меч Артуру и просит казнить его. На что Артур отвечает, что тот, кто способен признать свои ошибки, можно сказать, уже исправил их, и посвящает своего противника в рыцари. Взрослуому такой «хеппи-энд» может показаться чересчур приторным, но дети воспринимают его ликуя: ведь зло повержено их от-

В каждом доме
«Ориона» много
детей

вагой и благородством! Где еще они могут испытать на себе, что значит – стоять до последнего? И взаправду ощутить себя героями? А это так нужно для становления человека...

СПОСОБНОСТЬ ИЗМЕНЯТЬ ЖИЗНЬ: СЛАВА

Слава, 52 года, как раз попал в «Орион» после игры. Сначала отправил на игру сына, но тому так понравилось, что Слава сам решил посмотреть. И приехал в «Орион». Этого оказалось достаточно, чтобы его жизнь повернулась. Узнавание было ясным и безошибочным, как первая любовь. Он сразу решил здесь остаться. До этого Слава был резчиком по камню. Работал с камнем. Знал его. Был мастером. Его приглашали реставратором в Эрмитаж. Но стоило один раз окунуться в животворную атмосферу «Ориона», как он понял, что, работая наедине с камнем, всю жизнь был чем-то обделен. И сейчас он в «Орионе» волонтером. То есть добровольцем. Проходит испытательный срок. Бог даст, через год его примут в сообщество.

Сыну, Тимофею, в «Орионе» тоже нравится. У него нет проблем. Просто он с отцом.

Он, кстати, мне и сказал: а знаете, что здесь самое главное?

– ?

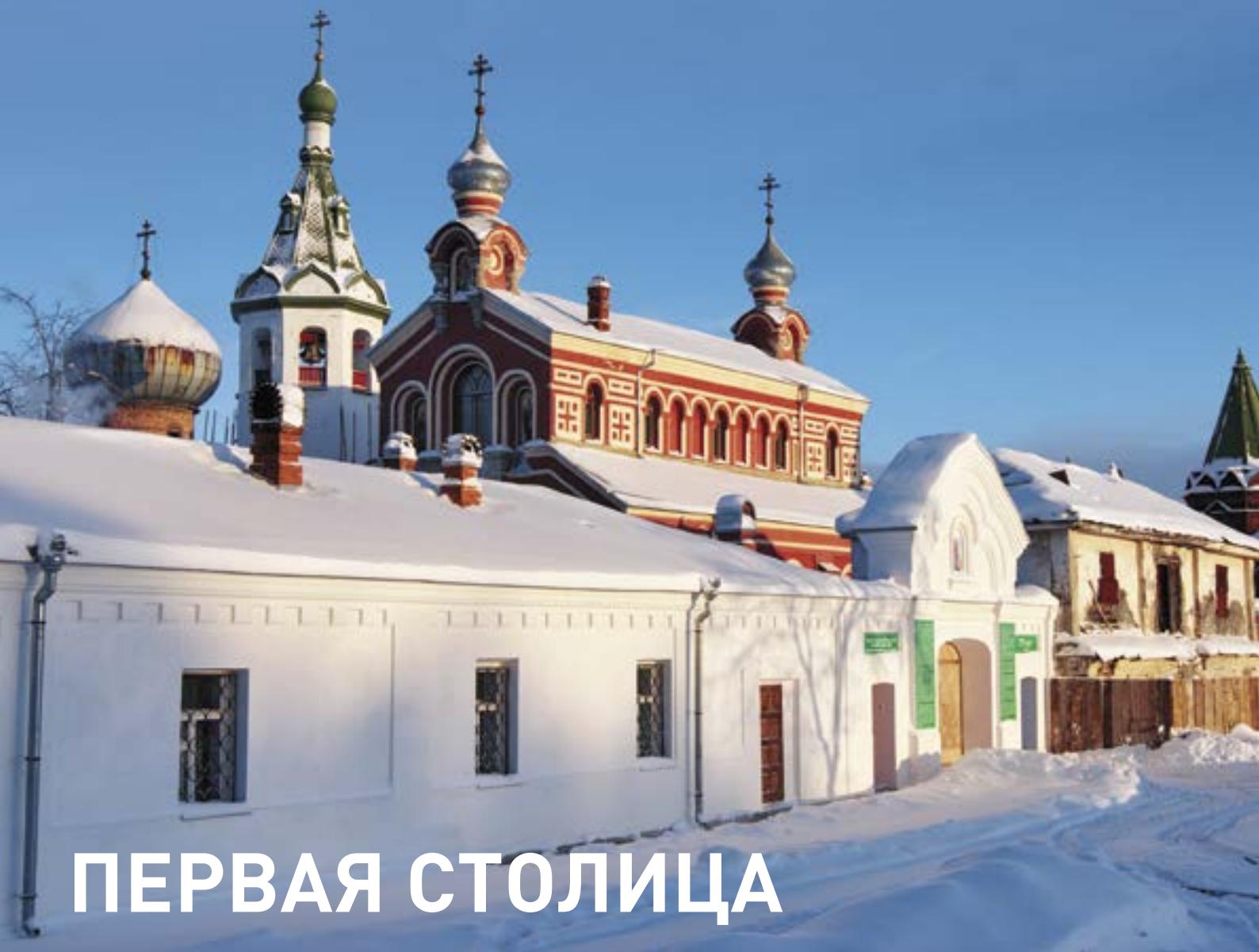
– Игра «Мы строим мир»...

«Мы строим мир» – основа внутренней, направленной на развитие энергетики «Ориона». Своего рода программа, поощряющая развитие от простого к сложному. В «Орионе» вообще много необычного и даже гениального. Новаторского. Но вот всепонимающим и глубоким делают его люди. Созвездие «Ориона». Несколько очень ярких, очень светлых людей. Все не названные здесь и названные: Святослав, Дмитрий, Маша, Макс, Сергей, Саша, Слава...

Помню, Максим мне сказал: вы, наверное, по стране много ездите. И как ощущение? Надежда есть?

Чтобы не выпадать из темы, я ответил:

– Пока вы есть – есть. ☺

ПЕРВАЯ СТОЛИЦА

АВТОР

ДЕНИС ТЕРЕНТЬЕВ

СЕГОДНЯ СТАРАЯ ЛАДОГА – ДЕРЕВНЯ НА РЕКЕ ВОЛХОВ В 130 КИЛОМЕТРАХ ОТ ПЕТЕРБУРГА – НЕ ВПИСЫВАЕТСЯ В ГЛАВНЫЕ ТУРИСТИЧЕСКИЕ МАРШРУТЫ РЕГИОНА. И СОВЕРШЕННО НАПРАСНО: ИПАТЬЕВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ НАСТАИВАЕТ, ЧТО ИМЕННО СЮДА ПРИГЛАСИЛИ КНЯЖИТЬ РЮРИКА, А НОВГОРОДСКАЯ УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО РЯДОМ С ЛАДОГОЙ ПРИНЯЛ «СМЕРТЬ ОТ КОНИ СВОЕГО» КНЯЗЬ ОЛЕГ. ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС СОВЕРШАЮТСЯ УНИКАЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ...

120

километров от Петера по Мурманскому шоссе – не шутка.

ка. А потом еще 10 километров по разбитой проселочной дороге. Туристических объектов вокруг Ладоги немного: в войну неподалеку шли ожесточенные бои – в частности, за Невский пятачок, – не пощадившие памятники истории. Древний Тихвин еще на 80 километров даль-

ше – вот и не слишком рвется сюда избалованный турист. Тридцать лет назад в Старой Ладоге восстановили из руин круглые крепостные башни. Некоторые историки морщатся: мол, не слишком достоверно получилось. Зато летом сюда потянулись реконструкторы, зазвенели мечи в потешных сражениях. Во время фестивалей у крепостных стен продают сделанную по старым образцам

одежду и утварь. Появились зачатки туристической инфраструктуры. Но люди серьезные пуще огня боятся обильного казенного финансирования, вслед за которым памятник истории может превратиться в очередной «диснейленд». По их мнению, именно сейчас Старая Ладога по-настоящему живет.

Хотя, как и во многих деревнях, здесь не слишком много молодежи. Зато старожилы знают древнюю историю не хуже иных экспертов.

– Экспедиции у нас тут с 1970-х годов копают, мы же следим за находками, иногда помогаем, – рассказывает Ирина Круглова. – Например, находят много лепной керамики. Как объяснили археологи, она стала вытесняться керамикой гончарной только после 930 года. А пахотный слой VII–VIII веков? Как вы думаете, это викинги здесь пахали? Или финны, которые, кроме мотыги, тогда ничего не знали? Здесь истоки нашей страны. Какая душа у Ладоги? Она

Староладожский
Свято-
Никольский
монастырь
строили
с оглядкой
на историю
древнего города

забытая. Сегодня она возрождается, потому что о ней начинают вспоминать.

Ирина Круглова работает кондуктором в автобусе, но подобные разговоры в этих краях можно услышать от любого: даже продавец сельпо сможет привести аргументы, доказывающие, что Ладога древнее Новгорода. Местные полагают, что только леность историков мешает внести исправления в учебники. А поэт Сергей Поликарпов, сам родом из Ладоги, писал о ней словно о первопричине, «откуда есть пошла Русская земля».

*В приозёрной моей деревне,
если строился новый дом,
долото на наречии древнем
разговаривало с топором.
Глухоманной поры наука.
Нищих дедов скупой удел...
Загустела в крови у внука
песня дедовских ладных дел.*

Про «ладные дела» красноречиво говорят и раскопки экспедиции Евгения Рябинина. В одной из своих работ выдающийся археолог, доктор исторических наук описывает ладожские находки: «Столовая посуда представлена 30 целыми и фрагментированными изделиями, из которых один предмет обнаружен в горизонте Е2 (840–860-е годы), 6 встречены в верхнем слое горизонта Е3 (800–830-е годы), остальные находки происходят из отложений второй половины VIII века. Токарные сосуды отмечены лишь в единичных случаях. Среди последних наибольший интерес представляют чаша из основания культурного слоя (750–760-е годы). Эта находка служит дополнительным подтверждением высказанного заключения о бытовании токарного станка в Ладоге со временем возникновения поселения – примерно за двести лет до появления станка в Восточной Европе и ранее его фиксируемого использования на землях западных славян, где древнейшие образцы токарной работы и следы токарного производства относятся к IX–X векам».

Чьи же это артефакты: славян, финно-угров или, может, викин-

гов-скандинавов? Не вызывает сомнения, что эти три культуры присутствовали на ладожских землях.

В 1980-е годы Рябинин обнаружил в Ладоге бронзовую фигурку скандинавского бога Одина середины VIII века и какое-то время предполагал, что город построил кто-то из ярлов. Но потом археолог нашел керамику кривичей того же периода. Возникла теория, будто славяне, финны и скандинавы появились здесь практически одновременно – в первой половине VIII века. Как такое возможно? Объяснение простое: менялись русла рек, и раньше здесь просто была вода. Место стратегически важное, вдобавок отступившая вода оставила после себя плодородные пойменные земли.

Получается, Ладога не только существовала за сто с лишним лет до Рюрика, но и имела высочайший для той поры уровень развития производства. Сам Рябинин по дендрохронологии (кольцам на спилах древних бревен. – Прим. авт.) отсчитывал историю города с 753 года. А в 1997 году археолог сделал еще одну находку: в 2 километрах от Ладоги откопал Любшансскую крепость, которую возвели и вовсе в VI–VII веках, около 700 года перестроив на каменном основании.

Находка дала рябининской теории новое развитие. Любша находится почти на 10 метров выше Ладоги, хотя и в менее удобном месте. Это лишь подтверждает версию: на месте летописной столицы еще разливался Волхов. Рябинин допускал, что в древности на месте Любши жили финно-угры. Однако все указывает на то, что крепость построили словене.

У Рябинина начала подтверждаться ранее критикуемая версия прихода словен на Ладогу с Дуная, Вислы и Немана. У них существовала высокая культура пахотного земледелия, которая могла возникнуть только в долинах плодородных рек и озер. Когда финны жгли лес, рыхлили слой золы бороной-суковаткой и

кидали в борозды зерна, словене пользовались сохой с железным лемехом. И главное – крепости в предгорьях Аллы очень похожи на Любшанскую.

Изначально крепостная стена Любши представляла собой глиняный вал высотой около 3 метров, укрепленный двумя каменными подпорками. На валу разместилась защитная деревянная надстройка – все вместе метров семь. По Волхову проходил путь «из варяг в греки», и строительство сильной крепости в устье реки оправданно. К X веку надобность в Любше отпала: по всей видимости, гидрологический режим в регионе продолжал меняться, реки пробивали новые русла, а Ладожское озеро понизило уровень и отступило к северу. Тем не менее открытие Любшанской крепости поставило под сомнение некоторые посылы древней истории России.

Поскольку присутствие славян, финнов и скандинавов на берегах Волхова еще до основания Новгорода бесспорно, возникает вопрос: кто был двигателем этой цивилизации? Похоже, что славяне.

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

Основой нашей древней истории остается «Повесть временных лет», написанная неизвестными летописцами (авторство одного лишь киевского монаха Нестора сомнительно) через две тысячи лет после призыва варягов. Вероятно, у документа существовали более древние источники, до нас не дошедшие. Как сказано в летописи, в 862 году старейшина словен Гостомысл варягов «изгнаша и дани не даша». Но уже через семь лет в отечестве началась междуусобица, пришло «позваша» правителя со стороны.

Кем был Рюрик и почему выбор пал на него? В летописи сказано лишь, что пришел он «из-за моря». Одни историки доказывают, что первый князь происходил из балтийских славян, другие полагают, что это был швед или датчанин. Или еще вер-

сия: Рюрик являлся сыном дочери Гостомысла, которую выдали замуж за кого-то из знатных скандинавов. Это даже логично: позвали внука признанного во�дя, человека своей крови, владевшего языком и не замешанного в местных конфликтах.

Кстати, археолога Евгения Рябинина в ангажированности никак не упрекнешь. Когда его экспедицию финансировала советская наука, он откопал в Ладоге фигурку Одина. А когда пошли европейские гранты, нашел явные следы присутствия здесь славян. К несчастью, в 2010 году Евгения Рябинина не стало. Многие из его открытых не описаны и не введены в научный оборот. Странно, что российские науки до сих пор не ухватилась за находки Рябинина – ведь там полно поводов для национальной гордости. По крайней мере, есть что изучать. Близ Ладоги найдены самая древняя крепость Восточной Европы и самый древний токарный станок. Возможно, когда-нибудь докажут, что этот станок – саксонский. Что викинги, например, привезли его сюда из западных набегов. Но пока есть весомые основания считать, что это часть культуры славян. И в точке соприкосновения со шведской и финской культурами они точно не выглядели слабым звеном.

ПЯТНА ИСТОРИИ

Скандинавские саги не раз упоминают древнюю русскую столицу Альдейтьюборг, как называли Ладогу викинги. Жена Ярослава Мудрого Ингигерд, шведка по происхождению, при крещении приняла имя Ирина и получила Ладогу в дар от мужа.

В Средние века город регулярно переходил от русских правителей к иностранным. В 1116 году ладожский посадник Павел заложил каменную крепость, которая полвека спустя выдержала штурм шведов, пришедших аж на 55 судах. Но в 1313 году шведы взяли крепость и сожгли. Через 25 лет русские отстроили

ИТАР-ТАСС

ее заново и выдержали новый штурм. Крепость постоянно перестраивали, при царе Алексее Михайловиче врагов поджидали уже пять мощных каменных башен. В 1701 году шведы в последний раз осаждали крепость, которая потеряла свое военное значение после основания Петербурга.

Петр Великий, видимо, ревновал Петербург к Ладоге. Возможно, поэтому в 1704 году он переименовал ее в Старую Ладогу, а в устье Волхова основал Новую... Как известно, Рюрик перенес столицу из Ладоги в Новгород, где после его смерти стал княжить Олег, опекун его малолетнего сына Игоря. Олег, по легенде, умер от укуса змеи. «Повесть временных лет» говорит, что князь принял смерть в Киеве, Новгородская первая летопись указывает на Ладогу. И там, и там есть «Олегова могила».

Любопытно, что соседняя с Ладогой деревенька Велеша возникла на месте Велесова святилища. В славянском пантеоне Велес (бог подводного и подземного мира) считался противником Перуна. До строительства Волховской ГЭС в 1930-е годы река в районе Ладоги изобиловала опасными порогами и считалась у язычников местом битвы Велеса и Перуна.

Волхвы учили, что у Велеса два спутника – змей и конь. Поэтому близ Велеси располагался сакральный языческий терраиум: здесь в конских черепах жили подвластные волхвам змеи. Не исключено, что князь Олег посещал эти места. И, возможно, здесь действительно произошел несчастный случай, позднее обросший фольклорными подробностями. Также возможно, что змея под копытами Медного всадника на Сенат-

Георгиевский собор на территории крепости восстанавливали по крупицам

ВАДИМ ШТИРК / GEOPHOTO

Никто из археологов точно не знает, на какую глубину уходит культурный слой этих мест

ской площади связана с мифом о Вещем Олеге: Фальконе хотел подчеркнуть, что основание Петербурга – не каприз царя Петра, а возвращение в точку развития. Хотя принято считать, что это – лишь отсыл к образу Георгия Победоносца.

КАМО ГРЯДЕШИ?

– А вы знаете, что такое «любаша»? – спрашивает юный экскурсовод Староладожской крепости Ольга. – Это такой напиток на травах, который пили Велесовы невесты. Каждый год князь бросал жребий, кого из девушек принесут в жертву – в омуте утопят. Любашу пили, чтобы нормально уйти, без нервов.

У стен крепости – непринужденная обстановка. Стайка бабушек на скамейке, не слишком строгий контроль билетов – можно и бесплатно пройти. В субботний день – ни одного автобуса на стоянке, зато есть полтора десятка машин с московскими и питерскими номерами.

– В год нас посещает около 130 тысяч человек, – говорит

директор Музея-заповедника «Старая Ладога» Людмила Губчевская. – Мы называем их не туристами, а экскурсантами: большинство приезжает на пару часов. Вопрос с гостиницами только начинает решаться. Мы с 2008 года вошли в федеральную целевую программу и получили 140 миллионов рублей на развитие. Будем стараться, чтобы Старая Ладога выглядела как исторический город. Это непросто – развивать инфраструктуру, но чтобы асфальтированные дороги и бетонные осветительные столбы не разрушили атмосферу памятника. План развития подразумевает открытие новых музеев, например на основе коллекции местного мецената Томилова, которая экспонируется в залах Русского музея и Эрмитажа.

Музейщики знают, что древние крепости в России могут быстро пройти путь от полного забвения до громкой известности и колossalных инвестиций. Вот у Изборска, например, двенадцать лет назад бюджет

составлял 1,5 миллиона рублей в год. На прошлогодний юбилей потратили 5 миллиардов – и результат понравился не всем искусствоведам. Старая Ладога в 2016 году отпразднует 900-летие закладки каменной крепости, и к планам обустройства надо относиться очень осторожно. Уже объявлено, что у крепости появится речной причал и вертолетная площадка. А местные жители обеспокоены планами застройки части территории древнего городища.

Долгие годы в первой столице работала экспедиция, собиравшая у спонсоров буквально по сто рублей. Выдающийся археолог Рябинин всю жизнь прожил в коммуналке на Петроградской стороне. Хочется верить, что это просто недоразумение. Несмотря на то, что историей Ладоги может гордиться любая нация, сотрудники Староладожского заповедника признают: приезжие скандинавы обычно знают о первой столице Руси больше, чем соотечественники. ●

УГОЛОК РУССКОГО МАСТЕРА

АВТОР

МИХАИЛ ТАРКОВСКИЙ [ФОТО АВТОРА]

КАК НИ ВЕЛИЧЕСТВЕННА СИБИРСКАЯ ПРИРОДА, НО ВОПИЮЩЕ НЕПОЛНА ОНА БЕЗ ТРУДОВОГО ЧЕЛОВЕКА, ЧЬЯ МОГУЧАЯ СПОСОБНОСТЬ ДЕЛАТЬ ВСЕ СВОИМИ РУКАМИ ДО СИХ ПОР ПОРАЖАЕТ ЧУТКИЕ ДУШИ. И ДО СИХ ПОР ДАЛЬНИЕ ПРОСТОРЫ СИБИРИ ОСТАЮТСЯ ЗАПАСНИКОМ, ЗАПОВЕДНИКОМ ТЕХ ТРАДИЦИЙ, КОТОРЫЕ БЫЛИ-КИПЕЛИ ПО ВСЕЙ РУСИ-МАТУШКЕ, ДА УТРАТИЛИСЬ ПОД НАТИСКОМ ВРЕМЕНИ.

ДОЛГИЕ СТОЛЕТИЯ СИбирская природа учила и коренного жителя, и русского первого проходца выживать среди таежного безлюдья или на берегу водной грозной стихии, морозной ли зимой или комарным летом. Учила великому ладу с тайгой и собственной душой, учила вере в собственные

силы и подчинению силам небесным и, конечно, доскональнейшему знанию окружающего мира. Не зная годового круга жизни дерева, не снимешь с березы бересты на туес или берестяные поплавки, не выберешь осину на долбленную лодку, елку на лыжи. Трудовое и прекрасное это ведение и по сей день питает душу спасительной пра-

вотой. Иначе не светилось бы лицо мастерового человека радостью, когда буквально чудо выходит из-под его рук и за несколько дней мерзлый осиновый ствол превращается в изящнейшее тонкостенное суденышко, на котором его хозяин отправится по весенным разводьям ставить сети и добывать долгожданную пролетную утку. Нынче ремесла уходят в прошлое, а житель Енисея становится все более искушенным в покупных товарах: и в технике, и в снаряжении. Изменилось так называемое качество жизни, труд рыбака и охотника облегчился, но цена этого облегчения настораживает – как не может не настороживать то, что в деревнях почти не остается коров и что крепчайший хозяин, выйдя из обшитой siding-ом избы и вскочив на канадский снегоход самой последней модели, едет в магазин, чтобы купить молоко в пакете. Слабеет зависимость от природы: если раньше охотник почти все делал своими руками и жил натуральным хозяйством, то теперь он уже подумает, держать ли скотину и потратить ли неделю на изготовление камусных лыж или купить заводские лыжи в городе. Будто по наскучившему учебнику человек глубинки на своей шкуре проходит ужатый курс трудовой истории от палки-копалки до навесных плугов. И каким бы банальным ни выглядел этот наболевший расклад, протестует и душа, и здравый смысл: деревня без коров или оленей – не деревня, охотник без универсальных навыков – не охотник. Каждая местность – будь то тундра, тайга или море – хороша самобытностью уклада, и именно калейдоскоп таких укладов и создает животворное полотно страны. Если точнее, уменьшилась бытовая зависимость от природы, но привязь осталась, и так же добывает промысловик соболя, так же рыбачат налима все жители Енисея. И конечно, не все предметы и навыки ушли в прошлое.

ВЕТКА

В енисейских поселках каждую весну слышен стук топоров и тёсел: идет старинное дело – долбление веток (долбленых лодок. – Прим. авт.). В прежние времена такие лодки делали во многих местах России. Называли их по-разному, но чаще всего – облас. На Енисее такой облас зовут веткой. Ветка необыкно-

венно легкая, ее можно спокойно тащить за носовую стяжку одной рукой по снегу ли, по кочкам из озера в озеро или взвалив на спину, засунуть на хранение под крышу избушки. Но главное – ты полностью независим от цивилизации, стынила-пропала ветка – сделаешь новую. Только что топоры нужны... А так... вот они, будущие

Обработка ветки
стружком

Тёсла и пятники

ветки, стоят оливковыми колоннами в свистящем на морозном ветру осиннике. Вековая способность видеть в березе топорище, а в кедровом корне упруг (шпангоут для штой, дощатой уже лодки. – Прим. авт.) и является главной творческой и хозяйствской силой истинного сибиряка.

Ветку обычно делают сибирской весной – когда еще снега по уши, но день удивительно длинный, аочные морозы в сочетании с дневным ярчайшим солнцем, оплавляющим снег, будто глазурь на пасхальном куличе, дают крепчайший наст, по которому хочешь – пешком ходи, хочешь – осиновый кряж в полтонны весом на санях вези из тайги прямо до дома.

Но прежде надо выбрать осину. Она должна быть ровной, без сучков, бугров и дупел. Не должно быть и варги – внутренних круговых трещин. «Ее ветром шатат, она и щелится по кругу» – так объясняет тебе Василий, главный спец по веткам, к которому все веточники средней и малой руки идут за советом. И мы, молодые охотники из разных уголков России, тоже приобщались к этому трудовому празднику, к многовековой традиции, насыщали душу творческим этим ладом.

Несколько часов уходит на выбор осины, на хождение по насту на лыжах с топором в руках, с пробами-зарубаниями стволов, взглядываниями и осмотрами осины со всех сторон. Вот она наконец найдена, свалена и раскряжевана – выбран толстый и прямой кряж длиной метра четыре. Мы заваливаем его на сани и везем на снегоходе домой, перед этим осторожно спуская с крутого яра на отполированный ветрами гипсовый Енисей.

Вот будущая ветка у дома. Дальше ей заделывают носы – зарубают двугранно и остро, как чижику. Сам Василий «носы» заделывает прямо в тайге – чтобы не волочь лишнего. Заделка в тайге полезна и тем, что лучше видно варги.

После заделки носов ветку долго обрабатывают тёслами – сначала снаружи, потом изнутри. «Носы» на время перерывов в ра-

боте закрывают старыми половиками или фуфайками – чтобы «не щелялись» на солнце. Самая большая работа – долбление заготовки изнутри, когда ветку буквально вычертывают тёслами, будто ложками, причем тёсел требуется аж три штуки – прямое и два боковых – правое и левое (для обработки бортов). Тёсла тоже самодельные – их делают из топоров, нагревая в горне до красна и выворачивая в тисках ломиком. Когда в посадочную проушину красно-рыжего топора, зажатого в тисках, вставляют ломик и она пластилиново поворачивается под давлением рук – сердце мужицкое навсегда очаровывается магией кузнечного дела. Кстати, упомянутая проушина называется замечательным словом *садило* – им топор «садится» на топорище.

Стенки ветки становятся все тоньше и тоньше, снаружи их уже обработали до сливочной глади специальным и тоже самодельным двуручным *стружком*. Стенки и вправду тонкие – к концу работы они должны быть не более полутура сантиметров. Один неверный удар тёсла – и прорубишь борт. От этого надо застраховаться: предстоит самое интересное и неожиданное. Необходимо задать толщину. Ветку сверлят-опоязывают ровными рядами дырочек, как подводную лодку рядами заклепок. Еще совсем недавно *енисейские остыки* (кеты. – Прим. авт.) делали это традиционным лучковым сверлом – деревянным приспособлением с ременной системкой. Сейчас мы сверлим обычной дрелью. В дырочки забьем пятники – чопики (пробочки) из кедровых веточек. Они имеют длину 12 миллиметров для бортов и полтора сантиметра для дна. Пятники макаются в краску и загоняются снаружи в дырочки: долбишь ветку тёслом изнутри – наткнулся на крашеный знак – стоп! Так и достигается безопасная толщина. Раньше вместо краски пятники чернили углем.

Вот уже ветка настолько тонкая, что буквально светится на солнце. Обработанная тёслами и стружком, она напоминает ве-

ретено с пустым нутром. Трубка эта кажется очень узкой – непонятно, как поместиться в такой лодке. Поместиться в ней и нельзя – веретено вперед нужно развернуть, расщепить распорками, нагревая над костром (от жара древесина становится эластичной). Это называется *развести* ветку. Главная задача – не порвать в носах. «Носы» на этот случай скрепляются проволокой. Ветку разводят, накаляя огнем и вставляя меж бортов распорки все большей длины. Их называют попросту: *порки*. Вставил первую, чуть разогнув-раздвинув борта, потом вторую, третью. Потом четвертую – и первая выпала с гулким стуком. Разведение ветки продолжается часа четыре или больше. Опаленные огнем сливочно-желтые бока омётываются смуглого-коричневыми пятнами. Иногда для облегчения разводки в ветку наливают воды. Разведенная долблена некоторое время выстаивается, подсыхает. Высохшая, она держит развал бортов и без порок. Но ей делают для скрепа две хорошие порки, прихватывают их гвоздиками. Одна из них играет роль спинки.

Новая ветка – желтая, с годами она станет пепельно-серой. Езда на ветке требует навыка – судно очень верткое. Скажем, стрелять из ветки лучше вдоль, а особенного мастерства требует вылезание на лед. Купание в холоднующей воде в полной

охотничьей выкладке и с оружием может плохо кончиться.

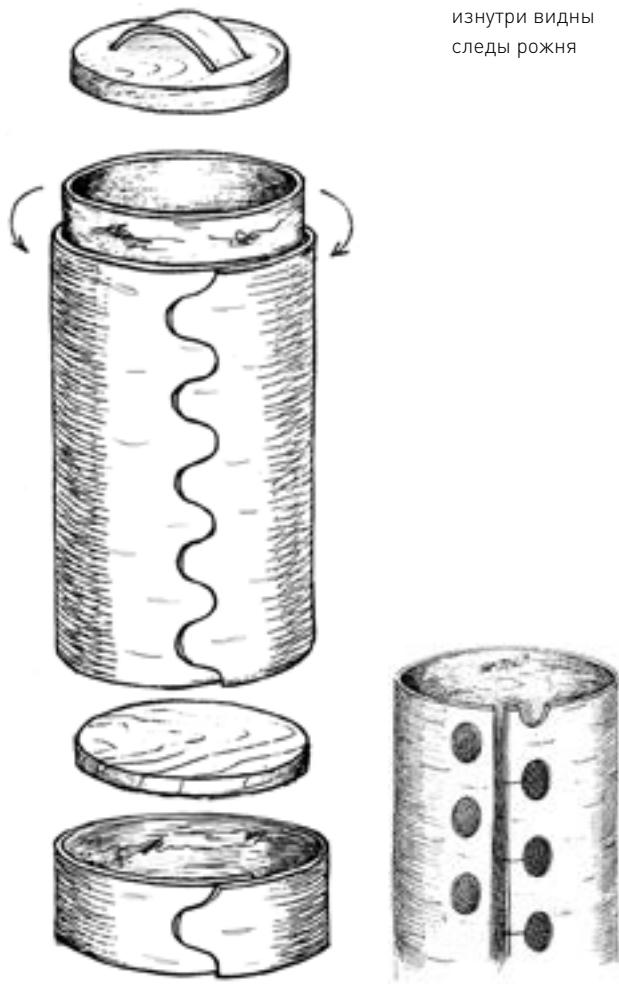
У охотника в ветке – сеть с берестяными поплавками и утиные чучела для приманки пролетной утки. Они привязаны поводками к одной веревочке и ставятся на открытой воде на якорек. Чучела делаются из ствола ольхи. Они состоят из двух полых половинок и отдельной головки. Красят их в цвет пера весенней утки, щегольски-нарядных самцов. У каждого вида – свой брачный окрас, и, чтобы раскрасить чучело, надо хорошо знать уток. Бывают необыкновенно красивые чучела. Особенно поразили меня те, у которых были вырезаны и глядели изящной гранью уложенные на спинке крыльшки. Такие уточки – настоящие произведения искусства. Именно проявлением творческого порыва, гордости мастера они и дороги, потому что никакая резная фасочка не видна с неба. Сомневаюсь, что может быть оценена и точность окраски. Как раз внешняя бесполезность, избыток, *запас красоты* и превращает простое ремесло в искусство.

Нет лучше школы для ребенка, где и трудовое воспитание, и изучение родной природы, и приобщение к традиции завязано в один неделимый узел. В ветке сидят на коленях, а рулят веслом – хоть двух-, хоть однолопастным. Правотой соиздателя наполняет сознание того, что от начала до конца вы-

Осталось
опилить
ствол и снять
сколотень

На сколотне изнутри видны следы рожня

полнил ты все своими руками, что не для забавы, а для дела... И еще совсем дальнее: совершенство старинных предметов, красота замысла и то, что забил и свой пятничок в деревянное полотно традиции.

ТУЕС

Как уже говорилось, в ветке лежат сети с берестяными поплавками. И раз уж зашла речь о бересте, надо рассказать об этом удивительном материале, без которого на Руси никуда. Из бересты делали поплавки для сетей, а уж самая красота – это неводные грузы, или кибасья. Кибас напоминает шанежку, пирожок – это один или два камешка, плотно завернутые в бересту и заделанные корешками – шаргой. Из берестяных лент плетутся короба и пестреля для ягоды. Из бересты делались тиски – щиты для берестяных остыцких чумов, что еще в недавние времена стояли на устьях рек, впадающих в Енисей. Эвенки делали из бересты лодки-берестянки, по сложности конструкции не уступающие индейским каноэ. В домашнем быту береста использовалась на каждом шагу – на ней и до сих пор пишут записки в тайге, ею разводят костер и растапливают печки. Если прямо в тайге или на реке свернуть кусок бересты в коробку, по углам скрепив деревянными прищепками, получится чуман – вместилище для мелкой рыбы или ягоды.

Но венец берестяного творчества – туес. В городах туесами завалены все прилавки, их продают вдоль трасс, но туеса эти клеенные, то есть сделанные по упрощенной технологии и, на мой взгляд, лишенные изюминки. Туес собирается из двух частей. Внешней – рубашки, завернутой в замок, и нутряной. У настоящего туеса нутряная часть **целиковая** – берестяная труба эта называется сколотень. Городские туеса без сколотня, их внутренняя часть kleenая илистыкованная каким-либо другим способом, который позволяет избежать трудоемкого процесса добычи сколотня. Такой туес негерметичен, «дырявят», в нем нельзя хранить ни молоко, ни квас, предмет теряет свое прикладное и историческое значение, становясь бутафорией.

Туеса (и их разновидность – бураки) прошивались по ободку корешками, и старики любили рассказывать, как собирали эти кедровые и еловые корешки по краю яров по-над Батюшкой-Анисеем.

Если научиться основам веткостроения не представляло в Бахте особого труда – их делал почти каждый хозяин, – то искусством изготовления туесов уже к 2000 году никто не владел, кроме старожила дяди Ильи – Ильи Афанасьевича Плотникова.

Бересту добывают в пору самого обильного сокодвижения – в разгар среднеенисейской весны, в июне. Выбрав погожий денек, мы отправились с Ильей Афанасьевичем в тайгу и долго выбирали березу с ровной корой и без бородавок. Выбрав, свалили так, чтобы комлем она осталась на пеньке, держась на недопиленных волокнах. (Еще одна особенность сколотня, которая не устраивает поточных туесоделов, – необходимость валки целой березы ради одного или двух туесов. – Прим. авт.) Мы выбрали самый гладкий участок, обрезали его вкруговую ножом по размеру будущего туеса – с двух сторон – и с боков сняли по куску бересты. Обнажилась скользкая, блестящая от сока, нежно-желтая плоть березы.

Потом дядя Илья сделал рябиновый рожень – тонкий стволик рябины очистил ножичком от коры и стесал с одной стороны. Потом по сочащему березовому боку начал загонять скользкий рожень под кору березы. Рожень входил трудно, но с каждым разом подныривался легче и дальше, и в конце концов дядя Илья подсочил по кругу весь сколотень – с одной и с другой стороны. Я поразился, как тугу поддавалась береста, какая у нее открылась резиновая эластичность, с каким упругим звуком – не то треском, не то скрипом – отходила она от ствола и как выпирала бугром над рожнем, и как этот бугор вздувался и бежал под напрягшейся шку-

рой, повторяя броски рожения. Но самое чудо произошло дальше, когда дядя Илья обнял сколотень двумя руками из-под низу и, прижав подбородком, напрягшись до красноты, резким рывком сорвал-провернул сколотень и сдвинул по скользкому блестящему березовому боку к вершине. Дома я сделал туес.

Начинается все с обертывания сколотня рубашкой – внешним слоем бересты. Туес – двухслойный. Рубашка и сколотень смотрят друг на друга белой стороной бересты. Рубашка сворачивается из прямоугольного куска бересты и заделывается в замок. Замки бывают разной формы, их вырубают выщечкой (трубкой с острым обрезом). Рубашка надевается втугую на сколотень. По низу туес охватывается берестяным пояском. Из дощечки вырезается донце. Низ туеса вываривается в кипятике и становится таким волшебно-податливым и эластичным, что донце, только что не желавшее влезать, облегченно встает на место и, когда туес высыхает, с такой железной силой оказывается охваченным берестой, что не пропускает жидкости. В верхней части туеса сколотень несколько выступает за рубашку, этот воротничок вываривается и заворачивается, образуя крепкий ободок. В него вставляется съемная крылечка, выпиленная из доски, с берестяной ручкой. Желтый, солнечный, свежий туес готов, и сразу вспоминается вся наша история, ценные поколения русских людей, хранивших в туесах молоко, сливки, квас, ягоду. А насколько мы – нынешние – храним в туесах наших душ преемственность традиции, насколько заботимся о сохранении этого наследия и вообще – о защите традиционного образа жизни, мысли, душевного строя? И почему бы не издать брошюру для уроков труда в школах таежных поселков, в которой бы показывалось, как изготовить, к примеру, 12 предметов традиционного быта?

Проверка сети
на ветке

КАМУС, ПИМЫ И ДРУГИЕ

Существует неиссякаемая масса чудных предметов-достижений старины. Это и охотничьи лопатки, и деревянные ловушки на пушного зверя (пасти и кулёмы), и рукавицы из шкуры тайменя и налима, и целый перечень камусной и кожаной обуви, в которой не страшны никакие морозы (что бы ни писали на товаре заморские производители экстремальной обуви – никакие современные ботинки не выдерживают морозов, на которые рассчитаны бокаря, торбоса и пимы из оленного камуса. – Прим. авт.). А что стоят веревки, свитые из черемуховой коры, или поняги и крошины – каркасы для переноски полотнищ и добычи, согнутые из черемуховых стволиков! Они использовались промысловиками задолго до появления станковых рюкзаков из алюминия. Любой более или менее рукастый мужик в случае необходимости может сделать такую понягу втайге: нужны черемуха, нож и ремешки для перевязей. Черемуха очень гибка, и из нее нетрудно согнуть дугу каркаса и грузовую полку. Не нужен ни магазин, ни деньги, когда знаешь дело и не боишься потрудиться.

Особого внимания заслуживают камусные лыжи. Камус (или камос) – это шкура с ног лося, оленя, коня. Короткий ворс крепко лежит в одну сторону, поэтому подкладка, сшитая из камусов и подклеенная к широченным охотничьям лыжам, не дает им катиться назад. На камусных лыжах можно забраться в гору без всяких палок. Правда, обычно охотники используют палку – охотничий посох, который имеет широкое назначение. На его конце железный крючок – с его помощью подтягиваются за куст или дерево при подъеме, простукивают лесину, выпутывая белку, захлопывают капканы, сбивают снег с веток, лупят набездвизивших собак. Камусные лыжи крепче обычных – камус, которым оклеена лыжа, будто обнимает ее, заворачиваясь на внешнюю сторону, и придает дополнительную прочность. На камусные лыжи не подлипает снег в тепло. Правда, в сильный мороз они неважно катятся, но, думаю, и обычные голицы (лыжи без камуса) в 45 катятся по снегу как по песку – «кать имеют некудышну». Крепления делаются из сыротяны и называются юксами. Некоторые юксы устроены таким образом, что, надевая лыжи, их не надо завязывать: нога вставляется в крепление особым боковым движением. Оно меня, помню, буквально восхищало. Лыжи енисейских охотников, в особенности кетов, исконных законодателей лыжной индустрии, всегда были неимоверно широкими – сантиметров до со-

рока, и тонкими, как лист картона. Гибкостью обладали фантастической – их проверяли, ставя задком на землю, а передней частью на чурку. Всем весом вставали на середину лыжины, и она не ломалась. Легкая лыжа не тянет ногу и облегает любые неровности дороги.

Изготовить такие лыжи – искусство. Как обычно, все начинается с выбора прямослойной елки, из которой заготавливают дерёва – доски-заготовки. Дело происходит как обычно весной по насту, когда по тайге катись хоть куда и не надо тащить дерёва на своем горбу по бездорожью – можно привезти на нарте. На прямослойность пробуют, зачищая участочек елки от коры и втыкая топор носком в обнажившееся оконце. Вниз и вверх от лезвия потянутся мелкие трещинки; если елка хоть чуть витая – трещинки это покажут, повторяя свилеватость. У прямослойной елки трещинки строго вертикальные.

Елку валят, кряжуют и колят на плахи. Вырубают из березы колотушку вроде большой киянки, а из сухой лиственницы делают клинья. Насекают топором с торца заготовку, вставляют в нее пару-тройку клиньев и бьют по ним колотушкой, загоняя в отверзающуюся еловую пасть. Доска должна отщепляться ровно, в конце концов под неимоверной силищей клиньев она

Весенний натюрморт

отскакивает с гулким звуком. И вот дерёва лежат в санях – жилистые плахи с каплями смолы. Дома дерёва строгают до нужной толщины, потом нагревают концы над огнем и, загнув, зажимают принимать форму в специальном станке – бале. Лыжи долго сушат. Потом настает очередь подлыков. Подлыком называется спицное из высокобленных камусов полотно, которым предстоит оклеить лыжину. Клеют на крепко раскаленную лыжу рыбьим клеем. Рыбий (осетровый) клей, ценимый скрипичными мастерами, добывают из плавательного пузыря осетровых рыб. Клей мелко насекают и греют в баночке на краю печки – чтоб почти кипел. Мажут лыжу, заворачивают подлыком и накрепко перебинтовывают веревкой или ремнями. Потом сушат несколько дней.

Вычитал тут недавно, что некая фирма вовсю продает искусственный камус для оклейки лыж. Понятно, что пластиковые лыжи с таким камусом переживут охотника. И если в Бахту такие лыжи завести и продавать по приемлемой цене, охотники ими вооружатся. Все понятно, а чувство потери огромное...

БОЛЬ ПОТЕРИ

Надо говорить о мастеровой традиции как о народном достоянии, надо формировать в обществе такое к ней отношение, чтобы следование ей считалось делом почетным, нужным, дорогим.

С другой стороны, глупо не учитывать инстинкт человека к удобству, да и так называемый научно-технический прогресс статейкой не остановишь. Хочется спорить: пластмассовые лыжи избавляют от необходимости заниматься заготовкой дерёв и скоблением камусов и экономят неделю времени, но бывает, время, которое быпустить на пользу, тратится на валиние перед телевизором или пьянку. И тогда непонятно – зачем такая жертва? В ответ прозвучит вопрос: а что такое польза? И дальше дискуссия все более приобретает характер демагогии и умствования.

Большинство людей живут, не задаваясь подобными вопросами, и эволюцию материального мира в человеческом обиходе остановить нельзя. Несясь на современейшем снегоходе, призываешь ездить на оленах – лицемерие.

Есть подвигничество, когда своим примером продолжаешь традицию: либо сам живешь так, либо создаешь условия людям, чтоб им было выгоднее держать корову, а не покупать молоко. Это требует вложений. Можно и нужно создавать музеи, школы ремесел, писать книги, снимать фильмы, обучать детишек и рассказывать о старинных промыслах...

Помню глубоко запавшее в душу впечатление от музея-заповедника деревянного зодчества в Шушенском, где не только воссоздан облик старинной сибирской деревни с могучими крепкими избами, с кучей утвари и целой прорвой интереснейших мастеровых и бытовых придумок, но еще и работают школы ремесел с мастерами, которые при тебе соберут бочку из кедровой клёпки и выкрутят на гончарном круге отличную кринку.

А может, стоит вдуматься в саму суть потери, в боль от нее, которая есть не что иное, как вина перед предками? В знании того, что сто, двести или триста лет назад думающий и чувствующий русский так же переживал появление заморского механизма, облегчающего простой труд и убивающего целый пласт материальной культуры... И это чувство преемственности, способность увидеть в предке собрата по потере – не есть ли главный вывод?

Время идет. Россия меняется каждое десятилетие. И наше болеющее сердце не успевает приспособиться к переменам – кажется только, что отрываются от него каждый час по клочку родного, и ощущение это становится тотальным. Поэтому когда весной над енисейскими селами раздается гулкий перестук тёсёл – надо радоваться, учиться и гордиться, что мы удостоены главного – свидетельства. ●

СИЛА ДОБРА

АВТОР

ВЕРА МЕДВЕДЕВА

У КАЖДОЙ ВОССТАНОВЛЕННОЙ ЦЕРКВИ – СВОЯ ИСТОРИЯ И СВОЯ ТАЙНА. И ИНОГДА – НЕ ОДНА.

XРАМ СВЯТОЙ ВЕЛИКОМУЧЕНИЦЫ Екатерины в Новгородской области восстановили спустя семьдесят лет после того, как он был фактически разрушен. За эти годы в нем размещались и овощехранилище, и деревенский клуб, и дискотека... Казалось, храм уже не особо нужен местным жителям. А удаленность от главных туристических дорог отнимала последнюю надежду на восстановление. Но пятнадцать лет назад в село Ровное-Новоблагодатное приехал из Франции Юрий Вер-

бицкий – потомок прежних владельцев здешних мест, который хотел увидеть разрушенную усадьбу своего рода. Возможно, он так бы и увез с собой воспоминания о безвозвратно исчезнувшем прошлом, но именно в этот день в бывшей церкви, где еще девочкой молилась его мама, и проходила разудалая дискотека. Сцена на месте алтаря так потрясла французского гостя, что, несмотря на пенсионный возраст и ограниченность средств, он и его жена взялись за восстановление церкви.

Сегодня над берегом реки Мсты высится не только храм Святой Екатерины, и в соседнем селе построена церковь во имя святых Царственных страстотерпцев... Злу дано время, а Добру – вечность. Кто-то может посчитать эти любимые слова семьи Вербицких преувеличением, но слишком уж много в их собственной жизни и в судьбе их предков было невероятных совпадений. В свой первый приезд в село Ровное-Новоблагодатное Вербицкие заехали на кладбище, где все старые могильные камни давно растищили. Потому так выделял-

Церковь Святой великомученицы Екатерины до революции и после реставрации

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ся один-единственный, на котором Юрий Вербицкий прочел имя своего прадедушки, прибалтийского немца – петербургского коммерц-советника Александра Фердинанда Бергштейна. По-немецки основательная бабушка заказала на могилу мужа такой тяжелый камень, что за сто с лишним лет его не смогли утащить никакие мародеры, хотя много раз пытались это сделать. А когда в перестройку в соседнем с кладбищем храме начали приводить в порядок церковные книги, то обнаружили в них имя главного жертвователя – владельца усадьбы Ровное-Новоблагодатное. Несмотря на принадлежность к лютеранству, семья Бергштейн, приобретя усадьбу, построенную Екатериной Великой, всегда поддерживала расположавшиеся поблизости православные храмы. И спустя век за добро отплатили добром: прихожане церкви подняли и вновь установили могильный камень главе той семьи, которая организовала на этих неплодородных землях идеальное усадебное хозяйство...

НАЧАЛО

Когда Юрий и Ольга Вербицкие решили на свои деньги восстановить бывший храм Святой великомученицы Екатерины, дело представлялось настолько безнадежным, что даже мешать им не имело смысла: колокольня снесена в 30-е годы, иконы пущены на «хозяйственные нужды», стены не ремонтировались семьдесят лет. Их инициатива вызывала, скорее, сочувствие. Всем россиянам легко себе представить любую строительную эпопею, тем более если речь идет не о своей собственности. Сегодня Юрию Всеволодовичу – 86 лет, в 1999 году, когда начали работы по восстановлению, было 72. Ему, бывшему французскому инженеру, пришлось самому и траву косить, и кирпичи подносить, и помогать строить купол. Это не считая заказа нового иконостаса и финансирования всех работ. Крали ли на восстанов-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

лении храма? Да. Опускались ли руки? Нет. Ведь рядом с ним была жена – Ольга Ростиславовна, которая переехала во Францию уже в предпенсионном возрасте, поэтому знала, как выходить из нестандартных российских ситуаций.

Успешная журналистка и сценарист, она сама столкнулась с тяжелыми превратностями судьбы. Ее покойный муж двенадцать лет как сын врага народа находился в лагерях. Ее отец, происходивший из древнего рода Монастыревых, известного еще со времен Дмитрия Донского

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Юра Вербицкий с родителями

го, в Великую Отечественную войну раненым попал в плен. Назад ему дороги не было, и, чтобы не подвергать опасности семью, он 25 лет не давал о себе знать. А когда в 60-е годы, так никогда больше не женившись, попытался вызвать семью к себе во Францию, то воссоединиться им не дали. Только в перестройку Ольга первый раз в жизни увидела своего отца, который ушел на фронт до ее появления на свет. Именно там, где жил ее отец, в Сен-Женевьев-де-Буа, она потом и встретила Юрия Всеволодовича Вербицкого. Похоронив своих близких, они решили быть вместе.

Но, как признается Ольга Ростиславовна, неизвестно, как сложилась бы их совместная жизнь, если бы не восстановление храма. Им просто некогда было притираться друг к другу – столько сил и энергии занимало строительство. Они со смехом вспоминают, как в первый приезд попросились ночевать в избу. И местная бабушка, узнав, что они пока не расписаны, не разрешила им, уже имеющим внуков, спать на одной кровати.

Аnekdotичные ситуации перемежались с необходимостью преодолевать подспудное недоверие местных жителей: а что это задумали потомки бывших владельцев? Неужели просто так отдают немалые деньжищи на восстановление храма? Причем никого не интересовало, что земля и развалины усадьбы давно принадлежат совхозу и переданы в аренду на 49 лет частному предпринимателю, а Вербицкие даже и не пытались изменить существующее положение вещей. Но в тяжелой ситуации нехватки денег, неизбежных проблем со строителями и всеобщей настороженности случались встречи, которые иначе как ниспосланными свыше не назовешь.

ДОРОГА ДОМОЙ

...Когда в 1938 году расстреляли настоятеля церкви Святой Екатерины, то уже через не-

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ СЕМЬЯ ВЕРБИЦКИХ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

сколько дней прибыла бригада «утилизовать» церковное имущество. Крестьянка Татьяна Синицына спасла одну икону, из которой собирались сделать столешницу. Спасти-то спасла, но как дотащить полутораметровый образ до дома? Бабушке Татьяне привязали икону на спину, так она и прошла 2 километра. В себя приходила не сколько недель, но маленькой внучке наказала: «Храм когда-нибудь восстановят. Тогда отдавай икону и денег не бери». Проходили десятилетия, а икона Святой Екатерины так и стояла в чулане деревенской избы

без надежды когда-нибудь увидеть свет. Когда Вербицкие начали восстанавливать храм, им рассказали эту историю. Внучка Татьяны Синицыной к тому времени давно уже переехала в соседний город Боровичи, сама уже была бабушкой, но обещание, данное в детстве, помнила. Икону она отдала, да после стольких лет в сырой, неотапливаемой избе образ оказался в ужасном состоянии. Но раз уж приехали за иконой, да еще зимой, то не отступать же от планов. Решили все же занести образ в почти восстановленный храм. То,

Усадьба Ровное-Новоблагодатное до революции...

что произошло дальше, можно было бы списать на общее желание чуда, если бы не сделанные до и после фотографии. На черном, закопченном дереве вдруг простило изображение. Всего за полчаса в том самом храме, где она когда-то и висела, икона «ожила», приоткрыв прежний рисунок.

Вербицкие не стремятся никого ни в чем убеждать. Главное – самим понимать, что движутся в правильном направлении. Но местные жители могли бы порассказать и много других историй, когда с теми, кто разрушал храм или особо активно отплясал на тамошней дискотеке, приключались разные несчастья. Своей внучке Татьяне Синицына строго-настрого запретила танцевать в разрушенной церкви, когда в ней устроили клуб. А беспризорники, которых пытались наять, отказались сторожить его, даже не польстившись на удобный ночлег. Они уверяли, что ночью там слышится церковное пение.

А ведь хор церкви Святой Екатерины когда-то славился на всю округу. Послушать его приходила и юная Вера Никушкина, будущая мама Юрия Всеходовича. Единственная дочь немцев Бергштейнов, Александра, вышла замуж за русского дворянина, офицера Николая Павловича Никушкина, после чего православие стало не только благотворительным делом для этой семьи, но и вероисповеданием.

Брак оказался удачным, и усадьба Ровное-Новоблагодатное процветала. Четверо детей, служба мужа в военном гарнизоне Боровичей, огромный гостеприимный дом, который летом наполнялся приехавшими из пансиона девочками и их друзьями, крепкое хозяйство... Но Первая мировая война перечеркнула всю налаженную жизнь. Генерал Никушкин ушел на фронт; его единственный сын умер в усадьбе от эпидемии; всех лошадей, которыми славилось хозяйство, забрали на

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

...И в наши дни

нужды армии. Вместе со спокойной жизнью старой России закончилось и прежнее счастье этой семьи.

Генерал Никушкин в самом начале осени 1917 года приехал в усадьбу, решив срочно увезти семью. Огромный дом с десятками прекрасно обставленных комнат был брошен навсегда. С собой Никушкины берут лишь шкатулку с драгоценностями и сотни фотографий, которые собирались годами. А вместо бальных платьев в саквояжи укладывают девичьи альбомы, в которых дочери писали свои стихи и посвящения.

А затем был долгий путь из Новгородской губернии до Крыма с генералом Врангелем. Семья Никушкиных прошла по той дороге, которая ждала еще десятки тысяч жен и детей офицеров. Тогда было не до примет и соппадений. Но спустя много десятилетий Юрий Всеходович и Ольга Ростиславовна обнаружат, что их родственники вместе отплывали в эвакуацию от крымских берегов. Капитан второго ранга Монастырев был одним из тех, кто навсегда увозил из России остатки «белой гвардии» с семьями.

Десять лет скитаний и никакого окончательного приюта. Но жизнь не ждет, когда ее «наладят». Вера Никушкина, которая работала тапером в кинотеатре маленького сербского городка, знакомится там с гусаром Ахтырского полка ротмистром Всеходом Вербицким. Мечта юной девушки выйти замуж за гусара сбылась, но только на чужбине. Хотя даже в тех условиях старались сохранять видимость старого уклада. До революции шефом знаменитого Ахтырского полка являлась родная сестра императора Николая II – Ольга. И дети, родившиеся в полковых гусарских семьях, могли попросить ее стать крестной. Поэтому когда у молодых Вербицких в 1927 году на свет появился сын Юрий, они написали великой княгине, находившейся в то время в Канаде. Она согласилась стать крестной, не забывая потом присыпать ма-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Церковь
во имя святых
Царственных
страстотерпцев
около дома
престарелых
в селе
Железкове

ленькому Юре поздравления к церковным праздникам.

Такая духовная связь с царской семьей дополнялась в семье Вербицких убеждением, что начиная именно с 2 марта 1917 года и пошли все последующие беды России. Генералитет, под чьим давлением Николай II подписал в этот день отречение от престола, совершил преступление, нарушив присягу. Больше-вики, утвердившиеся потом в России, фактически просто «подобрали» дезориентированную, неуправляемую страну.

Так что когда была освящена восстановленная церковь Святой великомученицы Екатерины, Вербицкие решили построить еще и церковь во имя святых Царственных страстотерпцев в 10 километрах от Ровного, в селе Железкове, где находится дом престарелых. По деревенским российским дорогам 10 километров до церкви – это немало, тем более для пенсионеров. Деревянную часовенку возвели за год, однако весь этот год не было уверенности в том, что ее разрешат назвать в честь царской семьи. Названия ведь утверждают духовные, а не светские власти. Но теперь и в Новгородской области появилась первая церковь в память о расстрелянной царской семье...

Люди способны сами восстанавливать свои корни. За пятнадцать лет постоянных приездов в Новгородскую область и непрекращающейся работы Вербицкие буквально «вросли» в эту землю. Дом в парижском пригороде Сен-Женевьев-де-Буа, где на знаменитом кладбище похоронен отец Ольги Ростиславовны, долгие годы сохранил тот самый архив, который Никушкины увезли из своей усадьбы в 1917 году. Юрий Всеходович принял решение подарить его городскому боровскому музею – филиалу Новгородского музея-заповедника. Российское посольство во Франции помогло переправить этот архив, и теперь провинциальный музей пополнился уникальной экспозицией, которая рассказывает историю XX века и историю России через историю одной семьи.

…Однажды журналист из русскоязычной американской газеты спросил Вербицких: «Зачем вы все это делаете? Не боитесь, что церковь опять разграбят и разрушат?» Что они могли ответить, помня, через какие испытания пришлось пройти их дедам и родителям? «Мы надеемся, что тогда опять найдутся люди, которые вновь восстановят этот храм». ●

ГОЛОСА ВЕСЕННЕГО ДНЯ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ВОЗЬМИТЕ КАНАРЕЙКУ, И БУДЕТ У ВАС ДОМА ВЕСЬ ГОД ЦАРИТЬ ВЕСНА. ТАК ГОВОРЯТ СВОИМ ГОСТИЯМ ЖИТЕЛИ ПАВЛОВА-НА-ОКЕ. В САМОЙ СЕРЕДИНЕ ЗИМЫ ТАМ ПРОВОДИТСЯ КОНКУРС ЗНАМЕНИТОЙ НА ВСЮ РОССИЮ И ЕВРОПУ ПАВЛОВСКОЙ КАНАРЕЙКИ ОВСЯНОЧНОГО НАПЕВА.

ТУЛУПЫ, ПАЛЬТО И ватники внушительной грудой громоздятся на вешалке: чтобы найти свободный крючок, надо перевернуть несколько слоев одежды. Ее обладатели встали засветло, пробежали по рассыпчатому от мороза снегу несколько извилистых улиц, собирались

здесь – и все лишь для того, чтобы услышать пение маленьких желтых птичек. «Раньше в такой мороз канарейку в рукавице носили!» – объясняет мне старики-канаровод. Он, как и я, не может найти свободного места на вешалке и кладет свой туалуп на стол – здесь уже тоже высится гора теплых курток и ватников.

С теми, что заняли вешалку, их роднит ветхость: они такие же поношенные, не скрывают за-плат и оторванных петель. У старой одежды, понятно, и хозяева немолодые. Здесь много роговых очков, слуховых аппаратов, облупленных клюшек и потертых пиджаков, «благоухающих» нафталином. Держали их, видно, весь год в глубине шкафа, приберегая для особо торжественных случаев: юбилеев, свадеб, Дня Победы и конкурса пения канареек, который в Павлове проходит в самый студеный зимний день. Поэтому в зале сейчас – ка-шель, рассказы о болезнях и резкий звук стучащих клюшек. Клюшкой подпирают подбородок, который, как и щеки, тща-тельно выбрит.

Канарайка, одна из обычновеннейших комнатных птиц, чрезвычайно распространенная в неволе, была привезена с Канарских островов в Европу, откуда попала в Павлово, где скрашивала своим пением жизнь кустарям и ремесленникам...

...Кажется, на посвистывающую желтую птичку в клетке никто не смотрит. Во-первых, далеко – из зала не разглядишь. А во-вторых, каждый пришел сюда не смотреть на канарей, а слушать их пение, оценивать его и заодно проверить, не разучился ли на слух различать колена...

Первая выставленная на конкурс птичка быстро умолкла. В зале поднялся шум. «Нда-а-а, слабовато!» – раздается вдруг звучный голос. Это – старейший канаровод города Владимир Михайлович Карев. Рядом с ним – два старых любителя канареекного пения – Владимир Щепкин и Юрий Пархаев, приехавшие из Нижнего Новгорода. «Мне вот 83 года, а одну птичку я принес!» – с гордостью говорит приятелям Карев, и те с завистью смотрят на него. Они держать канареек перестали давно и вот ездят по конкурсам, тратя последние гроши, чтобы хоть только послушать. Весь год ждут они этого зимнего дня. Казалось бы, ну что за радость: клетки, маленькие желтые птички... а старики называют это праздником! Пока ассистент Владимир Горшков выносит новую клетку с птицей, в зале идет живое обсуждение: «Не поет, а квакает! Вот канарь был у Козакова...» Говорят, павловский канаровод Василий Nikolaевич когда-то научил свою птицу выпевать бой кремлевских курантов. То было время славы павловских канареек...

Чувствуется, что многим собравшимся сегодняшний концерт не очень нравится: становится шумно. И странно в этом зале, где было бы впору балы проводить – потолок украшен лепниной, стены в изящных арках и красивых колоннах, – слышать простую речь, грубоватые словечки и незамысловатые сравнения, рожденные в ремесленных мастерских и заводских цехах. Ведь именно там трудились все павловские любители канареек. Потому-то и любили, прия домой после смены, сидя за ужином, слушать звонкое пение канарейки...

Старейший
канаровод
Владимир
Михайлович
Карев всегда
готов поделиться
опытом

Туры и колена
канареек судьи
обсуждают очень
серезно

СВИДЕНИЕ С ДЕТСТВОМ

Во время выступления очередного конкурсанта по залу проносится шелест: «Россыль! Россыль!» Кенарь затихает, публика молчит, и в тишине неожиданно раздается громкое замечание Карева: «Этого, конечно, мало!» «Тихо! Тихо!» – шепчут со всех сторон старику. Но он то ли не обращает внимания, то ли действительно не слышит. Слух стал подводить, Карев часто прикладывает ладонь к уху, прислушивается к трелям канарей, а затем небрежно отмахивается рукой как от назойливого комара... Он встает и ходит по залу, ворчит. Замечаний ветерану канареочных конкурсов никто не делает. Все знают, что в

детстве, до войны, он брал первых своих канареек у легендарного Ивана Николаевича Горшкова, который поставлял птиц еще ко двору императора Николая II.

Пока ассистент меняет на постаменте клетку с канарейкой, мои соседи Щепкин и Пархаев успевают снять массивные роговые очки, подышать на них и пртереть большим носовым платком. «Хромоногий, на одной лапе сидит!» – делится наблюдением Щепкин, разглядывая нового конкурсанта. «Зеленая канарейка!» – отвечает Пархаев. Недовольство в зале нарастает: время идет, печи дома не топлены, а хороших трелей не слышно. Очередной канарь прыгает в клетке на жердочке и как-то вяло попискивает. Зал шумит. Слышно, что шумят и за дверью, в фойе, куда вышел ассистент. Вот он заглядывает в дверь, видит, что канарь молчит, но не торопится забрать клетку. Иначе можно нарваться на выговор от владельца птички, случится скандал: хозяин ведь может сказать, что ассистент сбил певца, не дал выступить. Такие претензии здесь не редкость. И только когда судья говорит: «Время!» – ассистент уносит клетку. Слышны шаги в коридоре, голоса, там явно что-то выясняют на повышенных тонах...

И все-таки странное это зрелище: столько убеленных сединами мужчин, проживших трудную трудовую жизнь, переживших столько смен эпох, сидят рядками и слушают маленьких желтых птичек, жадно внимая каждому их писку. Но это для меня канарейка – маленькая желтая птичка, а для них... Ведь все они в детстве ловили диких птиц, сидели в засаде, учились различать птичьи голоса, продавали пойманных птиц, потом покупали канареек у стариков- заводчиков, берегли канарейку, делали отводы, гордились вставленным в ее пение коленом синицы или кулика... Канареек держали их отцы, деды, прадеды, да все, на-верное, родственники. Поэтому для стариков пение канара как свидание с золотой порой детства и юности. Да только чувствуется, что не получается оно – свидание-то...

Во время очередной смены птицы Карев встает и решительно заявляет на весь зал: «Пока птицы нет, я скажу!» Всем давно известно, что он скажет. Карев считает, что время настоящих канарей ушло. На Карева

На традиционном Павловском конкурсе канареек на кубки и призы для своих певцов не скупятся...

шикают со всех сторон: мол, не порть праздник! Люди ехали издалека, по морозу везли и берегли птиц. Они устали, боятся, потому плохо поют. «Ладно! Надо уметь готовить канара! Вот раньше...» – рубит ладонью воздух старик и рассказывает, что раньше птенец канарейки учился петь уже в яйце. А сейчас – с музыкального диска. Это от неграмотности заводчиков, считает он. Карев рассказывает про то, как прежде от продажи отвода канареек его мать покупала картошку и дрова на зиму, да еще на обувку хватало. Он ма-

шет рукой, порывается еще что-то сказать, но его насилино усаживают на место соседи. Пора слушать нового конкурсanta. Птица бойко начинает запевку, и мне кажется, наконец появился настоящий певец. Впервые на лицах засветились улыбки. Но Карев и после того, как его заставили сесть, не успокоился. «Красивая клетка! – язвительно говорит он. – А вот канарь...». Тут ему уже делает замечание судья. Карев не внемлет. И при новой попытке что-то сказать, старожила канареочных конкурсов категорично просят выйти из зала.

Трудная задача правильно сосчитать в запевке канарейки количество двойных, тройных и прямых колен. Член судейской коллегии Владимир Угаров

ОВСЯНКА

Без Карева явно становитсятише. Кенари поют лучше. Оценки выставляются одна другой выше. «Неплохое колено!» – все чаще раздается в зале. А кенар под номером 9 заставляет умолкнуть даже самых отъявленных пессимистов. Он заливается так, будто слышишь журчание множества весенних ручьев.

«Овсянка! Овсянка!» – проносится шепот по рядам. «Овсянка!» – говорят и за судейским столом.

Так называют канареек овсяночного напева, который в чистом виде можно услышать только в Павлове. Этот напев канареек и прославил городок в России и в Европе. Специально летом в лесу ловится маленькая серая птичка – овсянка и держится в клетке по соседству с канарейкой. Именно от нее канарейка перенимает трели, которые потом вставляет в свои колена. Технология эта сложная, требует многолетней терпеливой работы. Но ради овсяночного напева и едут сюда любители...

«Давно я этого колена не слышал!» – громко выдыхает Владимир Щепкин. Теперь он улыбается с удовольствием и сообщает всем, что не слышал овсянку, трель которой кенар вставил в колено, уже лет восемнадцать! Теперь приедет домой и будет всем рассказывать... «Вот услышать бы тут еще хриплую синицу и дубровника, то вообще было бы счастье! – отодвигая стулья, продолжают обсуждение знатоки. – Ну а овсянка выше всяких похвал!» Судя по их довольным лицам, они действительно очень рады. Разгладились морщинки, заблестели глаза. Тут я впервые замечаю, что мужики не такие уж и старые. Более того, есть, оказывается, в зале и молодые люди. И даже дети, с щегольски повязанными шарфиками канареочного цвета. Да и за окном серое утро сменилось ярким солнечным днем. Или это мне только кажется? И вся эта перемена от одной маленькой птички, кото-

Еще дед и отец Бориса Луковникова изготавливали дудочки для обучения канареек

рая своим пением изменила все вокруг? А все-таки не зря раньше канарейку называли «сладкой птичкой». Судя по всему, утренние опасения любителей не оправдались: 33-й Павловский конкурс канареек не провалился.

ОХОТНИКИ ЗА ПТИЦАМИ

В фойе, где во время перерыва столпились канароводы, не протолкнуться среди клеток. Многие, чувствуется, сделаны еще дедом или прадедом нынешнего владельца. Те, что только недавно принесли с улицы, укрыты большими детскими одеялами. Вокруг царит оживление, слышны отдельные фразы: «Отличная синица и кулик!», «Самец был научен дудкой». Сегодня здесь собрался весь цвет знаменитых когда-то на всю Россию и Европу павловских канароводов. Точнее – его остатки. Слишком уж похожи канароводы на ветеранов, собравшихся вспомнить былые баталии и славные времена...

Еще сорок лет назад в маленьком городке Павлове-на-Оке было 500 канароводов. Канарейки заливались почти в каж-

дом доме. По «канареочным» улицам водили туристов. Павловские купцы, торговавшие в Европе скобяным товаром, привезли канареек домой, и за пару веков появилась даже особая разновидность канарейки – павловская, желтого цвета. Для улучшения певческого таланта ее скрестили с российским щеглом. У павловских птичек самый нежный из канареочных напевов – овсяночный (в Павлове говорят – овсянистый. – Прим. авт.), построенный на трелях,rossыпях и отбоях овсянки.

Разведением канареек в Павлове занимаются исключительно мужчины, называют их «охотниками». Учителя кенарей – дикие лесные птицы. Павловские мужики и мальчишки высматривают их в лесу, изучают чистоту пения, затем отлавливают. Пойманная «с голосом птицы» служит наставником домашним канарейкам. От диких птиц кенари перенимают основные колена. У павловских солистов в главный, овсяночный напев – «звень-звень-тень-тень-день-день» – вплетаются колена синички, кулика, юлы (так здесь называют лесного жаворонка. – Прим. авт.) и даже стрижка. Классический павловский ход имеет 10–12 колен. Особо ценилось, если кенар выдавал песни весенней синицы. В больших городах у канароводов нет возможности ловить диких птиц, а потому кенарей учат петь под фонограмму с диска. А павловские «охотники», единственные в России, учат канареек по старинке – с живого голоса. А еще для обучения птиц используют бубенцы и специальные дудочки.

Последний павловский мастер по изготовлению дудочек для обучения кенарей, Борис Вениаминович Луковников, принес их на конкурс в носовом платке. Раньше он дудочки делал из дерева, теперь из металла. Конструкцию дудочек у него позимствовали даже немцы, которые приезжали в Павлове. Борис Вениаминович прини-

мает участие в конкурсах с 1982 года. «Бывало народу и больше, – оглядывается Луковников вокруг. – Как пошли магнитофоны, телевизоры и эти компьютеры, так любителей канареочного пения стало меньше. Но еще остались!»

…У подоконника, на котором теснятся две клетки, стоит гость конкурса Евстафий Акакиевич Шишанин. Он как раз из «оставшихся». Я запомнил его не только по редким ныне имени и отчеству, но и потому, что он рано утром первым прибыл на конкурс. Секретарь клуба записывал его имя и отчество в ведомость, повторяя вслух по слогам, хотя канаровод принимает участие в конкурсах уже не первый раз. В прошлом году он получил тут серебряную медаль. «А на золотую, – уверяет он, – никто не споет!» Как и все канареечники, он тоже мастеровой человека, всю жизнь проработал на заводе. Пока Евстафий Акакиевич уходит смотреть чужих канареек и переброситься парой слов с другими любителями, клетки сторожит его сын Владимир. Оказывается, оставлять птиц без надзора нельзя. Мало ли что. Хорошую канарейку могут выкрасть или подсыпать порченое зерно. Такая беда случилась с канарейкой известных павловских «охотников» Угаровых. Правда, произошло это в Москве. А павловский конкурс ценится за уютную, теплую и домашнюю атмосферу. Тут даже чай и пирожки организаторы дают бесплатно, за участие в конкурсе взноса не берут. Потому едут сюда даже из Тюмени, Новосибирска и Воронежа…

«Слабый конкурс! – кричит вдруг подошедший и по-прежнему раздосадованный Карев. – Я зачем сюда пришел? Мне нужна самочка под доброго певца. У вас нет?» Карев собирается рассказать о старых павловских канароводах Рябове и Горшкове, но звон настойчивого колокольчика дает знать, что перерыв закончен и канароводам пора снова занимать места в зале.

МУДРЫЙ ОБЫЧАЙ

После перерыва дело явно застоприлось. В зале царит тишина, зрители уже не спорят друг с другом, а внимательно слушают канареек. Только раз кто-то громко выкрикнул во время выступления очередного конкурсанта: «Выкинуть такую птицу!», но его тут же оборвали: «Охотника надо выкидывать, а не канарейку!»

Народу в зале прибавилось, мест не хватает, зрители подпирают двери. Только теперь становится ясно, что конкурс канареек остается для Павлова одним из главных событий года.

Птицы заливаются, их голоса слышны даже в самых дальних уголках зала. Думаешь: сколько нужно условий, чтобы птица спела! Чтобы не было шума, чтобы резкий внезапный звук не испугал кенаря. Чтобы вдруг не ожила и не полетела под потолком проснувшаяся муха. Чтобы не зазвонил не выключенный

Благодаря Надежде Николаевне Чилиной, возглавляющей районный Центр народных ремесел, у канароводов есть помещение для конкурса и призы...

Полученными дипломами канароводы потом украсят задние стенки клеток

кем-то по забывчивости телефон. И чтобы тот же Карев не объявил громогласно на весь зал: «За это колено можно 8 баллов ставить!» Я так и не понял, как знатоки умудряются различать песни канареек, но уже не удивлялся, когда Владимир Щепкин из Нижнего Новгорода замечал: «Такая песня уже была!», а ему отвечали: «А это кенари одного хозяина! У него еще три кенаря, а хотел поставить четырех»…

После конкурса, ожидая решения судей, Владимир Михайлович Карев одиноко бродит по коридору. Его кенарь выступил плохо, хотя Карев добился, чтобы птица выступала дважды. Не спасло даже то, что старик вырвал белую клетку со своей птичкой из рук ассистента и лично вынес ее на сцену. Повторное выступление тоже провалилось: кенар «два раза ударил на синицу» и замолчал. В коридоре каждому встречному старик горестно возвещает: «Ну, конечно, угаровский кенар победитель! Как всегда угаровский!»

Фамилия братьев Угаровых знакома почти каждому канароводу России и ближнего зарубежья. Их отец, Сергей Иванович, был самым знаменитым владельцем павловских канареек. Сыновья унаследовали его птиц. Почти на всех конкурсах они занимают первые места. Тот самый кенар, пение кото-

рого вызвало в зале восторженный шепот «овсянка!», принадлежит Валерию Угарову.

А Карев все не успокаивается. Брат Валерия Угарова, Владимир, заседает в судейской коллегии и, по мнению старика, подсуживает родственнику. «Брат брата судит!» – возмущается старик, когда судейская коллегия присуждает первое место угаровской канарейке. Карев демонстративно не остается на концерт и с гордым видом отказывается от Почетной грамоты. Взяв клетку под мышку, он спускается по парадной лестнице Дворца культуры, бормоча: «Пропала школа павловской канарейки! Пропала!»

«Точно таким же обиженным он уходил и в прошлый, и в позапрошлые годы», – улыбается Владимир Угаров, пригласивший нас к себе в гости. Его дом полон клеток с птицами, кажется, что трели здесь звучат повсюду. Даже в спальне клетки громоздятся до потолка – стоят на шкафах, на серванте, прячутся в тумбочке, под столом. Помещение наполняют звенящие трели – хоть уши затыкай. Все канарейки – желто-голубые, даже лимонного цвета. И только две птицы выделяются серым мышиным цветом и своими размерами. Это те самые знаменные овсянки, от которых канарейки перенимают колена. «Эти овсянки еще отцовские. А отец умер полтора года назад!» – говорит Владимир Угаров, теперь самый старший представитель самой известной в Павлове и России династии канароводов.

«Мы оцениваем пение, а не длинные языки владельцев, – смеется Владимир, когда я его спрашиваю про обиженного Владимира Михайловича. – Карев это что! Наш отец был еще более резкий и категоричный человек в том, что касалось павловских канареек». Как-то повадился один из павловских канароводов в Москве за большие деньги покупать самцов канареек и выставлять тут на конкурс против павловских. Раз, второй, третий... Сергей Иванович Угаров так с ним разругался, что по-

В разведении
канареек
Владимир Угаров
во всем следует
отцовским
традициям

том даже здороваться перестал. Отец Угаровых выводил линию только павловской канарейки и других сюда старался не допускать.

Держать канарей он начал еще мальчишкой. Старики ему бесплатно отдавали хромых канареек или, скажем, птичек без одного глаза. А спустя годы за птицами к Сергею Ивановичу Угарову на берег Оки приезжали со всех концов Советского Союза, а после его распада любители с Украины, из Эстонии, Латвии, Белоруссии, Таджикистана, Грузии были частыми гостями в большом деревянном доме Угаровых. Туристов с речных теплоходов водили к нему на экскурсию в дом. Школьники целыми классами приходили слушать канареек. Этую традицию отца продолжают и его сыновья. Если обратятся с просьбой принять экскурсию или школьников – всегда готовы. И канарейку подарят детям, и клетку. Лишь бы увлеклись... Птицы у братьев почти такие же, как и у отца, – цвета лимона и шафрана. И такие же мелодичные. Но больше 8–10 колен не берут. И хотя в Москве есть канари, берающие 15–20 колен, братья к такому результату не стремятся, как и отец. Надо сказать, что Угаров-старший сыновей к канарейкам не приучал и никаких советов им не давал. Всему научились сами, подражая ему и слушая разговоры отца с друзьями-канароводами. «Они за чаем часто сидели и обсуждали канареек, а мы под столом, – вспоминает Владимир. – Правда, была у отца странная манера...». Старший сын ее не понимал. Владимир в детстве держал в большом количестве дикую птицу. Ловил в лесу и в поле снегирей, синиц, лазоревок, щеглов, чижей, овсянок... Делал для ловли тайники и сетки. Пойманную птицу сажал в вольеры. А отец диких птиц обязательно выпустит из клеток – всех до одной. Очень на это старший сын обижался. Думал, отец выпускает птиц, чтобы они не портили своим пением канареек. И только потом понял, что отец руководствовался другим. Это случилось, когда Сергей Иванович ему как-то вдруг прочел стихотворение Пушкина: «В чужбине свято наблюдаю // Родной обычай старины: // На волю птичку выпускаю // При светлом празднике весны...» Этот старинный обычай на Благовещение выпускать на волю из клеток птиц ушел в прошлое еще в XIX веке... Но Сергей Иванович, владелец многих клеток с канарейками, знал и помнил о нем всегда.

«Мудрый был отец, – вздыхает Владимир. – Хорошо бы этот обычай возродить...»

В ПОИСКАХ ИНДИЙСКОГО «ИЕРУСАЛИМА»

автор

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ [ФОТО АВТОРА]

АФАНАСИЙ НИКИТИН ПРИЧАЛИЛ К ИНДИЙСКОМУ БЕРЕГУ В ПОРТЕ ЧАУЛ, РАСПОЛОЖЕННОМ ЮЖНЕЕ СОВРЕМЕННОГО МУМБАЙ. ДАЛЬНЕЙШЕЕ ЕГО ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СТРАНЕ В ЦЕЛОМ ПРЕДСТАВЛЯЛОСЬ ЯСНО, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ ГОРОДА ПАРВАТА, КОТОРОМУ АФАНАСИЙ В СВОИХ ЗАПИСКАХ УДЕЛИЛ НЕМАЛО ВНИМАНИЯ. В НЫНЕШНЕЙ ИНДИИ ТАКОГО ГОРОДА НЕТ.

В МОСКВЕ ЗАГАДКУ ПАРВАТА разгадать не удалось. Возможно, название города связано с культом Парвати – супруги Шивы. Один востоковед мне рассказывал, что санскритское «парват» означает «гора», и Никитин, скорее всего, писал о

расположенном на горе храмовом комплексе. А таких «парватов» в Индии множество. Смущало одно: «Парват, где у них бутхана – то их Иерусалим... Велика бутхана, с пол-Твери, каменная», – писал Афанасий. Вряд ли так можно сказать о храме на горе. Помощь в поисках я рассчитывал получить в Российском центре науки и культуры в Дели, где несколько поколений специалистов занимались «Хождением за три моря».

«ЛОБ БЕЗ ПЕПЛА – ГОЛОВА ПУСТАЯ»

Из Амритсара в Дели ехать на поезде почти целый день. Индийские вагоны отличаются от пакистанских только тем, что боковые места лежачие, да оконные проемы перекрыты железными прутами. Наверное, для того, чтобы пассажиры не лазили через окна. Поезд набился под завязку. В третьем классе, где я ехал, наблюдалась толкотня как в московских электричках в час пик. Хорошо, что удалось занять место возле окна, и толпы людей с баулами в проходе меня не особо беспокоили. Пейзаж за окном напоминал родные просторы: золотые поля пшеницы устилают равнину, разделенную лесополосами. Если бы не верблюды, обладающие листву на деревьях, то можно было бы подумать, что я нахожусь где-нибудь в Ростовской области. Пенджаб называют житницей Индии, здесь выращивают четверть всей пшеницы страны. Кое-где уже началиась уборка урожая. Крестьяне, сидя на корточках, собирали колосья серпами и связывали их в небольшие снопы.

В деревнях между домами стоят аккуратные горки из лепешек кизяка разной формы и размеров. Тут же можно наблюдать,

«Ворота Индии» – памятник индийским солдатам, сражавшимся в британской армии в войнах с афганцами и в Первой мировой. Арка с выбитыми на ней 90 тысячами имен погибших открыта в 1931 году

как женщины делают эти лепешки, смешивая навоз с соломой. В Индии кизяк по-прежнему остается одним из основных видов топлива для приготовления пищи – и не только в деревнях. Говорят, в стране распространены биогазовые установки на кизяке, однако сам я такие передовые экотехнологии не видел.

Индийцы не только не испытывают никакой брезгливости к навозу, но в каком-то смысле боготворят его. Пережженный коровий навоз – это священный пепел вибхути, которым аскеты посыпают все тело, а простые люди наносят на лоб три горизонтальные черты и прочие ритуальные символы. Одно из зна-

Пассажиры делийской электрички так удивились направленному на них объективу, что достали свои мобильники и начали фотографировать меня

Огромные поля пшеницы в Индии по-прежнему убирают серпами

чений этих рисунков пеплом на лбу – напоминание об истории сожжения бога плотской любви Камы, который отвлекал от медитации Шиву, за что и был превращен в пепел. Так и всякого индуиста нанесение вибхути призывает не замыкаться в мирской жизни, а помнить о божественном. Есть такая поговорка: «Лоб без пепла – голова пустая». Вибхути также широко используется в древнеиндийской медицине Аюрведе, его добавляют в различные препараты, а также употребляют в чистом виде натощак. Строго говоря, вибхути – продукт сожжения всех пяти даров священной коровы: молока, дхай (простокваша), масла, мочи и навоза, но на 99 процентов – это навоз.

ИНДИЙСКОЕ МЕТРО

За десятки километров до вокзала начался Дели – необъятный город, занимающий несколько сот квадратных километров. По мере приближения к центру дома все больше жались к железной дороге, пока не приблизились вплотную. Дома – это трех- и четырехэтажные, потрепанные временем многоквартирные коробки. На веревках сушится постиранная одежда, развеваются 10-метровой длины сари. Стены домов облеплены лепешками кизяка – чтобы «топливо» скорее высохло. Видавшие виды старые городские электрички забыты до такой степени, что люди едут, сшиваясь из дверных проемов... А вот прибежище нищих, построенное из веток и картона, малолетние обитатели которого увлеченно играют в крикет. По улицам бродят коровы, неторопливо скрипят деревянные телеги, их толкают голые по пояс индийцы; у кого-то тягловой силой выступает осел. Груз самый разный – от бананов до кирпичей... Кажется, мой давний друг Дели ничуть не изменился за прошедшие десять лет. Но это первое впечатление от окраин. Один только взгляд на вокзал убедил в том, что упорная работа городских властей по

превращению Дели в приличный, европейского вида город идет полным ходом. Здесь – чистые ровные платформы, оборудованные электронным табло у места остановки каждого вагона. Билетные кассы полны всякой электроникой...

Исчезли ватаги нищих, сидящих на привокзальной площади. Появилось метро. Трудно поверить, что неторопливые индийцы за десять лет построили шесть линий и 142 станции. Чтобы не стоять в бесконечных вечерних пробках на дороге, я спустился в подземку. Признаться, такой толкотни в метро я не видел даже в час пик у нас в Москве. Самая необъятная толпа стояла в билетные кассы. Первые минуты я не хотел верить этому, надеялся, что народ стоит за чем-то иным, спрашивал служащих, как оплатить проезд, может, есть автоматы для жетонов на одну поездку. Все указывали на гигантское столпотворение у касс. Говорили, стоять придется более часа! От такой неожиданной ново-

Офисные высотки в деловом центре Каннот-плейс

Парк, окружающий церемониальный проспект Раджпат (то есть «Царская дорога»), в выходной день

сти мне сразу стало не по себе, 20-килограммовый рюкзак начал невыносимо давить на плечи. Я пробрался по краю в начало очереди. «Должно же быть схождение к европейцу, впервые оказавшемуся в делийском метро, – рассуждал я, – да еще с большим рюкзаком». Однако все стоящие впереди на отрез отказывались купить мне

жетон. Протиснулся к другому краю толпы – и там никаких поблажек. Вдруг стоящий немногого в глубине толпы сикх в тюрбане закричал мне: «Никаких проблем! Иди сюда, я куплю тебе жетон. Добро пожаловать в Дели!» Одно слово – сикх... От следующей очереди уже никак не отделаться. Все пассажиры перед входом в метро должны

Перед дворцом президента делийские студенты выражают все свои чувства: если чем-то недовольны, устраивают митинги на площади, а если всё в порядке – резвятся в фонтане

пройти через «рамку», а всякую, даже маленькую, поклажу поставить на конвойер «просветки». После «рамки» каждого еще ощущивает полицейский. Подземный мир индийской столицы удивил. Кругом чисто, все новенькое, сверкающее. Прогладно. Кондиционеры работают и в вестибюлях, и в просторных бесшумных немецких поездах. Но, конечно, не обошлось без всяких индийских чудачеств. Например, в делийском метро не принято спрашивать у впереди стоящих пассажиров, выходят ли они – все просто молча пробираются к выходу. Причем, в отличие от наших пассажиров, индийские даже с места не двигаются, чтобы дать возможность пройти, – работать локтями нужно без устали. Как-то передо мной

стояли два офисных клерка – с кейсами, в галстуках и деловых очечках. Народа в вагоне было немного, до двери всего 2 метра. Думаю: ну зачем я буду толкаться, по всему видно, люди солидные. Спрашиваю: «Вы выходите на следующей станции?» «Yes, yes», – отвечают клерки. Но я ведь в Индии – чтобы не ошибиться, спрашивать нужно минимум три раза. «Следующая станция Манди-хаус? – уточняю я. – И вы выходите на станции Манди-хаус?» В ответ снова: «Yes, yes». И что вы думаете? Поезд останавливается, двери открываются. Все стоят, не шевелясь. Едва успел растолкать всех и выбраться из вагона. Ну и не удержался, чтобы не выразить своего отношения к происшедшему – громко и ясно, хоть и по-русски. Клерки в ответ не ру-

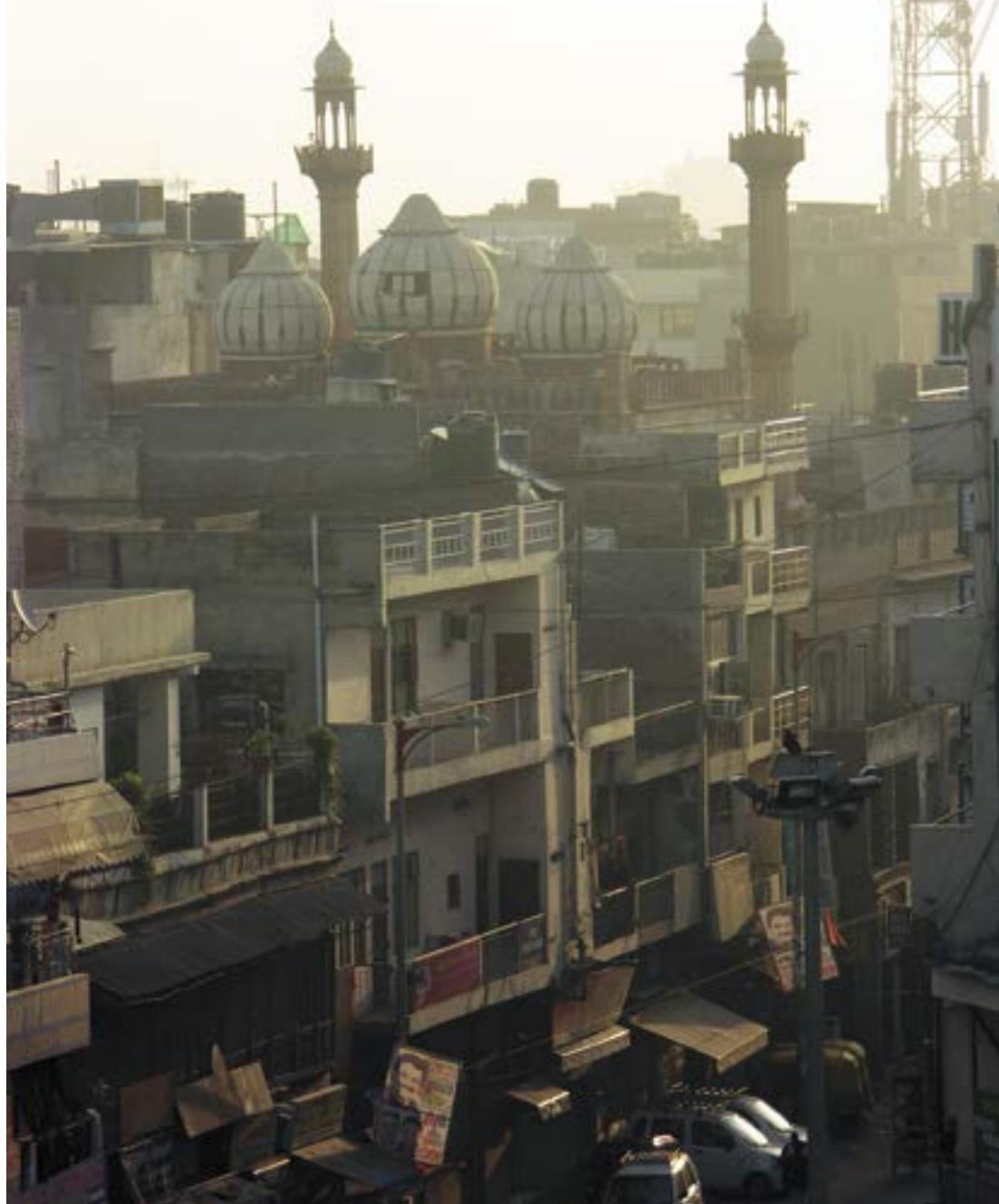
гались, только пожали плечами: мол, странный какой-то тип. А что касается очередей в кассы – это обычное явление в делийском метро. В следующий раз, совсем не в час пик, я простоял полчаса за жетоном. Жетоны нельзя купить впрок, действуют они строго на поездку до определенной станции – на входе жетон прикладывается к турникету, на выходе опускается. Только после я узнал о магнитных картах. Очередь за этими картами всегда в пять раз меньше, по карте можно ездить долго, пока внесенные на нее деньги не израсходуются. Срока годности карта не имеет, в любой момент ее можно сдать – возвращают и залог (1 доллар), и все оставшиеся на счету средства. Но индийцы стоят за одноразовыми жетонами...

ВОСТОЧНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ

Столичные автобусы тоже преобразились. Раньше это были старые рыдваны без стекол и дверей. Ждать их надо было долго, а когда они появлялись, приходилось запрыгивать на ходу или вступать в отчаянную схватку на остановках за место в автобусе. Одновременно нужно было выяснять, в нужный ли район данный рыдван направляется: номера маршрутов и название конечных станций писались исключительно на хинди. Теперь делийский автобус имеет обычный европейский вид – просторный, с высоким потолком, большими застекленными окнами, автоматическими дверьми, вентиляторами. На электронном табло автобуса светятся номер и маршрут следования – все на английском. Толкотня в салоне теперь случается редко – автобусы ходят часто. Правда, и цена проезда выросла раза в четыре. Раньше водители тормозили каждого, кто махнет рукой. Сейчас автобусы останавливаются исключительно на остановках.

С высокого сиденья в таком автобусе я наконец увидел, куда подевались нищие. На южном вокзале Низамуддин есть высокий красивый забор, за который я смог заглянуть только из автобуса. Все пространство за стеной занимали нищенские шалаши, сооруженные из какого-то тряпья. Над шалашами возвышались ржавые спутниковые тарелки...

Но все равно делийским властям нужно отдать должное в борьбе с нищетой. Конечно, на улицах нищих стало меньше, частично потому, что их сконцентрировали и отгородили в анклавах. Но и то, что на месте бывших трущоб постепенно растут небоскребы, – факт. В целом в Дели стало заметно чище, появились общественные туалеты. Правда, иногда совсем общественные – типа открытого писсуара на многолюдной улице... Всюду стоят указатели с названиями улиц. А раньше была целяя проблема найти что-то по

Старую улицу-рынок Пахарганж в центральном Дели в 1970-х годах облюбовали хиппи, а теперь здесь останавливаются вольные путешественники со всего мира

Одна из множества скульптур в огромном парке храма Лакшми-Нараян

адресу. Указатели в редких случаях если и существовали, то в виде низеньких бетонных плит, часто завешенных дребеденью уличных торговцев. Уличной торговли, кстати, стало гораздо меньше, да и та все менее восточная. Даже на таком традиционном рынке, как Пахарганж, когда я пытался торговаться, продавец возмутился: «Что это за базар? Так никакого бизнеса не сделаешь». Теперь в ходу немыслимые до этого вывески в делийских лавках типа No bargaining («Без торга»). На дорогах заметны первые попытки приучить водителей ездить по правилам дорожного движения. Например, несколько раз видел на пешеходном переходе регулировщика с красным и зеленым флагштоками. К светофорам местные шофера особого почтения не проявля-

Храм Лакшми-Нараян в Нью-Дели открыл Махатма Ганди в 1939 году, установив при этом свободное посещение храма верующими всех конфессий

ют. А регулировщика слушают-ся. Того и гляди со временем выработается условный рефлекс на красный и зеленый цвета... Постоянный грохот машин на улице и рев клаксонов остались неизменными. Поймал себя на

мысли, что я почти не расставался с берушами от самой пакистанской Ларканы. А что еще оставалось? В городах – шум от машин, в поездах – шум от того, что нет стекол в окнах, колеса стучат как будто по голове, а еще большее неудобство – выдерживать грохот встречных поездов. В гостиницах шумят большие вентиляторы под потолком – конечно, шум не такой громкий, как на улице, но спать мешает. В Дели от беруш у меня сильно разболелись уши, пришлось переходить на менее эффективную вату. Мне казалось, что городской шум просто не победим, но неожиданно я увидел средство – электромобили. Это невероятно, но среди нищеты и ветхости старого Дели ездят такие же нищие и ветхие электрорикши! Я бы никогда не догадался, что меня везет электрорикша, если бы не медленная, спокойная манера езды водителя, без рыков. После поездки я его даже похвалил за примерную езду. И обратил внимание на спидометр: там большие лампочки показывали зарядку аккумулятора. А если на секунду отключиться от гула дороги, то можно понять, что электрорикша движется почти бесшумно.

ВИДЖАЯНАГАР – НЕ ВИДЖАЯВАДА

В Российском центре науки и культуры в Дели меня обрадовали, что путешествием по столицам Никитина заинтересовался профессор-руссист одного из ведущих вузов страны – Университета имени Дж. Неру. Я договорился о встрече, уверенный, что «Хождение за три моря» профессор изучил досконально, ведь совсем недавно он перевел на английский язык одно из первых серьезных исследований этих записок – работу крупнейшего русского индолога XIX века Ивана Павловича Минаева «Старая Индия: заметки на «Хождение за три моря» Афанасия Никитина».

Кампус Университета Неру находится в юго-западной части Дели в заповедном уголке, где нет ни толп людей, ни мусора, ни скверных запахов, – здесь настоящий тропический лес площадью 400 гектаров. Я шел по тенистым тропинкам, соединяющим учебные и жилые корпуса, и удивлялся: вся эта масса

здания железнодорожного вокзала Мумбаи – роскошный образец неоготической архитектуры XIX века, памятник Всемирного наследия ЮНЕСКО

экзотических цветов, поющих на разные лады птиц существует в окружении задыхающегося от выхлопных газов Дели. А вот студенты хоть и пребывают постоянно в этом раю, питают свой дух совсем не красотами природы. В учебных корпусах стены изрисованы всевозможными политическими и социальными лозунгами и картинами: коммунистические серп и молот, профили Ленина и Че Гевары, женщины в окровавленных хиджабах, «за достойную жизнь в Азии», «за мир во всем мире», символы и аббревиатуры каких-то местных партий и движений. Позднее мне довелось встретиться с одним

из старейших профессоров университета, доктором Налином Кумаром. Профессор с гордостью констатировал, что у них самые активные в социальном плане студенты в мире. Например, в Дели уже давно остро стоит проблема насилия в отношении женщин. Происшедший в декабре 2012 года случай зверского изнасилования в столичном автобусе стал последней каплей. Тысячи студентов университета вышли к зданию парламента, «завели» весь город, требовали решительных действий. Под таким напором власти вынуждены были в спешном порядке принять законы, предельно ужесточающие нака-

Особая «каста» привилегированных нищих в центре Мумбаи

зание за насилие против женщин вплоть до смертной казни. С профессором-русистом встреча тоже состоялась. На вопрос о Парвате он ответил, что это Виджаянагар – столица одноименной индуистской империи того периода. Я попросил показать на карте, под каким названием значится это место сегодня. Попытав немного, профессор указал на некий город Виджаявада почти на побережье Бенгальского залива. Для большей уверенности он позвонил кому-то по телефону, уточнил. Все верно: Парват – это Виджаявада.

А меня все-таки мучили сомнения. Слишком уж странным казался такой маршрут, да и припоминалось, что Виджаянагар где-то неподалеку от Гоа – туристы туда часто на экскурсии ездят. Я позвонил директору Российского культурного центра в Мумбаи (до 1995 года город назывался Бомбей. – Прим. авт.), который порекомендовал мне ознакомиться со статьей на английском языке индолога Ирины Павловны Чельышевой. Ирина Павловна несколько лет назад работала в Мумбаи, провела исследование маршрута Никитина в Индии, результатом чего стала публикация, помещенная в приложении... английского перевода «Старой Индии». В подаренном мне профессором экземпляре книги я статью и обнаружил. Выяснилось, что Виджаянагар совсем не Виджаявада, а Парват совсем не Виджаянагар. Однако название современного города, где стоял древний Парват, в статье не называлось – только ориентиры. Я вновь отправился в Делийский культурный центр. Но никто помочь в поисках не мог. А библиотекарь центра, русская женщина средних лет, после того как я вскользь упомянул о своем путешествии, с удивлением спросила: «А что, Афанасий Никитин тоже был в Индии? Наверное, картины писал? Мы в прошлом году получили из Русского музея такой красивый альбом работ Верещагина в Индии»...

Набережная
«Аполлона».
Златокудрого
греческого бога
здесь никогда
не было, в такой
романтический
топоним
постепенно
трансформиро-
валось
европейцами
название
рыбы «палла»,
в изобилии
продававшейся
на набережной
в старину

ГОРОД ИНДИЙСКИХ КОНТРАСТОВ

В Мумбаи я ехал на поезде по берегу Аравийского моря. Здесь заканчивался «крюк», начатый в Карачи. Вновь я двигался по пути, проходящему рядом с маршрутом следования корабля Никитина, взгляделся в лазурные воды моря и пустынные пейзажи в глубине континента... Мумбаи стискивает железную дорогу до предела. Порой несущийся поезд и стену жилого дома отделяет только метр! Экономическая столица Индии в борьбе с нищетой явно уступает Дели – трущобы вдоль берега моря здесь жуткие. Мумбаи, наверное, самый контрастный город Индии. Зеркальные небоскребы соседствуют с трущобами, тут же каменный лес многоэтажек спальных районов и опять трущобы. 20-миллионный Мумбаи по плотности населения занимает второе место в мире. В среднем на одном квадратном километре здесь уживаются 22 тысячи человек, а в самой большой трущобе на планете – Дхарави – плотность населения составляет 330 тысяч человек на квадратный километр! Хотя по виду из окна поезда Дхарави, скорее, похож не на трущобные жилища из всяко-

го мусора, а на предельно грязный, тесный, зловонный квартал каменных домов, многие из которых в несколько этажей высотой. И совсем недалеко отсюда стоит самый дорогой в мире частный дом богатейшего человека в Индии. Этот небоскреб оценивается в 1 миллиард долларов и имеет 37 тысяч квадратных метров жилой площади... Наверное, из-за такого цинизма мумбайских магнатов и нищие в городе очень наглые, хватают за одежду – сидячие за штаны, стоящие за рубашку, тычут в лицо свои страшные как смерть руки, кричат. Никитин такой проблемы не знал, а мне приходится привыкать. Только представьте, по данным Всемирного банка, в Индии около 400 миллионов нищих, то есть тех, кто живет менее чем на 1,25 доллара в день. Конечно, далеко не все из них занимаются попрошайничеством. И слава богу! Ну а исторический центр Мумбаи красив и оригинален. Старая викторианская архитектура, готические формы, двухэтажные автобусы, парки, романтическая набережная, яхты под парусами. Английский стиль смешан с чем-то неповторимо индийским – это присутствует и в архитектуре, и в самой

атмосфере. Горожане совершают утренние прогулки по аллеям, в тени огромных деревьев с висячими корнями, и по набережной, поднимая в воздух стаи ворон. Пожилые индийцы собирались в круг для совместной зарядки. Закутанные в сари бабушки занимаются не йогой, а обычной европейской гимнастикой. Рядом манифестанты с транспарантами и индуистскими оранжевыми флагами проходят по улицам мирно и организованно... Люди шагают на работу. В давке здесь можно оказаться не только в транспорте, но и на тротуаре. Парни в униформе престижного колледжа топают по асфальту босыми ногами.

Днем по набережной снуют всякие шарлатаны – гадатель на костях, хиромант, заклинатель змей, «брахман», пытающийся привязать доверчивым туристам ритуальную веревочку на руку. Шоу с коброй смотрелось эффектнее всего остального, туристы обступили кудесника с дудочкой, восторгались и фотографировали. Разоблачил заклинателя проходивший мимо индиец. Он посмотрел на кобру и махнул рукой: «А змея-то резиновая».

Хватает в центре и нищих. В отличие от Дели их здесь, видимо, никто не гоняет. А быть может,

Недаром Мумбаи называют «индийским Лондоном»

Ольга Шепелянская движениями индийского танца исполняет русскую тему «Серебряный кувшин»

все это какие-то особые уличные жители? Спят они хоть и на тротуаре, но под москитной сеткой, иные смотрят портативный телевизор...

Я надеялся выяснить местонахождение Парваты в Российском культурном центре в Мумбаи, который более всех других наших центров в Индии использует в работе этот символ российско-индийской дружбы. Однако директора центра я на месте не застал. Зато попал на представление российской танцовщицы Ольги Шепелянской. Также в центре послушал концерт индийских музыкантов и посмотрел выставку «Моя Индия» художника Александра Долбенко. И не заметил, как стрелка часов перевалила за 21 час. Директор все не возвращался. Говорили, он уехал

встречать делегацию, а его мобильный телефон вчера заблокировали – связаться с ним нет никакой возможности. И как это мы раньше жили без мобильников... В поисках Парваты я обратился за помощью к индийским сотрудникам центра. Мы устроили настоящий мозговой штурм с применением всех доступных карт. Что это за город, как пишет Ирина Чельышева, в 103 милях от Хайдарабада, на берегу реки Кришны? Городов там много, но даже близкого по названию нет. Нашли Парват только тогда, когда стали читать о главном святилище города – храме Малликарджуне Сри Сайла. Индийцы сразу определили – это Срисайлам, выстроенный на холмах крупный религиозный центр индуистов. Само название города «Сри Сайла» означает «Божественная гора». Интересно, что разыскать никитинский Парват ученыe смогли благодаря запискам английского исследователя Колина Маккензи, который побывал в храмовом комплексе в 1794 году. Англичанин также называл его «Парватум» и сходно с Никитиным описывал святилища. Маккензи не сомневался, что он первый из европейцев кому удалось увидеть эту запретную святыню индуизма... ☺

